АВТОРЫ:

Иваненков Сергей Петрович

доктор философских наук, профессор, Почетный работник сферы молодежной политики РФ. Действительный член Международной академии исследований будущего. Главный редактор журнала «Credo new».

Кусжанова Ажар Жалелевна

доктор философских наук, профессор, действительный член РАЕН. Действительный член Международной академии исследований будущего. Заместитель Главного редактора журнала «Credo new».

ISBN 978-5-907116-00-9

9 785907 116009

Иваненков С.П., Кусжанова А.Ж. **ТАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ**
История одной первички в эпоху перестройки

К 100-ЛЕТИЮ ВЛКСМ

Иваненков С.П., Кусжанова А.Ж.

ТАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ

История одной первички в эпоху перестройки

К 100-летию ВЛКСМ

Иваненков С.П.
Кусжанова А.Ж.

ТАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ

История одной первички в эпоху Перестройки

Санкт-Петербург
Издательство ООО «НПО ПБ АС»
2018

ББК 66.75(2)
УДК 329
И18

Рецензенты:

Смирнов П.И., доктор философских наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета;

Мусиенко Т.В., доктор политических наук, профессор Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России.

Иваненков С.П., Кусжанова А.Ж.

И18 Так закалялась сталь. История одной первички в эпоху Перестройки. – СПб.: Издательство ООО «НПО ПБ АС», 2018. – 316 с.

ISBN 978-5-907116-00-9

В книге представлена история реальной первичной комсомольской организации Оренбургского политехнического института в период Перестройки в СССР, завершившейся развалом страны и комсомола. На основе архивных материалов и личных воспоминаний участников тех событий проведена историко-логическая реконструкция общественно-политической обстановки, в которой происходил слом советской системы политико-идеологической работы с молодежью, как это выражалось в деятельности различных партийно-комсомольских структур, отражалось на судьбах и позициях комсомольских работников; показан процесс формирования в рядах ВЛКСМ лидеров новой формации, способных работать с молодежью в новых условиях, становления их в качестве реальных участников исторического процесса путем обретения субъектной позиции и превращения из формальных лидеров молодежи в реальных творцов будущего.

При оформлении обложки использован плакат 80-х гг.

ISBN 978-5-907116-00-9 © Иваненков С.П., Кусжанова А.Ж., 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 4

Застой и начало Перестройки 7

1985–1986 годы 19

1987 год 62

1988 год 141

1989 год 207

1990–1992 годы 284

Вместо послесловия 309

Post scriptum 313

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как известно, времена не выбирают, в них живут. Разные времена по-разному изменяют судьбы людей, социальных структур и образований, государств, стран и народов. Одних поднимают на вершины истории, оставляя их имена на ее скрижалях как великие дела и достижения человечества, других низвергают в бездны позора или забвения.

Нам довелось жить в удивительное, очень интересное и драматичное время. Кипучее, захватывающее, непредсказуемое. Рождавшее бури изменений, всплески оптимизма и надежд, порывы устремленности вверх и в будущее. Затем они сменялись смятением, растерянностью, горечью потерь, ужасом и отчаяньем перед лицом бездны, на глазах поглощавшей привычный, сложившийся и, казалось, такой устойчивый мир. Воистину это было время тектонических сдвигов и планетарных катастроф.

Время, о котором мы хотим рассказать, – это вторая половина 80-х годов XX века, ставшая для величайшей страны под названием СССР той исторической ареной, на которой разыгралась драма всемирного масштаба. Россия великих самодержцев, пять веков прираставшая землями и морями, природными богатствами и духовной силой, военной мощью и ратной славой, ставшая в XX веке могучим Союзом Советских Социалистических Республик – самым большим и мощным государством на планете, вступила в пятилетие своего заката. Это были последние пять лет страны, воспринявшей великие идеи справедливости, равенства и чести для всех трудящихся людей планеты и 70 лет мужественно боровшейся за то, чтобы превратить эту сказку в быль. Пять лет, после которых СССР прекратил свое существование. Вместе с ним, казалось, ушла в небытие не просто одна из

стран, но также великая коммунистическая идея, которую он воплощал. Но этот конец означал не точку, а многоточие. И пень от рухнувшего дуба весной покрывается зелеными побегами, знаменуя новый этап его жизни, питаемой его корнями.

Мы хотим рассказать о том, как возникали эти побеги, откуда набирались они жизненной силы и черпали энергию для устремленности в будущее. Но поскольку цель у нас определена, и она не метафорична, постольку мы сделаем это, наполнив литературный образ и метафору конкретным историческим содержанием. Наша задача – не только понять это время и историю нашей страны под названием СССР – Россия в абстракции научно-философских схем и принципов, а увидеть и показать эту историю в реально происходивших процессах и действиях, судьбах и чаяньях живых людей. Эта конкретика, красками жизни расцвечивающая сухой и беспристрастный научный анализ, нередко позволяет делать не менее глубокие заключения, и не благодаря строгой логике и правилам рассуждения, а приводя к знанию путем живого очувствования, предугадывания, предвкушения неизбежного вывода.

Вместе с тем, это будет повествование, не нарушающее принципов истинности и объективности научного знания. Словом, это будет исторический опус во всем букете смыслов, на которые богаты история и исторические повествования, с известной долей философской рефлексии, в конечном счете призванной дать понимание сути и ответ на вопрос: «А что же это было?»

Однако материал, которым мы располагаем, и опыт, которым мы руководствуемся, не настолько обширны, чтобы обеспечить решение любой познавательной задачи. Да и интерес у нас задан достаточно строго – замечательной исторической датой, заслуживающей того, чтобы о ней вспомнили. В этом году мы празднуем 100-летие со дня основания Всесоюзного Ленинского Коммунистического Со-

юза Молодежи, Комсомола. Наверное, у каждого поколения советских людей был свой комсомол, но для всех он олицетворял боевую молодость, служение великим идеалам, самоотверженность и устремленность в будущее. Значение Комсомола для советской молодежи и для страны трудно переоценить. И чтобы сказать о нем кратко, но ярко, обратимся к стихам:

Стране нужны мы были в самом главном –
Мы помогали молодёжи жить

Осознанно, ответственно и ярко,
Не прожигая понапрасну суть.
На волнах жизни не теряя якорь,
И не приемля пенистую муть.

Мы были вдохновенны и азартны
В работе, в увлеченьях и в страстях,
В науке, в спорте и на службе ратной,
В походных песнях, в пламенных стихах.

Корчагины, Гагарины и Зои –
Нет, не случайны эти имена!
Недаром с нами занимались зори
И многого достигла вся страна.[1]

И подытоживая:

Нам они оставили в наследство
Днепргэс, Магнитку, целину,
Мирное, безоблачное детство
СССР – великую страну![2]

---

[1] Ало Ходжаев. 90-летие ВЛКСМ// Комсомол в нашей судьбе - http://komsomol-100.narod.ru/index.htm

[2] Карасев Анатолий. 14.06.2013// http://comstol.info/2011/10/biblioteka/2545

ЗАСТОЙ И НАЧАЛО ПЕРЕСТРОЙКИ

Итак, речь о комсомоле и комсомольцах середины 80-х. Что предшествовало этому времени? Об эпохе застоя уже написано много, поэтому вкратце. В целом застой, – отмечает М. Александрова[1],– период в истории СССР особый. С одной стороны, эта эпоха отличалась стабильностью и спокойствием в социальном отношении. Показатели благосостояния населения в 70-х годах прошлого века достигли в стране невиданного до тех пор уровня. Стабильное развитие культуры, искусства, образования, науки. Активное массовое строительство бесплатного жилья и новых микрорайонов, одновременно с которыми строились детские сады, поликлиники, школы, дворцы спорта и детского творчества. Доступными и действительно бесплатными были образование и медицина. Государство обеспечивало социальные гарантии на труд и обеспечение, цензура СМИ обеспечивала контроль информации, делая ее позитивной, военная мощь СССР позволяла не ждать нападения извне, и брежневский застой, по большому счету, стал наиболее спокойным периодом в истории СССР.

С другой стороны, рядовым гражданам не хватало одежды и предметов быта, в дефиците были некоторые продукты питания. Не прогрессировали сферы производства технических новинок – видеомагнитофонов, проигрывателей, автомобилей и п. Это возбуждало у советских людей повышенный интерес к капиталистическому миру. Закрытые железным занавесом, они все чаще мечтали об отъезде за границу. Был создан особый миф о том, что западный человек в целом живет гораздо лучше и комфортнее, чем гражданин СССР. Партийная верхушка состарилась и стала представ-

[1] Что такое застой (период)? Эпоха застоя в истории Советского Союза – FB.ru: http://fb.ru/article/229420/chto-takoe-zastoy-period-epoha-zastoya-v-istorii-sovetskogo-soyuza

лять собой закрытый клан, куда не могли попасть обычные способные управленцы, все решали связи: они давали и высокий общественный статус, и получение особых благ и прав. Идеи социализма и коммунизма пришли в упадок, многие граждане потеряли веру в эти идеалы

Впервые брежневский период «застоем» назвал молодой и перспективный Генеральный секретарь ЦК КПСС М.Горбачев, выступая перед слушателями в 1986 году. Многие были солидарны. К середине 80-х годов целый комплекс причин способствовал ухудшению ситуации в стране.[2] Неэффективная экономическая политика стала причиной значительного снижения темпов экономического развития. Ввод советских войск в Афганистан требовал материальных затрат, а также вызвал экономические санкции против СССР. Спад мировой экономики в начале 80-х годов способствовал снижению спроса и падению цен на нефть, отказ стран ОПЕК (1983 г.) от фиксированных цен и увеличение добычи Саудовской Аравией обвалили цены в 3,5 раза. Новое руководство СССР во главе с М.С. Горбачевым, пришедшим к власти в марте 1985 г., понимало, что в существующих условиях стране грозит экономический коллапс или, в лучшем случае, значительный спад по всем показателям, что нужно существенно менять структуру управления экономикой, а также проводить реформы во всех сферах жизни страны.

Страна устала. Устала от тотального дефицита, от залежалых, пропахших плесенью и пылью лозунгов о прогрессивном строе равенства и справедливости, от тотального бюрократизма и контроля, от запретов и ограничений. Она жаждала и ждала перемен. Люди надеялись, что после эпохи «умирающих старцев» (Брежнева, Андропова и Черненко) наступит новая жизнь. И дождались.

[2] Далее по: Тетюшев М. Перестройка 1985–1991 в СССР: описание, причины и последствия. – FB.ru: http://fb.ru/article/225762/perestroyka---v-sssr-opisanie-prichinyi-i-posledstviya

23 апреля 1985 года на пленуме ЦК КПСС Михаил Горбачев объявил о программе широких реформ под лозунгом «ускорения социально-экономического развития страны». Спустя три недели, во время своего визита в Ленинград, на встрече с партактивом он впервые употребил слово «перестройка»: «Видимо, товарищи, всем нам надо перестраиваться. Всем».

Первым этапом перестройки, или «ускорением», считается время с 1985 по 1987 г.

Тогда речь шла только о необходимости ускорения экономического развития СССР. В задачи этого времени входило лишь введение некоторых административных реформ, увеличение темпов развития машиностроения и тяжелой промышленности, все нововведения тогда носили, в основном, административный характер, и никаких фундаментальных перемен в системе не предполагалось. Однако действия правительства желаемого результата не дали. Экономические показатели продолжали падать, а в обществе все больше росло недовольство политикой руководства. Это способствовало осознанию Горбачевым и партийной верхушкой факта, что полумерами не обойтись, а чтобы спасти положение, нужно проводить кардинальные реформы.

Настал черед второго этапа перестройки, началом которого можно считать 1987 год. В это время провозглашена политика демократизации общества и гласности. Была смягчена цензура, снят запрет с общественного обсуждения ранее закрытых тем, прекращено препятствование «вражеским голосам» – западному иновещанию. Поток открытой информации, частью приправленной недоброжелательными подправками и грубыми искажениями, к которой общество было просто не готово, привел к радикальной критике советской истории, прежних идеалов и ценностей, а с ней – к разрушению критериев добра и зла, к идеологическому и нравственному разложению. Усугубление этих процессов нарастало,

как снежный ком, что привело к возникновению националистических и сепаратистских настроений в стране. Протестные выступления в Алма-Ате, Тбилиси, Вильнюсе, межэтнический вооруженный конфликт в Нагорном Карабахе стали началом процессов жесткого противостояния между различными группами в обществе, между обществом и государством, между различными государственными образованиями внутри страны. При этом и на втором этапе перестройки так и не были достигнуты поставленные задачи построения демократического социализма.

Со второй половины 1989 года начинается третий этап перестройки, когда процессы, происходившие в стране, стали выходить из-под контроля центральной власти. По стране прошел «парад суверенитетов». Республиканские власти провозгласили приоритет местных законов и постановлений перед всесоюзными. В марте 1990 года о выходе из состава Советского Союза заявила Литва. В 1990 году в СССР была введена президентская должность, на которую был избран Горбачев. Было понятно, что прежний формат взаимоотношений между республиками СССР поддерживаться больше не может. Планировалось реорганизовать его в «мягкую федерацию» под названием Союз Суверенных Государств. В августе 1991 года произошла попытка остановить развал страны, стабилизировать общество, но это был путч, закончившийся провалом и ускоривший распад СССР.

Калейдоскоп событий этих лет многоцветен и разнообразен.[3] Антиалкогольная кампания, телемосты, Чернобыльская катастрофа и гибель круизного парохода «Адмирал Нахимов». Гласность. Телепрограмма «Взгляд», возвращение академика А.Д. Сахарова из ссылки, публикация книг «Один день Ивана Денисовича», «Архипелаг ГУЛАГ», «Доктор Живаго», снятие запрета на иновещание – прекра-

[3] Далее по: Как начались и чем закончились реформы Михаила Горбачева – в спецпроекте «ъ» – https://www.kommersant.ru/projects/perestroika

щение глушения радиостанций «Голос Америки», «Радио Свобода». Фильмы «Покаяние» Т. Абуладзе, «Холодное лето 53-го» А. Прошкина.

Окончание «холодной войны»: встречи М.С. Горбачева с М. Тэтчер, Р. Рейганом и Дж. Бушем, Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, Договор о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1), односторонний мораторий СССР на проведение ядерных испытаний, вывод войск из Афганистана, объединение Германии и падение Берлинской стены.

Официальное признание рок-музыки, создание Ленинградского рок-клуба, фильм С. Соловьева «Асса». «Положение о любительском объединении, клубе по интересам» и признание существования субкультур – начало набора популярности молодежными «неформальными» движениями, в конце 1980-х достигшими расцвета: хиппи, панки, металлисты.

Кооперативы, первый официальный миллионер Артем Тарасов. ОПГ, преступная группировка «Любера». Товарный дефицит, талонная система на все.

Первые альтернативные выборы народных депутатов СССР. Появление в стране парламентской оппозиции – объединение депутатов демократической ориентации в Межрегиональную депутатскую группу (МДГ) под идейным вдохновительством академика А. Сахарова. Требования отмены 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС, введения института президентства, принятия демократического закона о печати. Съезд народных депутатов РСФСР, избрание Б. Ельцина председателем Верховного совета РСФСР и его выход из КПСС.

Распад военного Варшавского договора и социалистической системы. Протестные выступления в ряде республик и их подавление. Референдумы о независимости и провозглашение независимости республик Союза. ГКЧП, Беловежский сговор, распад СССР.

Все эти события уложились в 5,5 лет. Но в самом начале никто еще не знал, какие испытания ждут страну впереди. Тогда же, на первом этапе, всех захлестнула волна энтузиазма и романтического вдохновения. Каждый улавливал, чувствовал, слышал в окружающем пространстве свой ветер перемен, свою музыку надежды. Вот как оценивали впоследствии начало перестройки очень разные люди.[4]

Максим Леонидов, музыкант, актер, один из основателей бит-квартета «Секрет»: «*Перестройка — это первый шаг к свободе, это была надежда. Перестройка перевернула народное сознание. То, что еще недавно казалось невозможным, вдруг стало возможным. В театральной сфере появились спектакли, которых раньше просто быть не могло.*»

Андрей Кнышев, писатель: «*В первые годы перестройка дала мне открытость дверей и ворот. Именно в те годы я побывал там, где советский человек побывать не мог. У меня появилась возможность испытать себя, заново сконструировать себя как личность. Я ощущал, что это была именно перестройка. В те годы я участвовал в совместных передачах в США и чувствовал себя голубем с веточкой оливы в клюве. И та радость, то радушие и надежды, которые выражали тогда американцы, мне удалось прочувствовать на себе. Тогда пришли другие времена, все стало можно, даже больше чем можно.*»

Виталий Коротич, один из «архитекторов перестройки», в 1986–1991 годах главный редактор журнала «Огонек»: «*Перестройка была сильным толчком для возрождения независимого и самостоятельного мышления граждан. Когда мы начинали перестройку, мы шли не куда-то, а избавлялись от чего-то. Мы оттолкнулись от подавленности мышления, от единомыслия, от пения хором и марширования в строю.*»

[4] «Перестройка была прыщавая и слюнявая». Как начались и чем закончились реформы Михаила Горбачева – в спецпроекте «Ъ». – https://www.kommersant.ru/projects/perestroika

Кирсан Илюмжинов, президент Международной шахматной федерации, бывший глава Республики Калмыкия: *«Это был не просто «глоток воздуха». Если бы перестройки не было, не произошло много важных событий в экономике, системе межнациональных отношений. Горбачев остановил гонку вооружений, «холодную войну», дал передышку для всего мира.»*

Юрий Шевчук, лидер группы ДДТ: *«Было ощущение, что все должно поменяться. Когда я приехал в Питер и попал в Ленинградский рок-клуб, увидел БГ, Виктора Цоя и группу «Кино», Майка Науменко и многих других сильнейших чуваков, то именно там и тогда для меня началась перестройка. Перестройка была прыщавая и слюнявая, вся в книгах, но в глазах, в душах, в песнях была свобода. Я увидел роскошь разномыслия, просветления. У меня выросли крылья. Творчество, обмен мыслями, энергией, бесстрашной и свободной философией... Это главное. Экономика нас не волновала, мы рубились за новое понимание культуры. Не было рядов, марширующих в светлое будущее. Светлое будущее было здесь и сейчас — на этой сцене, в свободе творчества. В те времена жили идеалисты. Было много надежд.»*

Стас Намин, музыкант, композитор и продюсер, режиссер театра и кино, создатель и лидер группы «Цветы»: *«Перестройка дала свободу слова, свободу передвижения, вероисповедания, предпринимательства, в той мере, в какой эти свободы существовали во всем цивилизованном мире и которых не было в нашей стране. С одной стороны, серьезный перелом в моей жизни начался, когда меня впервые выпустили за границу, и я увидел мир. С другой, такой же неожиданностью для меня стала возможность воплощать мои проекты внутри страны. Обо всем этом я и мечтать раньше не мог.»*

Артем Тарасов, бизнесмен, первый советский легальный миллионер: *«Перестройка как таковая стране ничего не дала. Это было просто словоблудие для нас. Самым яр-*

ким воспоминанием тех лет стали вырубка виноградников и запрет на алкоголь, который ночами все равно везде продавался. И, конечно, первые кооперативы.»

Сергей Алексашенко, экономист, в 1995–1998 годах первый заместитель председателя правления Центробанка: *«Перестройка избавила меня от совка. А самое яркое воспоминание тех лет — 26 видов талонов и очереди за хлебом и молоком, которые в Москве нужно было занимать в шесть утра.»*

Юрий Рыжов, академик РАН, экс-посол РФ во Франции: *«Страна находилась в настолько критическом состоянии, что в этой обстановке было трудно не ошибаться.»*

Григорий Явлинский, лидер партии «Яблоко»: *«Мне, как и всей стране, перестройка дала свободу. И именно это ощущение свободы стало самым ярким воспоминанием тех перестроечных лет.»*

Гавриил Попов, в 1991–1992 годах мэр Москвы: *«Разве из тех, кто управляет страной, мог бы оказаться внутри кремлевской стены, если бы не перестройка? Они бы так и были младшими научными сотрудниками или торговали цветами на ленинградских рынках. Да и мы все не могли бы так свободно разговаривать, как сейчас. Перестройка была необходимым этапом развития, с которым мы запоздали лет на 20.»*

Александр Ципко, советский и российский социальный философ и политолог: *«Перестройка дала громадный шанс для развития России, вернула правду о нашей истории, возможность говорить что думаем, ездить куда хотим, вернула духовное историческое наследие, и самое главное – разрушила железный занавес, реабилитировала предпринимательство и частную собственность.»*

Сергей Филатов, президент Фонда социально-экономических и интеллектуальных программ, в 1993–1996 годах руководитель Администрации президента: *«Перестройка — великое событие, которое толкнуло нашу стра-*

ну совсем в другую жизнь. Горбачеву надо ставить памятник, он сделал невозможное для того времени — дал понять стране и людям, что так жить нельзя. В первую очередь, перестройка должна была «перестроить» мозги людей, чтобы они понимали, не ворчали, не противодействовали, а включались в работу. Нужно было дать им понять, на что они способны, дать возможность выбора работы, свободу слова, и самое главное – дать возможность использовать свои силы для того, чтобы они смогли войти в новую жизнь. Благодаря перестройке, сегодня мы имеем свободу слова, понятие о защите прав человека и рыночные отношения. Появилась Конституция.»

Волна всенародного воодушевления охватила всю страну. А в это время в городе Оренбурге, в политехническом институте, в его комсомольской организации...

Прежде чем говорить о перестройке по-оренбургски, надо понять, чем до этого жил рядовой политехнический институт в одном из рядовых провинциальных областных центров большой России в СССР. Но сначала – коротко о самой комсомольской организации. Комсомол Оренбургского государственного политехнического института насчитывал в своих рядах около четырех тысяч членов – 3800 студентов и 200 преподавателей. Как первичная организация – немаленькая, самая крупная по численности в Центральном районе города и среди вузов области. Поэтому имел 5 освобожденных комсомольских работников – четверых в институтском комитете ВЛКСМ и секретаря бюро технологического факультета.

Поскольку советские студенты – это в целом народ интеллектуальный, сознательный и активный, то и организация всегда была на хорошем счету и в районе, и в городе, и в области.

Из воспоминаний Сергея Воронкова, будущего секретаря комитета ВЛКСМ Оренбургского политехнического института (1987–1990 гг.):

«История моего появления в комитете комсомола политехнического института началась еще за несколько лет до того, как я там появился, с первых лет студенческой жизни в ОрПтИ, куда я поступил в 1982 году. Мы были очень активны на первых курсах. В числе активных было несколько ребят, в том числе Сергей Ананьев и некоторые другие. У нас был один из первых дискоклубов в политехе, он назывался Бом. Мы своими силами на общественных началах делали дискотеки в корпусе электротехнического факультета на втором этаже, в одной из студенческих аудиторий. Сами приносили оборудование, спаяли цветомузыку, обклеивали глобусы зеркалами и делали шикарные дискотеки. Перегораживая партами коридор, делали импровизированный бар, продавая там наломанные по кубикам шоколадки. Мастерили завесы, как в барах, из катушек из-под шелковых нитей, которые добывали на шелковом комбинате. В общем, это было интересно.

Как нам все это разрешали тогда, не очень понятно, потому что мы ни с кем никаких согласовывающих процедур не проводили, нигде это не регистрировали, договаривались только с деканатом. Тем не менее, собиралось на дискотеки по 150–200 человек, и как-то все это было не формально, не было обременено какими-то там мерами правоохранительного характера и другими вещами. И дискоклуб гремел! У нас даже была своя печать. Заразившись нашим примером, через год, когда мы ушли в армию, в институте родился дискоклуб «Галактика», поддержанный профкомом. Но память от этого осталась.

Был еще ряд инициатив, по которым мы запомнились, это и СТЭМ[5] электрофака, который занимал постоянно первые места на всех конкурсах, наши агитбригады в стройотрядах и много других интересных акций.»

Таким образом, «доперестроечная» жизнь в ОрПтИ шла годами налаженным порядком. Студенческое науч-

[5] Студенческий театр эстрадных миниатюр.

ное общество, смотры художественной самодеятельности, стройотряды, клуб интернациональной дружбы, акции в поддержку Фонда мира, спортивные достижения, шефская помощь, участие в ноябрьских и майских демонстрациях и еще много чего, ну и, конечно, ежегодная помощь в сельскохозяйственных работах по уборке урожая – словом, все как у всех, и даже лучше.

Но комсомол – это же по определению неуспокоенность, поиск, поэтому его руководство к действию – это всегда актуальный лозунг: «Бороться и искать, найти и не сдаваться!» Соответственно, даже в пресловутый «застойный» период, в 1983 году, в институтской многотиражке «Политехник» в статье, посвященной 65-летней годовщине ВЛКСМ, секретарь комитета института Ю. Григорьев выносит на повестку дня проблемы:

> «В этот праздничный день хочется поделиться мыслями о том, что волнует меня, моих товарищей, комсомольских активистов. С каждым годом комсомольская работа становится сложнее, а оттого и интереснее. Учась у партии, комсомольцы воспитывают в себе, пожалуй, самое главное качество – умение не останавливаться на достигнутом, ставить перед собой все новые, более сложные цели, устремляясь вперед, дальше. Попробуй, остановись – и сразу заметишь, что деятельность твоя начинает отдавать формализмом, что комсомольцам становится не интересно с тобой.»[6]

На этот раз предметом особой озабоченности секретаря комитета стало социалистическое соревнование, которое, не сомневается он,

> «обостряет желание юношей и девушек лучше учиться, принимать участие в общественной жизни. Однако если в его организацию не вносить нового, оно перестанет быть мобилизующим фактором.»

[6] «Политехник» № 29 (288) от 29 октября 1983 года.

Между тем, балльная система, которой оценивается участие соревнующихся, устарела, чревата формализмом и уравниловкой, не учитывает качественной стороны работы, а значит,

> «мы ставим перед соревнующимися старые задачи и не разжигаем, а гасим соревновательный дух молодежи.»

И еще одна проблема волнует секретаря и комсомольских активистов.

> «Ни одна цифра, ни один балл сами по себе не принесут живой боевой комсомольской работы. Нужно очень желать быть полезным своей группе, своему факультету. Ведь институт – это мы, а мы – это и каждое я. И когда кто-нибудь говорит, что в институте скучно, неинтересно, я всегда думаю – этот человек сам не хочет, чтобы было интересно, что ему удобнее жаловаться, чем действовать.»

Эта статья интересна и показательна тем, что по ней видно, как еще в 1983 году, с одной стороны, уже в полной мере созрели плоды командно-административной системы – формализм и уравниловка, консерватизм и ретроградство, застой как образ деятельности и мышления, безынициативность, равнодушие, скука и иждивенчество, которые разрослись и расползлись в условиях советского патернализма эпохи «застоя» везде, не только в молодежной среде; а с другой стороны, – как уже чувствовала эту фальшь и несправедливость, как пыталась вырваться из этого болота наиболее активная и передовая часть молодежи в лице комсомольских активистов.

Поэтому очень понятны были ожидания и готовность услышать, принять воззвание партии к народу, прозвучавшее пару лет спустя: «Даешь перестройку!»

1985–1986 ГОДЫ

Из воспоминаний Ажар Кусжановой, преподавателя кафедры философии ОрПтИ (1986–2000 гг.):

«Для нас, студентов, а затем аспирантов философского факультета МГУ им. Ломоносова, перестройка началась в 1985 году еще даже до апрельского пленума и майских выступлений М.С. Горбачева в Ленинграде, где прозвучали слова «ускорение» и «перестройка». Она началась сразу же после мартовского пленума ЦК КПСС, на котором М.С. Горбачев был избран Генеральным секретарем ЦК. В кулуарах идеологического факультета ведущего вуза страны давно обсуждалась неизбежность изменения партийного и государственного курса. МГУ лишь на глянцевой обложке демонстрировал свою лояльность к официальной идеологии, но в реальности это была вольница, которая позволяла себе «на теоретическом уровне» обсуждать самые злободневные проблемы современного общества. На учебных семинарах открыто спорили и аргументировали, противопоставляя различные «теоретически возможные» модели социального развития, «абстрактно-теоретически» критиковали наиболее проблемные места как «забугорья», так и собственной страны. В дебатах, сотрясавших по вечерам холлы студенческих и аспирантских общежитий, позволялись любые логически строгие выводы, и лишь когда они оказывались уж чересчур радикальными и затрагивающими самые фундаментальные основы наблюдаемого в окна «развитого социализма», участники дискуссий не забывали сопроводить запретные заключения полушутливым выражением, произносившимся для воображаемого недремлющего уха «майора КГБ», замурованного в «слышащие стены»: «Мы шутим-шутим-шутим! Мы – за диктатуру пролетариата!» Это веселило всех будущих «идеологических работников», «бойцов идеологического фронта», но при этом очень расковывало запакованное в официоз мышление.

Однако 1985 год пришелся на окончание аспирантуры, и в своих уже почти готовых диссертациях мы обязаны были найти местечко для выдержек из материалов текущих партийных форумов. Не дремали и партийные организации университета, обязанные сразу же засадить за изучение «линии партии» весь ее идеологический отряд. Поэтому мы читали, анализировали, опять спорили, обсуждая в формально-обязательной и неформальной обстановке не только идеи, озвученные на партийных пленумах и съездах, но и их причины, их неизбежность, хорошо понимая цену официальных заявлений и читаемые между строк неозвученные выводы. Поэтому перестройка как крайне необходимый и давно назревший шаг был встречен нами с полнейшим удовлетворением: ну наконец-то!»

Между тем, самому ЦК решение о провозглашении перестройки далось не так просто.

Из воспоминаний Михаила Горбачева, Генерального секретаря ЦК КПСС (1985–1991 гг.):

> «На апрельский Пленум 1985 года утвердился взгляд как на точку отсчета истории перестройки, хотя отсчет точнее вести с марта – уже там новый Генеральный секретарь заявил о предстоящих переменах... основное было сказано уже в моем выступлении с Мавзолея при похоронах Черненко – потом шло наполнение программы.
>
> При всем том концепция новой политики была официально изложена на апрельском Пленуме в докладе «О созыве очередного XXVII съезда КПСС и задачах, связанных с его подготовкой и проведением». Перечитывая доклад, я отчетливо вижу, как тяжко мы расставались с идеологическими клише, мучительно преодолевали укоренившиеся догмы и предрассудки. Начинал я, как и в марте, с подтверждения преемственности курса XXVI съезда КПСС.

Без таких клятв и заверений в то время немыслимо было обойтись.

Хотя апрельский Пленум был, несомненно, прорывом в будущее, на нем лежала печать времени. Вся ставка делалась на КПСС, повышение ее «руководящей роли». Тема демократии свелась к декларации, что «решить сложные и масштабные задачи... можно только опираясь на живое творчество народа». Взявшись за решение исторической задачи обновления общества, реформаторы не могли, естественно, разом освободить свое сознание от прежних шор и оков. Мы, как, вероятно, все политические лидеры в переломные моменты истории, должны были вместе с народом пройти путь мучительных поисков.

Резюмируя, можно сказать, что на апрельском Пленуме мы предложили новую политику, сформулированную – если употребить парламентское выражение – в «первом чтении».

Лигачев был прав, сказав на заседании Политбюро: «XXVII съезд ответил на вопрос, что произошло, а январский Пленум — почему это произошло». Было положено начало фронтальному анализу пути, пройденного страной, провозглашен курс на демократизацию.

На Пленуме из записавшихся 77 человек выступили 34. Ни один не обошел критики бюрократизма, все были, как говорится, двумя руками за демократизацию.

И все-таки Пленум, резко отличавшийся от предшествующих по раскованной атмосфере дискуссии, в главном вопросе остался на старых позициях – никто не покусился поставить под сомнение правомерность монополии партии на назначение кадров. Как совместить свободные выборы с механизмом номенклатуры – эту тему ораторы предпочли обойти.»[7]

[7] Из воспоминаний М.С. Горбачева Об апрельском Пленуме 1985 года. Цит. по: Мои лекции.ру – http://mylektsii.ru/6-14135.html

Эти оценки как апрельского 1985 г. Пленума ЦК, так и готовности «архитекторов перестройки» к реальным радикальным переменам, а также наиболее болевых и проблемных точек, не затрагивавшихся даже в беспрецедентно открытых и раскованных дискуссиях того времени, оказались совершенно адекватными реальному положению дел в партийно-государственных кругах, как и прозорливое предсказание будущих мучительных поисков, через которые предстояло пройти. Не ясно, как партии, но тому «народу», о котором здесь идет речь, так точно. И с «укоренившимися догмами и предрассудками», и с «шорами и оковами сознания», как и с «несовместимостью свободных выборов (как маркер, знаменующих демократию) с незыблемо утвердившимся номенклатурным механизмом» – со всем этим столкнется наша комсомольская первичка в поисках своего пути в новое и пока неизвестное будущее, и поиски эти поистине окажутся «мучительными».

Но пока в мирную жизнь Оренбургского политеха революционные идеи перестройки только начинали просачиваться.

Из воспоминаний Сергея Иваненкова, преподавателя кафедры научного коммунизма ОрПтИ (1985 г.):

«Я появился в Оренбургском политехническом институте до перестройки, формально в декабре 1984 года, а реально в конце января 1985 года, после окончания философского факультета МГУ им. Ломоносова (в 1981 г.), аспирантуры и защиты кандидатской диссертации. Заканчивалась «пятилетка пышных похорон». Черненко доживал последние дни. Страна успешно пребывала в лоне «развитого социализма», который попал уже в тупик и не имел понятия, как оттуда выбраться. Поэтому с появления Горбачева после апрельского Пленума, с лозунгов «Перестройка!» и «Перестройка – это революция!» все и началось.

Я, как и большинство выпускников философского факультета МГУ, принял перестройку как крайне необходи-

мое, должное и даже существенно припоздавшее действие. Поэтому для меня, как для многих, с ней менялась жизненная атмосфера, повеяло свежим ветром. Это рождало энтузиазм, желание и обязанность действовать. Я искал свое место в строю посредством попыток организации в институте лаборатории социологических исследований. Долго шла безрезультатная возня с ректором Р.Т. Абдрашитовым, с которым мы написали 11 вариантов проекта приказа о создании этой лаборатории. Секретарь парткома В.К. Щелоков как будто соглашался, кивал головой, но практически ничем не помогал. Тогда я попробовал что-то делать в этом направлении «методом просачивания». Открыл кружок «Прогнозист», в котором у меня работало 5–6 человек. Честно сказать, все фамилии не помню, но Оля Соловьева и Дима Михайлев запомнились. Мы собирались изучать студентов и их проблемы.»

В конце февраля 1986 года открылся XXVII съезд КПСС. В Политическом докладе ЦК КПСС съезду партии, подчеркивалось:[8]

> «ускорение социально-экономического развития страны – ключ ко всем нашим проблемам: ближайшим и перспективным, экономическим и социальным, политическим и идеологическим, внутренним и внешним. Только таким путем может и должно быть достигнуто новое качественное состояние советского общества.»

Таким образом,

> «выдвинув на апрельском Пленуме стратегию ускорения социально-экономического развития страны, Центральный Комитет КПСС принял решение

[8] Далее цитируется по: Политический доклад Центрального комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет о XXVII съезде КПСС. – http://soveticus5.narod.ru/85/xxviit1.htm

> исторической значимости.» Но «курс на ускорение не сводится к преобразованиям в экономической области. Он предусматривает проведение активной социальной политики, последовательное утверждение принципа социалистической справедливости. Стратегия ускорения предполагает совершенствование общественных отношений, обновление форм и методов работы политических и идеологических институтов, углубление социалистической демократии, решительное преодоление инерции, застойности и консерватизма – всего, что сдерживает общественный прогресс.
>
> Главное, что должно обеспечить нам успех, – живое творчество масс, максимальное использование огромных возможностей и преимуществ социалистического строя.»

Говоря о проблемах экономики и их причинах, Горбачев говорил о необходимости извлечения из ситуации трех уроков:

> «**Первый** из них можно назвать уроком правды. Ответственный анализ прошлого расчищает путь в будущее, а полуправда, обходящая острые углы, мешает нашему движению вперед.
>
> **Другой урок** касается целеустремленности и решительности в практических действиях. Перевод на интенсивный путь – дело непростое, требующее немалых усилий, времени и высочайшей ответственности. Но, начав преобразования, нельзя ограничиваться половинчатыми мерами. Надо действовать последовательно и энергично, не останавливаясь перед самыми смелыми шагами.
>
> **И еще один урок,** можно сказать, главный. Успех любого дела в решающей мере определяется тем, насколько активно и сознательно участвуют в нем массы. Убедить широкие слои трудящихся, заинтересовать

> их морально и материально, перестроить психологию кадров – важнейшие условия ускорения нашего роста. Продвижение вперед станет тем быстрее, чем выше будут дисциплина и организованность, ответственность каждого за порученную работу, за ее результаты.
>
> Сегодня первоочередная задача партии, всего народа – решительно переломить неблагоприятные тенденции в развитии экономики, придать ей должный динамизм, открыть простор инициативе и творчеству масс, подлинно революционным преобразованиям.
>
> Другого пути нет. Без ускоренного роста экономики останутся благими пожеланиями социальные программы, а они носят неотложный характер. Советские люди должны в короткие сроки почувствовать результаты общих усилий по кардинальному решению продовольственной проблемы, обеспечению потребностей в высококачественных товарах и услугах, улучшению медицинского обслуживания, жилищно-бытовых условий, охраны окружающей среды.
>
> ...Иначе говоря, воплощение в жизнь курса на ускорение будет иметь далеко идущие последствия для судеб нашей Родины.»

Партия в лице Генерального секретаря учила искоренять иждивенчество и уравниловку в оплате труда, призывала к широкой демократизации общественной жизни, развитию социалистического самоуправления, повышению коллективности в управлении, активности и ответственности руководящих органов и каждого гражданина, расширению функций и повышению роли общественных организаций, повышению гласности и многому другому, что способствовало или мешало поступательному движению советского общества к новым горизонтам прогресса.

Слова Генерального секретаря ЦК КПСС, лидера государства, эхом отзывались в сердцах миллионов советских

людей. Они затрагивали главные болевые точки, обещали возможность решения застаревших и надоевших проблем, которые давно прочувствовало на себе все население, за ними маячили давно желанные всеми «далеко идущие последствия».

Но главное – в них не просто констатировались проблемы, о которых знали все, но и указывалось, что и кому следовало делать. Это было руководство к действию!!

> «Самое существенное, на чем сегодня необходимо сосредоточить всю силу партийного воздействия, – это достижение понимания каждым человеком остроты переживаемого момента, его переломного характера. Любые наши планы повиснут в воздухе, если оставят равнодушными людей, если мы не сумеем пробудить трудовую и общественную активность масс, их энергию и инициативу. Повернуть общество к новым задачам, обратить на их решение творческий потенциал народа, каждого трудового коллектива – таково первейшее условие ускорения социально-экономического развития страны.»

И «живое творчество масс» зарождалось, билось в сердцах и душах честных людей, поднимая волны патриотического энтузиазма.

Однако обеспечить это «биение» в унисон даже главному партийному дирижеру было непросто, и он это предвидел:

> «Наслоения прошлого не остаются без следа. Они дают себя знать, проявляясь в сознании людей, их действиях и поведении. Стиль жизни нельзя изменить сразу, а преодолеть инерцию в мышлении еще сложнее. Здесь необходимы энергичные усилия.»[9]

«Необходимость энергичных усилий» иллюстрирует весьма показательное выступление секретаря партийно-

[9] Там же.

го комитета Оренбургского политехнического института В.К. Щелокова на страницах институтской многотиражки «Политехник».[10] **В докладе «Итоги и перспективы»** секретарь парткома «с позиций современных требований партии» выносит на обсуждение задачи, стоящие перед партийной организацией института. И таких задач он определил три:

> «1) сделать 1986 год годом детального изучения и творческого усвоения материалов партийного съезда каждым коммунистом, каждым комсомольцем и сотрудником института. Исходя из этой задачи, предлагается каждой кафедре составить план мероприятий по изучению и усвоению материалов съезда и утвердить его на заседании партгруппы и кафедры, партбюро факультета; 2) принять активное участие в пропаганде материалов съезда среди трудящихся города и области; 3) практическое участие в реализации решений съезда. Сегодня нет целесообразности касаться проблемы улучшения качества подготовки специалистов народного хозяйства. Об этом мы поведем разговор после выхода постановления о перестройке высшего образования, которого мы с вами ждем.»

Вот Вам, Михаил Сергеевич, и Юрьев день! Инициатива и живое творчество масс на местах исчерпывалось составлением и утверждением *плана мероприятий по изучению материалов съезда!* По всей видимости, партийный секретарь не очень доверял «сознательным коммунистам» самостоятельное изучение материалов съезда, а принцип коллегиальности хорошо срабатывал при надзоре за этим действием по утвержденному графику, пресекая возможность увильнуть от этого важнейшего мероприятия.

Пропаганда великих идей перестройки тоже, во-всему, как-то не очень вдохновляла, что следовало из приведенно-

[10] «Политехник» № 10(368) от 11 апреля 1986 года.

го в докладе и подвергшегося легкой критике факта «о недостаточной активности преподавателей кафедры экономики (зав. кафедрой Котов, партгрупорг Бабин)» и действий специальных кафедр, осуществленных «под нажимом со стороны парткома, ректората, председателя первичной организации общества “Знание”».

Что же до третьей задачи, то инициативным и творческим коммунистам, берущим на себя ответственность за будущее страны, показалось нецелесообразным практическое участие в реализации решений съезда, потому что они будут ждать постановления сверху! Генеральный секретарь, уже целый год буквально на каждом углу вдохновенно агитировавший за перестройку, наверное, закатился бы в ярости или заплакал, если бы не был заранее готов к «сложностям преодоления инерции в мышлении».

Но ведь и среда для «живого творчества масс» была, мягко говоря, не очень. Во всяком случае, в докладе партсекретаря она, в самом деле, выглядела не комильфо:

> «Институт не радиофицирован, внутренний телефон работает скверно, кинобудка не восстановлена. В общежитиях сантехника постоянно выходит из строя. И еще десятки примеров можно привести. Самый технически отсталый в городе вуз – наш политехнический. Стыдно должно быть за это каждому работнику, от ректора до лаборанта.»

Вот где простор для перестройки и ускорения! И мысль работала! Как из рога изобилия, сыпались и принципиальная партийная критика, и новые прорывные перестроечные идеи:

> «Менять подход нужно и самому ученому. Неоднократно в адрес ученых высказывались на съезде пожелания: *забыть хотя бы на время диссертации и заняться действительно делом практическим*. (курсив наш. – *авт.*) Ведь проблемы, которые требуют решения, – рядом с нами. (При нацеленности на ускорение

> социально-экономического, в том числе промышленного, развития, видимо, наука, особенно инженерная, была излишней! – *авт.)*
>
> …Надо менять нам свою психологию, *работая только для себя, или делая диссертацию, или только за деньги* выполняя хоздоговорную работу. (курсив наш. – *авт.*) Вопрос надо поставить так – каждый факультет, каждая кафедра ремонтирует, приводит в порядок закрепленную за ними территорию – преподавательские, коридоры, общежития. Деньги на это есть, *материал доставайте.* (курсив наш. – *авт.*) Лозунг «Свой институт – свой дом – своими руками» – надо воплощать в жизнь.
>
> На факультетах можно провести смотры по вкладу преподавателей в создание и оснащение лабораторий по своему курсу. А то ведь многие преподаватели ждут от кого-то для себя лабораторий. Думаю, целесообразно при избрании на должность доцента принимать во внимание вклад ученого в создание лаборатории по преподаваемому курсу. Сейчас же будут вопросы, а где взять помещения?»

И найдя решение для всех тормозящих развитие проблем, пламенный секретарь подводит черту:

> "Всё есть", «нет одного – энтузиазма, а со стороны ректората и парткома – спроса!»

Однако, подвергая разносу вверенный ему «передовой отряд, ведущую силу и главного гаранта развития социалистического самоуправления», товарищ Щелоков был неправ. Энтузиазм зрел, готовый к пробуждению, хотя зрел не в том месте, где его искал партийный секретарь. С высоких партийных трибун тогда плохо просматривалась та почва, где он даст плоды быстрее. Мало кто мог тогда предположить, что таковой средой окажется студенчество, молодежь, ведь, по мнению партийного секретаря,

> «Основным негативным качеством нашего студенчества являются пассивность, равнодушное отношение к общественным делам. Большинство студентов участвует в общественных делах – дежурстве дружины, санитарной уборке – не по долгу, а по принуждению. И это во многом относится к нашим молодым коммунистам, к комсомольскому активу.»

Честно обратив на себя долю критики и признав свою часть вины в этой беде, он как-то незаметно проскочил мимо значимого факта, заметить и оценить по достоинству который, видимо, не позволила «инерция мышления». Так, обратившись к коммунистам, работающим в комсомоле, с просьбой высказать предложения по улучшению работы парткома и комитета ВЛКСМ, он

> «был крайне удивлен тем, что в адрес парткома, партбюро не последовало никаких замечаний и предложений! Причина здесь, по-моему, в том, что мало даем молодежи самостоятельности, мало советуемся с ней, мало доверяем серьезных дел», –

стукнул себя в грудь главный институтский идеолог перестройки. Но следом дважды наступил на грабли. Во-первых, отметив, что когда в третьем общежитии пошли на то, что комендантом и воспитателями поставили студентов, оно стало образцовым по чистоте и порядку (можно, стало быть, доверять? – *авт.*). А во-вторых, признав, что доверять молодежи

> «много серьезных дел» еще не готовы, и потому «не на самотек пустили работу студсовета, а под постоянную поддержку деканата, парторганизации.»[11]

Вопрос о работе в общежитиях, однако, оказался одним из самых продвинутых в логике перестройки, но не в упомянутом ключе. Этот вопрос был на особом контроле. Еще в 1984

[11] Щелоков В. Там же.

году на бюро Центрального райкома партии был заслушан вопрос «О неудовлетворительном состоянии воспитательной работы, бытовых условий в общежитиях ОрПтИ». В порядке контроля за принятым Постановлением, на заседании парткома института неоднократно заслушивались вопросы о работе в общежитии. 25 февраля 1986 года партком вновь заслушал информацию о выполнении данного постановления и вновь отметил те же недостатки. Об этом и говорил секретарь парткома в своем докладе «Итоги и перспективы».

В развитие этой злободневной темы, определенная работа по решению данной проблемы возлагалась на комсомол. И если неудовлетворительное состояние бытовых условий было прерогативой администрации, то за воспитательную работу отвечал комитет комсомола. В мае на собрании актива по основному вопросу повестки дня «Об итогах XXVII съезда КПСС и задачах комсомольской организации ОрПтИ» с докладом выступил секретарь комитета ВЛКСМ А. Плотников.[12] Собрание комсомольского актива должно было определить конкретные задачи комсомольской организации по выполнению решений XXVII съезда КПСС. Главным был вопрос о работе в общежитиях, и особый упор был сделан ... на борьбе за трезвый образ жизни. Не было вопросов политической учебы, подъема общественно-политической инициативы студентов и молодежи и т.д. Здесь продолжалась антиалкогольная кампания, начатая Горбачевым в 1985 году, а также была затронута борьба с нетрудовыми доходами. Было принято решение, что за малейшее нарушение пункта данного постановления должно следовать исключение, как из рядов ВЛКСМ, так и из числа студентов института.

Комитет комсомола в это время следовал в форватере политики институтского парткома, который обеспечивал ему «постоянную поддержку парторганизации». Эту поддержку

[12] В комитете ВЛКСМ// «Политехник»№ 14 (373) от 21 мая 1986 года.

впоследствии не один раз помянут недобрым словом энтузиасты перестройки, поверившие в слова и призывы лидера ведущей партии страны. Но в это время этих романтиков перестройки еще не было в стенах Оренбургского политеха, и они еще не думали о том, что «возрастание руководящей роли партии объективно требует повышения партийного руководства общественными организациями.»

К этому времени в Москве уже произошли определенные события, призванные повлиять на процессы, идущие в комсомольских организациях страны.

В работе бывшего первого секретаря ЦК ВЛКСМ **Владимира Мироненко «Комсомол в период перестройки советского общества: в поиске новой модели союза и новой молодежной политики (1985–1990 гг.)»**[13] они описаны следующим образом:

> «12 апреля 1986 года в Москве состоялся XII Пленум ЦК ВЛКСМ. Дискуссия о стиле и методах работы, начавшаяся на заседаниях бюро ЦК, выплеснулась на трибуну высшего между съездами органа ВЛКСМ.
>
> Первый секретарь МГК ВЛКСМ Станислав Смирнов сказал о том, что “с демократическим централизмом в нынешнем его понимании нужно что-то делать”. Он говорил также о полной правовой некомпетентности комсомольских кадров.
>
> Серик Абдрахманов – первый секретарь ЦК ЛКСМ Казахстана указывал на административный зуд, стремление все расписать сверху, до мельчайших деталей. Член ЦК Михаил Салаев насчитал 200 предписанных ЦК ВЛКСМ форм работы с молодежью, многие из которых предполагали регулярную и объемную отчетность перед ЦК ВЛКСМ.

[13] Мироненко В. Комсомол в период перестройки советского общества: в поиске новой модели союза и новой молодежной политики. (1985–1990 гг.). Дисс.на соиск... канд.истор.наук.// http://vimironenko.narod.ru/sci/sci0001/sci0001_0.htm

> Пленум показал, что после некоторого возбуждения, вызванного событиями двух прошлых лет, в комсомоле все начало возвращаться в привычную колею.
>
> 19 июля 1986 года в Москве собрался XIII Пленум ЦК ВЛКСМ. Это был последний традиционный пленум ЦК комсомола. Все последующие отличались тем, что во все большей степени в размеренное течение заранее подготовленных докладов и выступлений стала врываться жизнь с ее проблемами и требованиями, сценарии ломались, речи становились все более критичными и откровенными, без оглядки на президиум, в котором, как правило, находились высокопоставленные представители партии.
>
> На пленуме был подведен итог первого этапа эволюции комсомола в условиях разворачивающихся социально-экономических и политических реформ. В докладе было сказано: "...в целом перемены в работе комсомола еще незначительны, они коснулись в большей мере внешней стороны, осуществляются темпами, которые не могут устроить ни молодежь, ни общество, ни сам комсомол".»

Здесь уже в общих чертах начинают просматриваться основные направления внутренней эволюции организации в последующие годы. Речь идет о «кардинальном совершенствовании стиля, форм и методов работы комсомольских организаций, решительном преодолении бюрократизма, парадности и формализма».

Но комсомол Оренбургского политеха как был плоть от плоти своей партийной организации, так же мало давал поводов считать, что перемены в его работе можно было бы назвать значительными. Таковой была ситуация практически во всем пространстве СССР.

Из Отчетного доклада комитета ВЛКСМ ОрПтИ о проделанной работе за период с VIII отчетно-выборной конференции (ноябрь 1986 г.) до X отчетно-выборной конференции (ноябрь 1989 г.):

> «Для большинства комсомольцев, рядовых и руководящих, Перестройка заключалась в абстрактности решений, спускаемых сверху, и в их бездумном выполнении. Произошла смена лозунгов, кампаний, слов, речей, но формы и содержание работы остались прежними. Характерен, как пример, комсомольский актив, прошедший 21 мая 1986 г. «О выполнении решений XXVII съезда КПСС». Главным решением актива было объявление 3-его общежития зоной трезвости. Это показатель уровня осмысления начавшихся перемен.
>
> А как же иначе? Это было время беспрекословного признания руководства партией комсомолом, и комитет ВЛКСМ института не принимал ни одного самостоятельного решения без согласования в парткоме, на любое действие необходимо было получить добро. Официальная точка зрения или позиция парткома по тому или иному вопросу являлась точкой зрения и позицией комитета ВЛКСМ. Копируя стиль и методы партийных органов, комитет комсомола отражал все процессы, происходящие в партии. Политика «незабегания вперед паровоза» и принципы взаимоотношений партии и комсомола определили ход подготовки и характер VIII отчетно-выборной комсомольской конференции (ноябрь 1986 г.).
>
> Подготовка проходила по старому отработанному сценарию, с подготовкой списка выступающих, проекта постановления, с кулуарным подбором кандидатур в члены комитета ВЛКСМ. На конференции был избран рабочий и почетный президиум, прочитан отчетный доклад с «наличием в работе отдельных недостатков».
>
> Выступили подготовленные товарищи. Проект постановления был принят практически без изменений, еди-

ногласно. Было несколько предложений с места. Одно из них – об уборке аудиторий студенческими группами – непроработанное и неподготовленное, было сразу включено в постановление. Прошло почетное подписание рапорта XX съезду ВЛКСМ.

Качество всех проходящих конференций оценивалось по отработанности организационной процедуры и выступлению в перерывах агитбригад. Конференция в ОрПтИ была признана вышестоящими органами хорошо подготовленной и удачно прошедшей.»

Это очень адекватная, фотографическая картинка ситуации в комсомоле того времени.

За год перестройки мало что изменилось как в стенах политехнического института, так, пожалуй, и в городе Оренбурге, да и во многих сторонах и весях огромной страны. А может, положа руку на сердце, Оренбургу, собственно, никакая перестройка и не требовалась? Это был тихий оазис довольно обеспеченной и благополучной, по советским меркам, жизни. Имея газо-нефтяные месторождения, перерабатывающие, машиностроительные заводы военного и гражданского назначения, сельскохозяйственное производство с крупнейшими в Союзе мясоконсервным комбинатом и птицефабрикой, молочным заводом и т.п., город строил жилье, не испытывал дефицита продуктов питания, получал по разнарядке легковые автомобили и различный «импорт», снабжал граждан продукцией собственной текстильной, швейной, обувной, мебельной промышленности. Телесный голод, поднимавший протест во многих городах и поселках Советского Союза, Оренбургу не угрожал. Что же до голода духовного, интеллектуального и творческого, то, с одной стороны, атмосфера Оренбуржья вполне позволяла реализовать свой потенциал члену-корр.АН СССР А.С. Хоментовскому, д.геогр.н., члену-корр. РАН А.А. Чибилеву и д.и.н., профессору Л.И. Футорянскому; писателям з.д.культуры РФ

Н.Ф. Корсунову и П.Н. Краснову, художникам н.х.России Н.П. Ерышеву и О.А. Федоровой, артистке, руководителю Оренбургского народного хора з.а.РФ Л.И. Райковой, врачу, н.в.СССР В.И. Войнову и многим другим.

С другой стороны, интеллектуальная жизнь била ключом в стенах политехнического института очень своеобразно.

Из воспоминаний Ажар Кусжановой, преподавателя кафедры философии ОрПтИ (1986–2000 гг.):

«После защиты кандидатской диссертации, летом 1986 года, я приехала из Москвы в Оренбург. К тому, что нас ждет в малознакомом мне городе, каково состояние и перспективы интеллектуального пространства нашей будущей жизни, я уже была проинформирована и подготовлена супругом, Сергеем Иваненковым, приехавшим и приступившим к работе в политехе на год раньше меня: “Неподнятая целина! Если ты не хочешь превратиться здесь в мыслящий тростник, все придется строить самим и с пустого места!” Но как же вуз? Кафедры общественных наук, специалисты для которых готовились в крупных университетских городах? “Посмотришь! Когда посидишь на межкафедральном теоретическом семинаре, где «глубоко научно» будут обсуждаться проблемы ранней посадки помидоров на дачном участке квадратно-гнездовым способом или способы баночной засолки огурцов с сохранением цвета, хруста и пупырчатости, сама все поймешь!” Позднее я убедилась, что в основном это так и было. Однако нет худа без добра, и судьба все же была к нам благосклонна, подарив в Оренбурге встречу и дружбу на долгие годы со многими умными, интересными и порядочными людьми.»

И, тем не менее, брошенное апрельским пленумом семя, хотя еще и не показало свои ростки, но уже пусть слабо и несмело, с трудом, но упорно прорывало старую оболочку,

под которой уже пробудившаяся активность набирала силу и содержание.

Из воспоминаний Сергея Иваненкова, преподавателя кафедры философии ОрПтИ (1986–1987 гг.):

«Я отлично понимал, что мы плохо знаем контингент, который партия назначила для осуществления перестройки. Я не собирался сидеть, сложа руки, только потому, что перестройка была провозглашена в Москве. Оренбург, по моему глубокому убеждению, вполне подходил под среднестатистический советский город, социальные процессы в котором подчинялись тем же законам, позволяя действовать в обозначенном направлении. Но для научного, профессионального понимания и управления нужна была социология, и в широком, и в узком диапазоне. С чего-то надо было начинать, проще всего – с того, что было близко, к чему имелся доступ, то есть, со студентов.

Шел уже 1986 год. Однако тогда даже напечатать анкету без цензурирования, или литования, было просто нельзя. И я пошел хитрым путем, решив печатать анкеты в институтской многотиражке с ее редактором В.В. Шестовым. С ним у нас были хорошие отношения, т.к. я к тому времени уже написал для него в газету 3–4 статьи. Он всегда испытывал напряг с авторами – вечно кого-то донимал с просьбой что-то написать, а тут я сам приносил ему материалы. На этой почве мы сошлись и решили через газету – напомню, перестройка уже началась, – провести анкетирование. Мой замысел был таков: анкета печатается в газете, которая цензурируется, поэтому специально ее подписывать не надо. Это крайне облегчало задачу.

Первая анкета была что-то там про семью и любовь. Вадим Валерьянович (редактор) лично заходил в аудитории и просил студентов заполнить эту анкету во время занятий. В итоге мы собрали ее около 200 штук. В кабинете у редактора вручную девочки ее обработали, и я написал своеобразную

статью – диалог Он и Она, где на основе большинства ответов на ту или иную позицию отвечали условный мужчина и условная женщина. Получилось весьма достойно и интересно. Затея понравилась, и мы решили поставить это на систематическую основу.

Обещанной лаборатории все еще было. Зато Шестов раздобыл и повесил в 3-ем учебном корпусе почтовый ящик для сбора анкет. Вторая анкета была по досугу, но мы решили ее по рукам не разносить, а дождаться только те, которые студенты сами занесут в редакцию или опустят в почтовый ящик. Собранных анкет оказалось значительно меньше, и обработать мы их решили в % отношении. Потом Шестов, когда начался кризис, мне это припоминал и в своей статье даже назвал обманом. Хотя вначале все было нормально. Но именно с анкеты началась вся история с Воронковым».

«История с Воронковым» представляет своего рода пик, квинтэссенцию перестроечных процессов и коллизий в Оренбургском политехническом институте и за его пределами, полную напряжения и драматизма противостояния, которую пафосно можно назвать борьбой старого и нового. Будучи отражением, или конкретным локальным проявлением, выражая реальный слом в стране старого общественного уклада, инициированный Горбачевым, как любое действительное явление, уходящее корнями в некоторые базовые, глубинные, сущностные социальные процессы, она имеет свою предысторию, собственно историю с кульминацией и последующее разрешение.

Сам же Сергей Воронков, будущий секретарь комитета ВЛКСМ ОрПтИ периода 1987–1990 годов, во время, обозначенное как год 1986, еще даже не подозревал, какую роль уготовила ему Перестройка, и уж никак не предполагал оказаться тем «избранным», на ком каким-то невероятным, причудливым путем сойдутся и разразятся все ее тучи, гро-

мы и молнии. В это время он служил в армии, вдали от родного города, подсчитывая, как все его сослуживцы, последние месяцы и дни до дембеля.

История его появления на данной исторической арене оказалась тесно переплетена с событиями двухгодичной давности, когда активный первокурсник со товарищи с интересом и удовольствием занимались студенческим дискоклубом.

Из воспоминаний Сергея Воронкова, заместителя секретаря комитета ВЛКСМ ОрПтИ по идеологической работе (1986–1987 гг.):

«Когда мы развивали этот дискоклуб, нам уже было тесно в стенах аудиторий, и наш взгляд упал на водонапорную башню, расположенную рядом с институтом, которая была тогда практически заброшена. На первом этаже размещалось рекламное агентство «Волна», все это было в достаточно неприглядном полуразрушенном промышленном виде, где «на коленке» делались какие-то рекламные носители, вывески и т.д. Мы осуществили туда несколько заходов, обсуждая с рекламщиками, не забрать ли у них башню под студенческий дискоклуб. Эту идею мы стали транслировать и в комитет комсомола, и на уровень деканата, и это активно обсуждалось во всех наших кругах.

Тогда секретарем комитета комсомола института был Юрий Григорьев. Когда нас забрали в армию после 1-2 курса, эта идея была частично воплощена в жизнь. Даже после ухода Юры из комитета на кафедру строительного факультета, где он занимался архитектурой, идея не умерла, и под его руководством был сделан проект реконструкции водонапорной башни. А когда оттуда ушла «Волна», башню передали на баланс института. Но заниматься этим было некому. Идея, заброшенная в массы, была реализована на уровне первоначального решения и проекта, а что с этим делать дальше, не понимал никто. Таким образом, пока мы два года служили

в армии, башня так и просуществовала в невесомости. Она была передана институту, был подготовлен проект реконструкции, но все это было в зачаточном состоянии.

Когда мы вернулись из армии, каждый пошел своей дорогой – я перевелся на вечернее отделение и искал работу по специальности, Сергей Ананьев продолжил учебу на очном обучении и возглавил комсомольскую организацию электротехнического факультета. В это время уже была объявлена Перестройка, в обществе все более назревало ощущение непрочности системы, были объявлены реформы, связанные с развитием кооперации и предпринимательства. Наверное, страна чувствовала, что и партийно-комсомольская система уже перестает быть тем лифтом, который обеспечивает благополучный карьерный рост и какие-то социальные гарантии по жизни. Поэтому в комсомоле возник кадровый голод. И когда мы вернулись, то, памятуя все наши старые активности, меня нашел Миша Иванов, который был до этого секретарем бюро электротехнического факультета, и предложил работу в комитете комсомола института в статусе заместителя по идеологии. При этом он сказал, что вот есть проект, который вы когда-то начинали и который теперь делать некому, не хотели бы вы довести это дело до конца? Мне эта идея понравилась, я дал свое согласие, мы прошли все собеседования. Так я оказался в институтском комитете комсомола.

Но когда я вышел на работу, оказалось, что у меня очень большой круг функциональных обязанностей. Это и культурно-массовый сектор со всеми мероприятиями института, и военно-патриотический сектор, шефский сектор, ответственность за движение стройотрядов, клуб интернациональной дружбы, факультет общественных профессий (ФОП) и еще порядка пяти разных направлений. Ну а башня? Башня? – сказали мне, – так ведь это же как хобби! Будете заниматься этим во время, свободное от выполнения прямых обязанностей, за которые с вас будут спрашивать. Поскольку формально за башню по линии комсомола никто

спрашивать не собирался, нужно было выполнять ту официальную работу, за которую комсомол отвечал. Поэтому с такой обширной нагрузкой и пришлось заниматься всеми направлениями в комитете, в том числе и башней.

Какого-то понимания или проектного образа того, что такое комсомольская организация, как это все должно работать, тогда не было. Была абсолютная романтика и желание сделать что-то в жизни интересное, что-то поменять таким образом, чтобы все было по-настоящему, все оценивалось людьми, захватывало их. Поэтому по каждому из этих направлений мы пытались осуществлять какие-то перемены, внести какую-то жизнь, что-то новое во все формы деятельности.»

Эта романтика очень быстро столкнулась с реальной обстановкой, в которой привычно продолжал жить политех. Однако Сергей верил в свое дело, в «живое творчество масс», и желание зажечь огонь в глазах, наполнить живым, трепещущим содержанием формы комсомольской работы, не давало ему покоя. Иллюстрацией же той обстановки, в которой приходилось работать, служат две статьи, опубликованные им в газете «Политехник».

Так, в статье с красноречивым названием **«Без труда мечта не сбудется»**[14]**,** опубликованной в ноябре 1986 года, он писал:

> «Мечта о том, чтобы нашему институту отдали под молодежный клуб водонапорную башню, сбылась давно. Осталось сделать дело, которое зависит от нас, то есть, привести ее в надлежащий вид. Но просто обидно становится за наших студентов, когда видишь полнейшее равнодушие. Критика в чей-то адрес слышна постоянно: почему клуб не сделают до сих пор? А равнодушие появляется тогда, когда приглашаешь к этой самой работе. В этом я убедился на примере группы

[14] «Политехник» № 26 (395) от 26 ноября 1986 года.

85-ААХ-1, в которую пришлось приходить несколько раз. А в назначенный день пришли три (!) человека, несмотря на то, что в этот день у студентов было свободное время.

Так бывает нередко. Когда приходишь в группы объявить о субботниках, вместо энтузиазма встречаешь множество причин отказа. И дело не в том, чтобы явиться, а в том, чтобы что-то полезное и нужное сделать.

Нам в комитете комсомола неприятно наказывать кого-то за невыполнение поручения, хотя придется. Давайте лучше делать так, чтобы гордиться своими делами. Ведь делаем-то мы для себя. Чем же мы хуже студентов других институтов?»

Это было не единственное и не последнее его разочарование. В передовице «Политехника» № 28(397) от 17 декабря 1986 он опять констатирует:

«По традиции ежегодно строительный отряд нашего института подводит итоги третьего трудового семестра на вечере «Трудовой славы».

Судя по атмосфере, царившей на торжественной части, вечер названия не оправдал. Большинство студентов на нем были не впервые. И хотя давно заведено собираться бойцам в форме, традиции верны были лишь единицы. В результате – никакого ощущения студенческого единства.

В результате непродуманности сценария отсутствовало самое главное – торжественность. И награждение лучших бойцов вызывало только обиду и досаду.

Приглашение бойцов тоже прошло не на уровне.[15] Даже из награжденных многие не явились. Комитету

[15] Ввиду необходимости сокращения объема, некоторые фразы скорректированы по смыслу и правилам стилистики.

комсомола это послужит хорошим уроком. Мне, например, было стыдно смотреть присутствующим в глаза. Но самое обидное то, что молодежь сама не понимает цели, которая преследуется проведением торжественной части, обычно это воспринимается как что-то обязательное перед танцами – для «галочки».

Были и Дворец культуры, и прекрасная развлекательная программа, но вместо праздника дружбы и труда, – отчужденные, скучные лица, оценивающе разглядывающие друг друга.»

И этот перечень обид и стыда можно продолжить. От этого равнодушия и всеобщей апатии впору было опустить руки и отказаться от благих намерений. Но целый ряд причин не позволял ему сдаться без боя. Это и бойцовский характер, и вера в себя, и уверенность в том, что не бывает нерешаемых проблем, наконец, ответственность за порученное дело и за работу, за которые предстояло отчитываться перед райкомом. А тут еще Перестройка с ее воззванием к возрождению и прорыву к новому! Партия тоже критиковала застой и равнодушие в позициях людей и в делах организаций, призывала энергичнее браться за дело. Общность проблем давала терпение, придавала сил и оптимизма.

И комитет работал, как мог. Ему достались в наследство все прежние направления и формы работы, набор которых был достаточно традиционен, что, с одной стороны, облегчало ее выполнение, поскольку образцы нарабатывались годами, но с другой стороны, все же времена уже были не те. Не теми, в первую очередь, были комсомольцы, да и формы работы в большинстве своем уже явно подустарели, навевая скуку выхолощенным содержанием и формальной обязательностью. Однако время революционных преобразований для комитета еще не пришло.

Из Отчетного доклада комитета ВЛКСМ ОрПтИ о проделанной работе за период с VIII отчетно-выборной конференции (ноябрь 1986 г.) до X отчетно-выборной конференции (ноябрь 1989 г.):

«VIII отчетно-выборная конференция проходила в то время, когда страна стояла на пороге серьезных изменений. Прошел XXVII съезд КПСС, но осознания серьезности ситуации еще не было. Жизнь на местах во многом шла по старым накатанным рельсам.

Система работы по повышению качества обучения комитету досталась по наследству. Не имея представления о какой-то другой работе, комитет в начале своей работы начал совершенствовать и оживлять старую. Через учебно-воспитательные комиссии (УВК) комитет и бюро факультетов должны были воспитывать и повышать сознательность отстающих и прогуливающих занятия. Делалось это путем чтения нотаций, предупреждений, выговоров и предложения своей помощи.

В какое-то время работа УВК ослаблялась, и комитет путем ужесточения спроса с бюро и УВК реанимировал эту деятельность. Велась активная борьба с пропусками занятий, «Комсомольский прожектор» проводил рейды, и комитет жестко реагировал на результаты. На заседания комитета вызывались комсорги отстающих групп, получали выговоры, но ситуация не менялась.

К сожалению, уровень понимания своей роли был таким не только у комитета ВЛКСМ. Райком партии проводил совместные рейды с «Комсомольским прожектором» по посещаемости занятий. Вот выдержка из отчета: «... за 4 минуты после звонка зафиксировано 183 опоздавших» и т.д.

Участие комсомола выражалось также в проведении традиционного смотра-конкурса между группами, для этого в комитете работал целый сектор, а во время сессии

работали штабы «Сессия» по факультетам. Собирались цифры, заполнялись графики успеваемости, подсчитывались баллы, обновлялся стенд смотра–конкурса. Работа комитета превращалась в замкнутый круг текучки.

При этом работа комсомольской организации только искажала положение: получение образования превращалось из права в обязанность, а заведомо негодного специалиста тащили за уши к диплому и называли это учебно-воспитательной работой. Года такой работы хватило, чтобы понять ее абсурдность. Но в этот период до таких радикальных мыслей никто не доходил. Отказ от старых форм работы требовал определённого мужества и вряд ли встретил бы понимание в институте. Да и в мыслях пока этого не было.

Работа по такому направлению, как формирование социально-политического мировоззрения студентов, осложнялась двумя факторами. Один заключался в том, что в условиях пребывания города Оренбурга и самого политехнического института несколько в стороне от мест наибольшей активности социально–политических процессов страны, в них царила обстановка благодушия и покоя. Студенчество института не выражало резкой позиции даже по негодным условиям быта, не говоря уже о политике, а уровень политической культуры студента был таков, что его желание (если таковое вообще имелось) решить наболевшие вопросы не шло дальше разговоров в курилке.

Второй фактор – это отсутствие у всей системы общественно-политических мероприятий какой-либо позиции. Участие института и комитета в мероприятиях сводилось к одному – предоставлению группы из 60–100 человек с флагами, которые должны пройти колонной или простоять где-нибудь в качестве массовки. Так проводились День космонавтики, День города, праздник Победы. Комитет ВЛКСМ с самого начала стал протестовать против

этих показушных мероприятий, что обернулось для него немалыми неприятностями. До понимания, что протестами и бойкотами положения не изменишь и необходимо искать новые формы работы, было еще далеко.

Много сил у комитета ВЛКСМ уходило на организацию конкурсов студенческих работ по общественным наукам. Серьезной политической работой считалась организация подписки на общественно-политические газеты и журналы. При этом издания, которые не пользовались популярностью, приходилось навязывать дисциплинарными мерами, а на те, которые пользовались спросом, обеспечить подписку комитет не мог. Особую неприязнь вызывала постоянная неразбериха с возвращением корешков от квитанций и т.д. Но это было наследие, от которого никто даже не думал избавляться, потому что так «должно быть».

Традиционным было активное сотрудничество комитета комсомола с факультетом общественных профессий (ФОП). И какие-то формы этой деятельности были оправданными, например, проведение соцопросов, касающихся интересов студентов. Однако с самого начала комитет ВЛКСМ подверг сомнению практику принудительного формирования контингента школы молодых политинформаторов и молодых лекторов и стремление к обеспечению ее максимальной численности. Представлялось, что работа политинформаторов и молодых лекторов, основанная на материалах, надерганных из газет, во-первых, недостаточно профессиональна и компетентна, не гарантирует качество и достоверность транслируемой информации, а во-вторых, ничего не дает ни в плане большего понимания, ни в плане большего умения мыслить. Такой ревизионизм в 1986-м году был очень непривычным шагом.

Занимался комитет ВЛКСМ традиционной организацией студенческих трудовых десантов. В это время

звонки из райкома ВЛКСМ с требованием организовать трудовой десант шли беспрерывно. Причины всегда находили – «горящие» объекты. Вопрос использования студентов как дешёвой рабочей силы был серьёзным вопросом для комитета. И хотя он с самого начала противился такой системе работы, однако отказаться от этого было сложно, система давила такими силами, против которого у комитета не было защиты.

Еще одним, поистине сугубо комсомольским направлением работы, были студенческие строительные отряды. Комитету в этом отношении повезло – состояние этого движения в институте было на высоте. В период третьего трудового семестра 1986 г. было сформировано 28 отрядов, а освоено ими 1 млн. 819 тыс. руб. капиталовложений. Специализированные отряды «Энергия» электротехнического факультета перевыполнили свои обязательства на 190 тысяч рублей. Отрядами автотранспортного факультета перевезено 86 тыс. тонн народнохозяйственных грузов. Научно-производственными отрядами «Пульс-1» и «Пульс-2» выпущено продукции на сумму 128 тыс. руб. Перечислено в различные фонды 20 тыс. руб. Строительный и специализированный отряды «Ориентир-1» и «Энергия-I» признаны лучшими отрядами года в области.

Отряды каждого факультета имели своё лицо и свою специализацию: на строительном факультете – строительные, на автодорожном – строители дорог, на электротехническом – спецотряды «Энергия», на автотранспортном – автоотряды, на технологическом – научно-производственные и т.д. Здесь оставалось лишь не снизить имеющийся уровень.[1]

---

[1] Хотя даже на этом направлении обстановка менялась не в лучшую сторону, о чем свидетельствует статья С. Воронкова, приведенная выше.

Пожалуй, самым заформализованным и зарегламентированным было направление внутрисоюзной работы. Комитет комсомола воспринимал имеющуюся структуру ВЛКСМ как данность, не задумываясь над её правильностью и разумным устройством. Так же воспринимал комитет и формы работы с выборным активом – если выбрали, значит, достоин и должен работать, а если не работает, значит, с дисциплиной плохо, необходимо заставить. С другой стороны, живая практика неумолимо доказывала, что выбор самых активных и тех, кто хочет работать, уже в прошлом, а потому сменяемость комсомольского актива института воспринималась как должное и неизбежное зло.»

Выхода из этой ситуации никто не видел, но как быть, если хотелось делать реальные дела, и делать их хорошо?

«Поскольку работали в существующей формальной закрепощенной структуре, то её жизнедеятельность приходилось поддерживать только дисциплинарными методами, и подходили к этому со всей серьезностью. Так, после VIII отчетно-выборной конференции (ноябрь 1986 г.) почти два месяца комитет занимался разбором десятков персональных дел делегатов, не пришедших на конференцию. Единственным способом поддерживать хоть какую-то работоспособность выбранных в комсомольские органы студентов были наказания. Такое положение считалось для многих нормальным, и большинство студентов именно так представляло себе комсомольскую работу: выбрали бюро факультета, выбрали комитет, вот пусть комитет и заставляет бюро работать. Так и было.

Хотя, комитет ВЛКСМ пытался как-то придать смысл старым видам работы. По-новому стали проводиться учёбы актива, на которых обсуждались конкрет-

ные вопросы жизни организации, а по общим вопросам комитет ВЛКСМ подготовил для комсоргов методичку, в которой были все необходимые для работы материалы. Видоизменились планы работ, приобретая все более конкретную направленность. Отказался комитет ВЛКСМ от потока бумаг и отчётности внутри института. Так, в 1986 г. были отменены карточки учёта на факультетах, которые бессмысленно дублировали сектор учёта ВЛКСМ, отменены все формы бумажной отчётности с факультетов, единственным необходимым документом в бюро факультетов стали протоколы заседаний и планы работ.

По направлению культурно-досуговой работы комитету ВЛКСМ тоже достались старые формы работы и структуры, посредством которых организовывалась и осуществлялась вся культурная и духовная жизнь института. Из форм работы это были традиционные вечера к знаменательным датам и смотры художественной самодеятельности «Осень ОрПтИ» и «Весна ОрПтИ». Много сил отнимали межвузовские и городские смотры, а структура, посредством которой это все организовывалось, была выстроена по иерархическому комсомольскому подобию: ответственный в комитете ВЛКСМ – ответственные в бюро ВЛКСМ факультетов – культорги в группах.

Когда-то, в 70-х, политех считался центром культуры в городе. Были свои ВИА, СТЭМы, клубы, духовой оркестр. Теперь же в институте не знали, что делать даже с дискоклубом «Галактика», запись в танцевальный коллектив автодорожного факультета, на котором превалировал юношеский контингент, была обязательной и ограничивалась только способностями студентов.

Не имея ни опыта, ни образцов нового, комитет ВЛКСМ пытался работать через старые структуры. Поскольку инициатива снизу отсутствовала, постольку приходилось делать это путем повышения и ужесточе-

ния спроса с культоргов за выполнение общественных поручений. Так проводились вечера к 8 марта, 23 февраля, майским праздникам и т.д. Таким же образом проводились и смотры художественной самодеятельности. Стоило ли говорить об их качестве и интересе к ним?

Между тем, проводимая работа требовала огромных усилий и способностей, члены комитета, курирующие культмассовую работу, не могли с ней справиться. Это оборачивалось нареканиями, «разбором полетов», наказаниями по комсомольской линии.

Комитету ВЛКСМ достаточно было поработать в таком режиме несколько месяцев, чтобы почувствовать тупиковость этого пути.»

Но прийти к пониманию, что культура – это не выпуск болванок, а культурная и духовная жизнь в ВУЗе отсутствует не только из-за неисполнительности культоргов, комсомольские лидеры еще не могли.

Большим фронтом работ являлось строительство водонапорной башни, организацией которого комитет занимался с 1985 года. Это было нетрадиционное и не оформленное в имеющиеся структуры и рамки дело. Поэтому именно на этом участке фронта прилагал усилия зам.по идеологии С. Воронков. Между тем, ни один студент не пришел в комитет ВЛКСМ с предложением своих услуг, а как комитету комсомола пришлось работать со студенческо-комсомольским контингентом, уже упоминалось в приведенной выше статье.

«Сначала комитет обращался с призывами и просьбами, а потом стал принудительно организовывать работы по группам. Само строительство шло очень сложно, так как занимался этим комитет ВЛКСМ, не имеющий опыта организации таких работ. Администрация института самоустранилась от организации с самого начала.»

Но башня – пожалуй, самый масштабный проект и дело комитета – была для С. Воронкова причиной и смыслом его появления в комитете, ей он отдавал всю свою энергию, все силы.

Из воспоминаний Олега Котовщикова, комсорга группы 85–ТМ–1 (1986 г.):

«Первый раз в башню я попал со своей группой на уборку подвала от строительного мусора. Проект этот был по своей дерзости и масштабам по тем временам «беспрецедентный». А точнее, «безбашенный». Денег нет, проекта (в том виде, в каком он должен быть) – нет, инвесторов – нет. Но был Воронков, энтузиазм и армия студентов в качестве рабочей силы. Мыслимое ли дело – для прокладки коммуникаций ночью перекапывать проспект Победы – одну из главных транспортных артерий города, чтобы к утру все засыпать?!

Все группы института были задействованы по графику, дошла очередь и до нас. Мне родители купили новые джинсы, шубу, норковую шапку, и во всем этом новье я со всеми таскал на носилках этот мусор. Пыль стояла такая, что мы в трех метрах друг от друга ничего не видели. Сейчас это вспоминать смешно, но тогда я ненавидел и башню, и Воронкова. Мы тогда ещё не были с ним знакомы. Все только начиналось.»

Из воспоминаний Сергея Иваненкова, преподавателя кафедры философии ОрПтИ (1986–1987 гг.):

«Вообще в это время пассивность комсомольцев была скорее нормой, чем наоборот. Не смотря на «активное партийное руководство». А может, даже именно вследствие этого. Вот несколько примеров.

Объявленная перестройка шла уже полтора года. Пропагандистская машина работала напряженно – в каждой газете и с экранов телевизоров только и разговоры – о перестройке. На всю страну светил «Прожектор перестройки»,

выявляя проблемы в разных сферах жизни общества и страны в целом. Политеховский комсомол под руководством партийной организации тоже взялся за «Комсомольский прожектор перестройки», но ничего из этого не получилось. Коммунист Чухась И.Б., которому дали партийное поручение быть председателем «Комсомольского прожектора», за самоустранение от обязанностей получил выговор. Про то, что «Прожектор» так и не включился, комсомольцы молчали – им это было безразлично, а пока заметили коммунисты, он совсем «погас» и больше не появлялся.

Также могу сослаться на свой опыт работы на ФОПе – факультете общественных профессий, основной задачей которого была подготовка комсомольских пропагандистов, обучение их тому, как проводить линию партии в комсомольско-молодежной среде. От парткома работу ФОПа возглавлял Сурмач И.Н., преподаватель кафедры научного коммунизма. Работа велась крайне формально, на бумаге, без всякой координации с комитетом ВЛКСМ, которому до этого тоже не было никакого дела. Достаточно сказать, что за полгода, которые я официально числился там преподавателем, ко мне из комитета комсомола ни разу не подошел ни один человек. Более того, они и пропагандистов–то никак не могли даже назначить и уж тем более прислать учиться. Реально я всего один раз выступил перед такими «пропагандистами». На самом деле это были случайные студенты, у которых отменили занятие, и Сурмач загнал их в поточную аудиторию, человек 10–12, где я прочитал лекцию об очередных задачах комсомола в процессе перестройки. Вот и получалась картина: «сверху» присылали методические материалы про то, как проводить перестройку, в том числе и среди молодежи, но наладить систему подготовки самих молодых пропагандистов в 1986 году так никому и не удалось.

И это была не только проблема политеха, и не только в 86-м году. Об этом мы открыто говорили 16 мая 1987 года

на «круглом столе» в редакции газеты «Комсомольское племя», когда обсуждали вопросы, как и где готовить комсомольских пропагандистов. Тогда же подводили итоги предыдущего 1986 года.

У меня сохранился материал из газеты об этом мероприятии. Вот К. Ремнев, второй секретарь Ленинского райкома ВЛКСМ, прямо говорит: «Система комсомольской политсети на сегодняшний день не соответствует времени. Ни для кого не секрет, что ребята идут на эти занятия без особого желания. Откровенно говоря, неинтересно всем.» Ему вторит Ю. Назаров, второй секретарь Дзержинского райкома комсомола: «Правильно. Пассивность аудитории и слабый уровень подготовки пропагандиста – вот две проблемы, которые можно назвать самыми основными.»

Обком комсомола устами зав.отделом пропаганды В. Купчика заявляет: «Мы уже в прошлом году (1986) *впервые* (курсив мой. – *И. С.*) проводили недельный семинар. Приглашали пропагандистов. Организовали обмен опытом... Надо, чтобы такие же семинары проводились и в районах, а не только в Оренбурге.»

На резонный вопрос, а где пропагандисту брать необходимые материалы, корреспондент газеты С. Бурдыгин замечает: «Мне часто приходится, бывая в командировках, встречаться в сельских райкомах комсомола с такой проблемой. Материалы по пропагандистской работе, разработки из обкома высылаются безнадежно поздно.» В. Купчик, соглашаясь и одновременно возражая Бурдыгину, говорит: «В основном, эти разработки к нам приходят из ЦК ВЛКСМ. Когда приходят, тогда и отсылаем. Кстати, большинство из этих материалов так в райкомах и оседает без пользы.»

Иными словами, круг замкнулся: с одной стороны, для перестройки требовались пропагандистские кадры, а методическое обеспечение их учебы валялось в райкомовских шкафах и до первичек не доходило. А те, в свою очередь, не

особо спешили наладить у себя собственную учебу. Никому это было не надо.

Понятно было, что для реальной перестройки нужны были новые лидеры, которые повели бы за собой остальную массу. Но в Оренбурге в это время ни в партии, ни в комсомоле я таких не знал.»

Вот так, вслепую и на ощупь продвигался комитет на этом этапе перестройки. А при полном отсутствии инициативы у самого комитета и его секретаря Плотникова, совершенно понятно, что никаких особых инициатив и не было. Если что и появлялось, то благодаря активности преподавателей, – клубы «Камертон» (Иваненков С.П.), «Аист и Венера» (Кусжанова А.Ж.), «Логос» (Кутузов В.И.), правда, в последнем случае от бюро ВЛКСМ факультета в нем принял участие В. Бархов.

А откуда было взяться инициативе комитета, если в таком же положении находился практически весь ВЛКСМ?

Вот как характеризует обстановку того времени **Владимир Мироненко**, бывший первый секретарь ЦК ВЛКСМ (1986–1990 гг.):[16]

> «Вплоть до XIII пленума ЦК ВЛКСМ в июле 1986 года и даже до XX съезда ВЛКСМ о перестройке в комсомоле можно говорить лишь как о тенденции, являющейся во многом реакцией на реформаторский дух заявлений нового партийно-политического руководства страны, с одной стороны, и неубедительность реформаторских его действий, с другой.
>
> Реакция комсомольских организаций, комитетов комсомола пока не выходила за рамки обычной

[16] Мироненко В. Комсомол в период перестройки советского общества: в поиске новой модели союза и новой молодежной политики. (1985–1990 гг.). Дисс.на соиск....канд.истор.наук.// http://vimironenko.narod.ru/sci/sci0001/sci0001_0.htm

и привычной политической кампании. Комсомольские работники заучивали новые политические формулы, не задумываясь над их содержанием.

Все это свидетельствует о том, что даже к середине 1986 года перестройка в комсомоле воспринималась как очередная политическая кампания, не предполагавшая каких-либо кардинальных изменений ни внутри комсомола, ни в его отношениях с КПСС.

Этим и многолетней инерцией безынициативной исполнительности, а не личными качествами тех или иных руководителей объяснялась в целом замедленная реакция молодежи на инициативы партийного руководства.

Период с 1985 по 1987 год включительно характеризовался тем, что все инициативы перемен в ВЛКСМ исходили исключительно сверху. Основная масса молодежи оставалась в лучшем случае наблюдателями. Реакция на инициативы отдельных комсомольских работников по-прежнему была настороженной.»

Эту же ситуацию в комсомоле того времени подтверждают исследователи–историки. В частности, **Мухамеджанов М.М.,** автор исследования **«Комсомол: последние десять лет (1981–1991)»,** пишет:

«Инициатором перестройки выступал Центральный Комитет ВЛКСМ. В местных комсомольских организациях первичные комитеты по привычке ожидали указаний сверху.

Более года понадобилась ЦК ВЛКСМ, чтобы перестроечным призывам придать какие-то практические формы. Началом реформирования комсомола можно считать работу XIII пленума ЦК ВЛКСМ, состоявшегося

> в июле 1986 года. Пленум понимал задачу перестройки узко, считая главной задачей поднять эффективность системы внутрисоюзного управления. Были безуспешные попытки уменьшить бумаготворчество, документооборот, порядок многосторонних согласований. Они не достигали поставленных целей. Бюрократизм глубоко проник в управленческий механизм комсомола, и никакие рекомендации по его искоренению не приводили к успеху.»[17]

Но даже это слабое движение происходило «наверху». А на местах вообще никакого движения не было. VIII отчетно-выборная конференция ОрПтИ, состоявшаяся в ноябре 1986 года, прошла «в штатном режиме», и газета «Политехник» (5.11.1986) никаких подробностей, и даже постановления этой конференции, не опубликовала – кому это интересно?

В отличие от райкомов и иных комсомольских структур, которых в работе комсомола политеха все устраивало, студенческий комсомол относился к работе комитета совсем иначе. В это время, если имя комитета и упоминалась, то преимущественно в острокритическом ключе. В этом же номере «Политехника» так выглядели оценки студентов:

И. Судаков, студент группы 85–ЭМ-2, писал: «Учебные секторы в группах никакую работу не ведут. В большинстве групп аттестационные собрания не проводятся.»

С. Кузьмина, студентка группы 84–ЭМ-1, делилась мнением: «Общественную активность студентов оценивают по политической аттестации. Но как принимаются комплексные планы? Это сплошной формализм... Не все группы ответственно относятся к политинформации.»

---

[17] Мухамеджанов М.М. Комсомол: последние десять лет (1981–1991)// Информационный гуманитар.портал «Знание. Понимание. Умение» /2008/ № 6 – История// http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Mukhamedzhanov_Komsomol/

Это, конечно, была не прямая оценка деятельности комитета, но она говорила о том, что в конце 1986 года комитет ВЛКСМ под руководством А. Плотникова пребывал в летаргическом сне формализма, сам никаких инициатив не проявлял, а те, что пробивались «снизу», системной поддержки со стороны комитета не получали. И такая картина наблюдалась в жизни комсомола политеха прямо накануне знаменательного январского Пленума (1987 г.) ЦК КПСС.

Итак, старая система комсомольской работы уже вовсю буксовала, демонстрируя свою полную несостоятельность. Но новой еще не было, ей не из чего было возникнуть и на это требовалось время.

Комитет ВЛКСМ, а точнее, часть его членов во главе с идеологом Сергеем Воронковым, проходил этот тяжкий путь игры в чужие игры и расхлебывания чужих ошибок с огромным напряжением сил – в попытках совместить реальность с собственными представлениями о должном состоянии работы комсомольских лидеров, окружавшую рутину и принуждение – с жаждой больших дел и свершений посредством «живого творчества масс».

Никто из них еще не отдавал отчет в том, что и условия работы, и собственные амбиции, и характер задач в их личном понимании, и уровень личной ответственности и спроса с самого себя – все это с необходимостью ведет на инновационный путь, вне которого решений и ответов на эти вопросы просто нет и быть не может. Но момент осмысления успехов и неудач, а тем более их причин, еще не наступил.

Между тем, Перестройка, всколыхнувшая интеллектуальное и медиапространство страны, каждый день приносила новые порции информации, ранее невостребованной в повседневности. Она будила воображение и желание, права и обязанности перемен. Своего опыта у активной части комитета не было. Но в вузе большой контингент людей, для которых знать является должностной обязанностью, – это

преподаватели. В перестроечных документах большие надежды и обязанности возлагались на обществоведов, но...в ОрПтИ значительная часть из них не располагала к контактам, а уровень и характер своего участия в перестройке они определяли так, как уже описано выше.

Однако не все. Не все просто пересказывали газетные передовицы. Например, С.П. Иваненков с его кружком «Прогнозист» и социологическими исследованиями уже был заметной и известной фигурой в этих узких кругах. Но пути к науке как инструменту деятельности пока лежали за пределами представлений комсомольцев-перестройщиков. Тем не менее, отдельные члены комитета стали предпринимать попытки привлечь на помощь активных преподавателей.

> «Долго и упорно втягивал комитет ВЛКСМ (а точнее, идеолог С. Воронков и культорг Н. Пыжова) преподавателей в клуб КВН, хотя бы для помощи в подготовке игр за честь института. К активному участию удалось привлечь лишь троих преподавателей кафедры философии – Иваненкова, Кусжанову и Богуславскую, и то которые недавно распределились в институт из МГУ и УрГУ. Участие кого-либо из преподавателей и сотрудников в работе каких-либо коллективов художественной самодеятельности или в проводимых мероприятиях для института – нонсенс.»[18]

Из воспоминаний Ажар Кусжановой, преподавателя кафедры философии ОрПтИ (1986–2000 гг.):

«С Сергеем Воронковым я познакомилась осенью 1986 года. Я только приступила к преподавательской деятельности и искала какие-нибудь выходы на общественные группы и организации института, чтобы в живой работе посмотреть

[18] Отчетный доклад комитета ВЛКСМ ОрПтИ о проделанной работе за период с VIII отчетно-выборной конференции (ноябрь 1986 г.) до X отчетно-выборной конференции (ноябрь 1989 г.).

состояние тех общественных сил, на которые партия возложила надежды по осуществлению Перестройки. У меня в вечерней группе оказался студент Мухарбек Бесаев – спортивный, красивый, искренний и простодушный парень, оказавшийся заместителем секретаря комитета комсомола института по орг.работе. В один из первых учебных дней он подошел ко мне с просьбой оказать посильную помощь в налаживании комсомольской работы, поделился проблемой неудовлетворительной работы студсоветов в студенческих общежитиях, задавал вопросы, спрашивал совета. Его заинтересованное отношение и явное желание поставить работу на научные рельсы (хотя сам он вряд ли понимал, что это такое), его готовность приложить свои усилия для улучшения жизни студентов в родном институте и воспользоваться для этого научным руководством, оказались для меня убедительными. А чуть позже он привел к нам в общежитие своего коллегу по комитету ВЛКСМ Сергея Воронкова, который попросил помощи в подготовке к игре в КВН с командой комсомольцев ПО «Стрела».

Сергей мне тоже понравился, своим живым интересом и искренним желанием сделать дело. Такой напористый, обаятельный, симпатичный, открытый и веселый парень с букетом КВНовских талантов. Времени до игры оставалась последняя неделя, а у команды института ничего не было. Мы, молодые преподаватели, я, Сергей Иваненков и привлеченная нами коллега по кафедре Софья Богуславская, бросились на помощь. Для меня не суть было, какое мероприятие мы готовили, мне важно было наладить контакт с комитетом комсомола и в деле узнать, каковы они, студенты–политеховцы. Это была разведка боем, неанкетный способ социологического исследования.

Подготовка сначала не клеилась. Одни студенты активничали невпопад, другие «пришли только посмотреть» и вели себя очень сдержанно. Часто мы с Сергеем Воронковым напрягались вдвоем, стараясь успеть подготовить все

задания программы. Но постепенно лед растаял, юмор и находчивость прорвали отчуждение. Игра стала для многих первым боевым крещением. Коля Черноглазов, Таня Портнова, Наташа Пыжова и еще ряд ребят становились в ряды комсомольских активистов.

В это же время с той же целью – изучения уровня и характера активности институтского студенчества – я создала клуб «Аист и Венера», активно поддержанный идеологом С. Воронковым. Отклик ребят был высокий – в институте крайне остро ощущалась нехватка интересных форм деятельности, а для собственных инициатив не хватало ни фантазии, ни смелости. Групповые первички в это время напоминали детский сад, где невинные дети по своему пониманию и разумению играли в “комсомольские игры”».

Из воспоминаний Олега Котовщикова, комсорга группы 85–ТМ-1 (1986 г.):

«Моя комсомольская жизнь в институте началась, когда я вернулся из армии в 1986 году, и на второй неделе после начала учебы у нас проходило комсомольское собрание группы. «Тоска зеленая», а не собрание. Никому ничего не надо, всем скорее бы пойти домой. Формализм и равнодушие – так можно в двух словах определить то, что из себя представляло собрание.

Я сказал, что так не пойдет, либо мы группа, либо мы стадо, и выдал все, что я думаю о собрании и большинстве присутствующих пофигистов. Мне было сказано, что если ты такой умный, то и будешь комсоргом. Я согласился, и мы тут же переизбрали Вику Жбанову и избрали меня.

Самым простым для меня было собирать взносы (2 копейки в месяц), а вот самым сложным – сформировать атмосферу честных, порядочных и дружеских взаимоотношений. Звучит, конечно, пафосно, но именно так я видел тогда свою роль.

Мы регулярно проводили собрания группы, не для галочки, а для обсуждения самых острых вопросов (взаимоотноше-

ния в группе, разбор конфликтов, успеваемость). Самыми частыми были темы конфликтов в группе. Кричали, валили друг на друга вину, даже оскорбляли, короче говоря, «полемические битвы» были недетские.»

Итак, к осени 1986 года перестройка не дала ожидаемого подъема экономики, и «распорядительной дирекции», видимо, уже было известно, что бурного подъема масс не произошло, а государственные и партийные органы большей частью «перестраивают» все лишь «для галочки». Но это означало, что ускорение рисковало быть сорванным, и тень надвигающейся экономической катастрофы никуда не исчезла. Поэтому к этому времени М.С. Горбачёв окончательно сформулировал для себя девиз нового этапа реформы: тотальная перестройка партии, государства, экономики, а ее рычаг – демократизация системы. [19]

---

[19] Январский 1987 г. Пленум ЦК КПСС. – https://history.wikireading.ru/32144

1987 ГОД

Между тем, наступил 1987, переломный год перестройки. 27–28 января на январском Пленуме ЦК КПСС М.С. Горбачев выступил с **докладом «О перестройке и кадровой политике партии».**[20] В нем он сформулировал вывод о причине трудностей в стране. Ею, считает он, является возникшая

> «целая система ослабления экономических инструментов власти, образовался своего рода механизм торможения социально-экономического развития, сдерживания прогрессивных преобразований. Корни этого торможения – в серьезных недостатках функционирования институтов социалистической демократии, в устаревших политических и теоретических установках, в консервативном механизме управления.»

Положения доклада объясняли многие проблемы, с которыми уже столкнулся институтский комитет комсомола:

> «Перекосы в социальной политике, нарушение социалистического принципа распределения по труду привели к росту иждивенческих настроений, укоренению психологии «уравниловки», к утере стимула к улучшению труда и к искажению принципа социальной справедливости. Возникшие элементы социальной коррозии негативно сказались на духовном настрое общества и на состоянии нравственных ценностей. Как неизбежное следствие этого – падение интереса к общественным делам, проявления бездуховности и скептицизма, снижение роли моральных стимулов труда, волна потребительства, падение нравов и многое другое.»

Его критика нарушений норм партийной жизни автоматически проецировалась и на комсомол:

[20] Здесь и далее: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 27–28 января 1987 года. Москва, Политиздат 1987.

> «Нарушение принципов демократического централизма, равенства коммунистов, коллегиальности в работе ослабило партийные организации и их способность влиять на обстановку в трудовых коллективах и в обществе в целом.»

А разъяснение сущности перестройки давало четкие критерии, направления для будущей работы:

> «Перестройка – это всестороннее развитие демократии, социалистического самоуправления, поощрение инициативы, самодеятельности, укрепление дисциплины и порядка, расширение гласности, критики и самокритики; это уважение к ценности и достоинству личности.
>
> Перестройка – это энергичное избавление общества от искажений социалистической морали, проведение в жизнь принципов социальной справедливости; единство слова и дела, прав и обязанностей; преодоление уравнительных тенденций в оплате труда, потребительства.»

Доклад клеймил то, что мешало и работе комитета:

> «Еще во многих хозяйственных, государственных, советских, да и в партийных органах, в самих трудовых коллективах далеко не все пока шагают в ногу с требованиями жизни. Немало людей, которые медленно освобождаются от груза прошлого, выжидают, а то и откровенно тормозят дело, мешая широкому развитию политической, общественной и трудовой активности народа. Не все поняли, что работать по-новому – значит решительно отказаться от старых привычек и методов.»

Гарантиями же успеха начатых преобразований были названы:

> «всестороннее развитие демократизма, реальное участие народа в решении всех вопросов жизни страны,

> полное восстановление ленинских принципов гласности, общественного контроля, критики и самокритики, искренность в политике, состоящая в единстве слова и дела», а также «здоровое развитие самой партии, ее способность к критическому анализу собственной деятельности, умению обновлять формы и методы своей работы.»

В главном вопросе этого Пленума – кадровой политике – особо был выделен вопрос о повышении роли всех выборных органов, в партии, в государстве, в профсоюзах и других общественных организациях, а также о новых принципах подбора кадров. Как корневая ошибка было отмечено:

> «Произошло непомерное разрастание роли исполнительных органов в ущерб выборным. На первый взгляд, будто все идет нормально. Регулярно проводятся и пленумы, и сессии, заседания других выборных органов. Но работа их часто заформализована, на обсуждение выносятся второстепенные или заранее предрешенные вопросы. (какая до боли знакомая картина советской действительности 80-х годов! – *прим. авт.*) Но никакой исполнительный орган, тем более его аппарат, не может, не имеет права подменять выборный, возвышаться над ним.»

Теперь коллективные органы управления должны были брать под контроль аппарат, и обе стороны – нести ответственность за результат совместной работы. Коллективность принятия решения и ответственности за него актуализировала новую форму отношений – неформальное обсуждение.

И, наконец, стержневой элемент нового демократизма – выборы на альтернативной основе депутатов и руководителей. Несколько кандидатов на одно место, на один мандат. Это означало начало политической реформы, первым шагом которой становилась реформа избирательной системы.

И это действительно было ново, сенсационно, непривычно и....непредсказуемо в своих последствиях.

Николай Рыжков, член Совета федерации, в 1985–1990 годах председатель Совета министров СССР: «*Экономические реформы середины 80-х были востребованы жизнью и стали закономерным ответом на засилье жесткой плановой системы. Но наступил момент, когда эта экономическая модель стала терять свой динамизм, перестала впитывать научно-технический прогресс, мешала своей формализованностью. Глоток воздуха нам дали еще косыгинские реформы, потом наступило время модернизации, реформирования, перестройки – как угодно назовите. Но примерно в 1987 году кто-то сбил с толку Горбачева (и я представляю, кто это сделал), и тот решил заняться реформированием всей жизни страны, политической и государственной системы. Горбачев бросил заниматься главными экономическими реформами, начал экспериментировать.*»[21]

Однако отклик поступил мгновенно. Буквально в считаные дни после Пленума был организован конкурс на замещение должности директора автомобильного завода РАФ в Латвии. Конкурс широко освещался в газете «Комсомольская правда» (слова PR-акция в СССР еще не знали – *авт.*) и, с политической точки зрения, был задуман и проведен в новом, перестроечном духе. И хотя «необычность мероприятия (все-таки выбирали директора предприятия союзного значения) заслонила для читателей «Комсомолки» менее очевидную проблематику – новизну самого подхода ***к выбору руководителя***»[22], вместе с тем, само по себе оно име-

[21] Цит. по: Как начались и чем закончились реформы Михаила Горбачева – в спецпроекте «Ъ». – https://www.kommersant.ru/projects/perestroika

[22] Экскурс. Конкурс руководителей на РАФе – https://economy-ru.com/teoriya-strategicheskoe-upravlenie/ekskurs-konkurs-rukovoditeley-43944.html

ло оглушительный общественный резонанс. Потом были и другие выборы – конкурс на место директора Артека и конкурсы руководителей на БАМе.

А тем временем в Оренбургском политехническом институте разворачивались процессы, как под кальку списанные с доклада Горбачева, причем в той его части, где критика действительности была наиболее резкой. Они красноречиво подтверждали остроту проблемы и актуальность новой кадровой политики.

Однако здесь тоже есть своя предыстория. И связана она с тем, как в этот период складывались отношения институтского комитета комсомола с вышестоящей организацией в иерархии комсомольских органов – райкомом ВЛКСМ Центрального района.

Из воспоминаний Сергея Иваненкова, преподавателя кафедры философии ОрПтИ (1986–1987 гг.):

«Нажим высших партийных органов все же порождал какие-то волны активности на местах, и Центральный райком комсомола по-своему работал. Он тоже искал свои новые формы работы и даже экспериментировал. После партийного Пленума он провел эксперимент «Дублер», представлявший собой временное замещение штатных работников райкома внештатными. Во время этого эксперимента дублеры предложили объявить открытый конкурс на вакантную должность освобожденного секретаря комитета комсомола СПТУ-26. Разработку проекта и научное обеспечение конкурсных выборов взяла на себя группа ученых политеха – С.П. Иваненков, А.Ж. Кусжанова, С.М. Богуславская и Н.Б. Шебаршова. С опорой на опыт уже прогремевших на всю страну демократических выборов на РАФе и ВАЗе была разработана оригинальная методика отбора лучшего.

Райком пошел на этот эксперимент, что называется, не от хорошей жизни. Проблема заключалась в том, что ка-

дрового резерва – даже на освобожденные должности секретарей – в райкоме не было, и надо было как-то решать кадровый вопрос. Почему не оказалось резерва? Видимо, в этот период особо желающих работать в комсомоле уже не было. Авторитет комсомола стремительно падал, а вступать на палубу тонущего корабля мало кому хотелось. Но признать это действующие руководители не могли, вот и решили, что стихия демократии вынесет на берег драгоценные кадры.

Из 14 претендентов, подавших заявку на участие, по формальным критериям подходили лишь трое, что несколько удивило работников райкома, в частности, заворга С. Ермакова, назначенного от райкома ответственным за проведение этого конкурса. Отобранные посредством тестирования и собеседования кандидаты организовали встречи с учащимися СПТУ, рассказывали про себя, слушали, что думают ребята о комсомоле и своих проблемах, корректировали свои программы, советовались с научными консультантами.

В результате социологического опроса выявился лидер, Игорь. Но... в какой-то момент он внезапно заявил о семейных обстоятельствах и, скоропалительно выбыв из конкурса, уехал к себе в район. Собеседование с оставшимися кандидатами, Анатолием и Галиной, показало, что Анатолий по многим параметрам вообще не подходил на эту должность. Тогда руководство СПТУ предложило райкому «старым дедовским способом» назначить Галину. Но райком решил пойти до конца! Научным консультантам тоже было интересно посмотреть, чем закончится этот «разгул молодежной демократии».

На общем собрании Галина, имевшая педагогическое образование, понравилась руководству. Но ее правильные слова не были услышаны учащимися. Анатолий же, не имевший высшего образования и работавший грузчиком, оказался для аудитории «своим парнем», и, к удивлению и разочарованию руководства училища, был избран!

Группа научных консультантов, которая вела включенное наблюдение и мониторинг всего процесса, зафиксировала в этом тревожный сигнал: демократия чревата опасной тенденцией – выбора себе подобных и возможностью избрания в выборные органы далеко не самых лучших. Этот вывод подтвердился во многих последующих выборных кампаниях.»

А что же секретарь, избранный «всенародным голосованием»? Анатолий проработал секретарем 3 дня, а затем перестал появляться на работе, и райком был вынужден уволить его за прогулы.[23]

Между тем, выборная активность набирала обороты, прокатившись по всей стране, и в результате привела «демократическим путем» фактически к развалу государства. Но это будет потом.

На этой новой волне «торжества социалистической демократии» и «возрождения ленинских принципов коллегиального управления» в виде конкурсных выборов зам. секретаря комитета ВЛКСМ по идеологии С. Воронков перед предстоящим активом предложил провести соц.исследование по вопросам улучшения деятельности комитета ВЛКСМ и всей комсомольской организации.

Из воспоминаний Сергея Иваненкова, преподавателя кафедры философии ОрПтИ (1986–1987 гг.):

«Где-то в начале апреля 1987 года ко мне подошел Сергей Воронков и спросил, можно ли провести анкетирование по вопросу: Хотите ли вы, чтобы в нашей комсомольской организации прошли выборы, как на РАФе? Так как в стране уже шел процесс демократизации, поиска новых форм его реализации и углубления перестройки на производстве, то ниче-

[23] Анализ всего этого социального эксперимента был дан в областной комсомольской газете «Комсомольское племя» за 16 мая 1987 года.

го особенного в этом я не увидел. Естественно, этот вопрос подредактировали, я еще что-то к нему добавил, в итоге получилось 10 вопросов, два из которых были такими: «Если бы провести выборы бюро и комитета по опыту ВАЗа или РАФа, Вы выдвинули бы свою кандидатуру?» и «Считаете ли Вы возможными перемены к лучшему в деятельности институтской организации ВЛКСМ в целом, если провести такие выборы?» Я, как и раньше, отнес анкету редактору «Политехника» В.В. Шестову. И вот тут все и началось!

Как я потом понял, причиной всего стал первый вопрос. Шестов прочитал его и остолбенел, его как будто подменили. Он схватил анкету и побежал через дорогу в райком комсомола ко второму секретарю С. Тишину: «Как это так?! При живом секретаре Плотникове?! Это провокация!» А Плотников в это время болел, как всегда. «Проводить такой подрывающий устои опрос! А где разрешение парткома и райкома комсомола?» Т.е. вопрос был даже не о том, чтобы провести выборы, как на РАФе, которые проводились с разрешения ЦК КПСС, а просто спросить о возможности и целесообразности такой акции! И это вызвало такую бешеную волну против меня и Воронкова! Вот так все и началось в том, что касается начала активной фазы кризиса комсомола в ОрПтИ.»

Однако это не было причиной, это было поводом, спусковым крючком громкого и яростного конфликта, в который впоследствии оказались втянуты комитет ВЛКСМ ОрПтИ, райком, горком, обком, ЦК ВЛКСМ, областная молодежная газета, студенты и преподаватели, партком института и главная фигура – зам.секретаря комитета комсомола ОрПтИ Сергей Воронков. Этот конфликт, достойный пера Михаила Юрьевича Лермонтова с его описанием Бородинского сражения, показал в мелкопоместном масштабе все части, все грани и формы, все средства (легальные и недозволенные) того реального сущностного конфликта интере-

сов и процессов, в который вылилась так мирно и с благими целями начинавшаяся перестройка.

Конфликт в комитете ВЛКСМ зрел с самого начала. Он начался ещё за год до конференции, когда секретарем комитета ВЛКСМ стал Александр Плотников. Вызревание конфликта определяли слишком полярные точки зрения освобожденных работников на содержание и формы комсомольской работы, на стиль и методы руководства.

> «"Александр Плотников – человек во всех отношениях положительный. Честный, безотказный парень". Так охарактеризовали его в райкоме комсомола. «Неконфликтный, мягкий, покладистый, удобный», – так он характеризовал себя сам. «Да, он честный исполнитель без воли, мнения и позиции», – дополнил характеристику заместитель секретаря комитета С. Воронков. Обладая такими завидными качествами, он мог бы, наверное, стать хорошим инженером и великолепным исполнителем. Но судьба распорядилась по-своему. После окончания этого же института, в октябре 1985 года нежданно-негаданно, после доверительной беседы в парткоме он, к удивлению своих сокурсников, становится секретарем комитета комсомола. Другой кандидатуры, как это часто бывает в спешке, не нашлось, и собрание комсомольского актива института проголосовало, разумеется, единогласно.»[24]

Плотников строил работу по принципу беспрекословного выполнения решений вышестоящих органов и его собственных указаний как секретаря. Причину он сам проиллюстрировал на примере:

> «В прошлом году решил райком забрать у него освобожденного работника. Александр, быть может впер-

[24] Селиверстов Ю. В трех соснах демократии// областная молодежная газета «Комсомольское племя», 11 апреля 1987 г.

вые, позволил себе не согласиться с “мнением”. Он обратился в горком, а затем прямо к первому секретарю обкома ВЛКСМ. Но и делу не помог, а объясняться в райкоме по поводу нарушения субординации пришлось долго. “Сейчас в этом плане я перестроился, сейчас никуда не прыгаю!”»[25]

Однако не в вакууме же он жил и работал, и не только вышестоящий райком имел о нем мнение, был еще возглавляемый им комитет.

Из Отчетного доклада комитета ВЛКСМ ОрПтИ о проделанной работе за период с VIII отчетно-выборной конференции (ноябрь 1986 г.) до X отчетно-выборной конференции (ноябрь 1989 г.):

«До этой должности никогда не занимаясь серьезной общественной работой, он [А. Плотников] часто проявлял некомпетентность, неделовой подход в решении вопросов.

Например, при рассмотрении вопроса, касающегося выполнения решения комсомольской конференции о закреплении учебных аудиторий за студенческими группами, ответственным за который был назначен А. Плотников, секретарь комитета, не проработав вопрос, предложил, в случае невыполнения группами обязанностей по уборке и содержанию закрепленных за ними аудиторий, возложить ответственность на секретарей факультетских организаций. В ответ часть членов комитета предложила спросить за это, прежде всего, с самого Плотникова.

На другом заседании комитета зам. секретаря комитета ВЛКСМ С. Воронков предложил обсудить неэтичный поступок А. Плотникова, не понятно из каких соображений написавшего от имени комитета ВЛКСМ очерняющее, с

[25] Там же.

искажением фактов, письмо матери одной студентки (отличницы). С этим письмом мать в слезах обратилась в комитет, проехав для этого через всю область, но никто из членов комитета о нем не знал.

Эти и другие примеры каждый раз вызывали эмоциональные всплески и скандалы в комитете, но реакция райкома была иной – за ними следовали накачки и разносы. На одном из бюро РК ВЛКСМ было официально заявлено, что секретаря комитета может критиковать только райком.

С такой ситуацией не хотели мириться секретарь бюро ВЛКСМ технологического факультета Г. Борисова и ряд членов комитета ВЛКСМ. Галина Борисова за два года работы секретарем буквально перевернула комсомольскую работу на факультете, вдохнула жизнь в общественные дела, проявив себя как талантливый организатор с живым мышлением, ищущий новое. Она была совершенно нетипичным комсомольским работником, соответственно и строила свою работу. Комсомольская организация факультета давала высокую оценку своему лидеру. Ни один последующий секретарь так и не смог должным образом поставить работу на факультете.

Между тем, нелояльная позиция группы членов комитета и Борисовой явно не устраивала аппарат Центрального РК ВЛКСМ, т.к. это расшатывало систему иерархического руководства, заставляло тратить время на «ненужные» споры.

После перевыборов комитета ВЛКСМ, из новых членов комитета сторону Г. Борисовой принял зам.секретаря комитета ВЛКСМ Сергей Воронков. Недовольство РК ВЛКСМ скоро перешло в активные действия. Секретаря комитета Плотникова райком заставлял «закручивать гайки», а подчиненных обрабатывали в режиме послушания. Зачастую такие акции носили характер интриг и сплетен, что ещё больше усиливало раздор.»

Размеры конфликта стали выходить за стены института.

15 апреля 1987 г. в Москве начал работу XX съезд ВЛКСМ. Это событие так отражено в исследовании **М.М. Мухамеджанова «Комсомол: последние десять лет (1981–1991)»**:[26]

> «К очередному съезду комсомола положение в союзе оставалось критическим. Процесс перестройки шел медленно. ЦК предпринимал большие усилия, чтобы запустить маховик перестройки. Шли поиски оптимальных проектов, но их реализация не приносила успеха. Накапливался определенный опыт, концепция преобразований уточнялась, идея перестройки постепенно проникала в сознание рядовых комсомольцев.
>
> Вся работа съезда проходила под знаком гласности и критики. Накопившиеся ранее проблемы выплеснулись широким потоком. Запретные зоны критики были открыты. На съезде развернулась острая дискуссия о роли и месте комсомола в новых условиях развития страны. Кроме вопросов, связанных со стилем работы комсомола (бюрократизм, бумажная круговерть, показушные малоэффективные мероприятия, победные рапорты и пр.), обсуждались проблемы молодежи в целом. Особенно острый характер носила критика социальной политики, подвергающая молодое поколение дискриминации.
>
> Съезд сделал вывод, что происходящие изменения в комсомоле еще не соответствуют современным требованиям. «Продолжают оставаться острыми, – говорится в резолюции по Отчетному докладу ЦК ВЛКСМ, – противоречия между демократическим характером организации и бюрократическими методами

[26] Мухамеджанов М.М. Комсомол: последние десять лет (1981–1991)// Информационный гуманитар.портал «Знание. Понимание. Умение» / 2008 / № 6 – История// http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Mukhamedzhanov_Komsomol/. С. 24–26.

руководства, стремлением молодежи к новому и застывшими формами работы.»

Новым в партийной установке, озвученной в выступлении М.С. Горбачева, был призыв к молодежи не брать все на веру, самостоятельно осмысливать и активно действовать на основе собственного понимания происходящего.

Выступление Горбачева представляло собой сконцентрированную программу деятельности комсомола и решения социальных вопросов молодежи в условиях интенсификации производства и расширения демократии.

Многое на съезде было непривычным и новым. Среди его участников царил дух перемен. Вместе с тем, в работе съезда сказался и дух наивного романтизма, вызванного торжеством свободы и демократии. Но, по сути, в решениях XX съезда нет принципиального поворота к новому. Все намеченные мероприятия не касались модели комсомола, сложившейся в застойные годы. Они были направлены на исправление наиболее вопиющих недостатков, относящихся к системе управления, формам и методам деятельности.

Пока еще не была найдена модель молодежной организации, соответствующая новым демократическим принципам. Пожалуй, к новизне можно отнести лишь тезис, именно тезис, а не развернутую концепцию, о хозрасчете, которому должны учиться комсомол и молодежь. Тем не менее, первый комсомольский съезд периода перестройки всколыхнул молодежь, дал импульс для поиска путей обновления.

Несмотря на известное оживление внутрисоюзной жизни, призыв к переменам в комсомоле с трудом доходил до его базиса – первичных организаций. На местах активисты работали преимущественно по-старому. Как надо работать по-новому они не знали.»

Но это было 15 апреля в Москве, а 11 апреля 1987 года в Оренбурге в газете «Комсомольское племя» появилась статья Ю. Селиверстова «В трех соснах демократии», в которой автор попытался отразить суть происходящего в комитете комсомола Оренбургского политеха.

Из статьи Юрия Селиверстова «В трех соснах демократии»:

> «О стилях и методах руководства (если они, конечно, есть), можно спорить долго. – Отмечал корреспондент областной молодежки. – Я готов их принять все, если они помогают делу. Все, кроме одного, — телефонного. И вот почему. Недавно несколько таких звонков (из райкома в комитет – *прим.авт.*), оставшихся без ответа, побудили райком применить к своим подчиненным самые унизительные санкции. Была заведена специальная тетрадь недоверия, в которой каждый, отлучаясь даже ненадолго, должен был оставить соответствующую запись. Конечно, если работник с 9 и до 18 сидит на телефоне, им удобнее руководить. Но удобнее ли от этого делу? Это как раз тот случай, когда нужно не загонять в кабинеты, а напротив, — выгонять из них. Работа с людьми – это не авансовый отчет, который можно составить, не вставая со стула.»[27]

Градус атмосферы крепчал. Конфликты происходили по любому поводу и вопросу, из-за каждого неосторожного слова. Пустяк превращался в принцип, додумывалось то, что вообще не имело места. Эта пороховая бочка не сегодня – завтра должна была взорваться. И...

> «В один из таких опальных дней Галина Борисова исчезла. Просто не вышла с утра на работу. Система недоверия сработала сразу. Несколько звонков в райком,

[27] Селиверстов Ю. В трех соснах демократии// областная молодежная газета «Комсомольское племя», 11 апреля 1987 г.

несколько из райкома. Маховик бюрократии вздрогнул, пришел в движение и стал набирать скорость. Где-то поскребли по сусекам какого-то резерва, и кандидатура на замещение вакантной должности освобожденного секретаря комсомольского бюро факультета мгновенно нашлась. Буквально в течение 2–3 часов, при ревностном соблюдении субординации, А. Плотников за руку провел ее (кандидатуру) по всем ступеням иерархической лестницы от парткома института до горкома КПСС. В воздухе «запахло» увольнением за прогул и выносом персонального дела на комитет. Первая идея возникла у заворга райкома С. Ермакова, вторая пришла в голову Александру. Еще немного, и этот жестокий механизм безжалостно подмял бы под себя человека. И вдруг вечером выясняется, что Галина попала в больницу и не успела сообщить на работу. Неправомерность, неэтичность своих действий Александр оправдал одним словом: «Погорячился!» Но чем оправдать то, что ни один человек ни в одном кабинете не поинтересовался – а где же Борисова? Ведь пропал человек, и никому даже в голову не пришло хотя бы попытаться найти его. И уж тем более никто и не вспомнил о мнении членов факультетского бюро. А ведь должность-то эта выборная. Но об этом в институте почему-то предпочитают забывать.

Вот так соблюдается первое условие внутрисоюзной демократии – “коллективность руководства”».[28]

Последние слова относились к положению проекта нового Устава ВЛКСМ, который готовился к принятию на XX съезде ВЛКСМ. Предполагалось, что оно, как и положения партийных документов, является для членов и органов ВЛКСМ руководством к действию и исполнению. Оно гласило: «Важнейшим условием успешной деятельности

[28] Там же

ВЛКСМ является расширение и углубление внутрисоюзной демократии – коллективности руководства, всестороннего развития инициативы и самостоятельности членов ВЛКСМ, гласности, критики и самокритики». Но одно дело – лозунги, и совсем другое – жизнь.

Данная газетная публикация сделала достоянием гласности не только неприглядную ситуацию в комсомоле политеха и Центрального райкома, но и озвучила несколько имен – членов комитета ВЛКСМ института, секретарей Центрального РК ВЛКСМ, показав водораздел между позициями одних и других. Получалось, что С. Воронков и Г. Борисова – положительные герои Перестройки, а А. Плотников, С. Тишин и С. Ермаков – антигерои? Это был скандал!

Имя еще одного «антигероя» тогда тоже прозвучало в этой статье – В.В. Шестова, редактора газеты «Политехник», институтской многотиражки. Не исключено, что с его подачи все и началось. Но даже из статьи следовало, что не впервые этот господин определял политику газеты, исходя из собственного разумения добра и зла, и распоряжался ею в собственных целях, как собственным инструментом или оружием.

Так, из боязни огласки истинного положения в учебном процессе, он наотрез отказался публиковать результаты соцопроса, проведенного С. Иваненковым, «10 вопросов студента преподавателю» и «10 вопросов преподавателя студенту», содержавшего, например, такие вопросы:

– Считаете ли вы организацию учебного процесса в нашем институте совершенной или хотя бы приближающейся к ней?

– Почему сейчас многие преподаватели ставят оценки необъективно, то есть, не по знаниям?

– Почему преподаватели стараются сократить учебную работу тем, кто помогает оформлять лаборатории? А если просто попросить, неужели никто не согласится?

Вердикт В.В. Шестова был таков: «Даже если *идеологическая комиссия при парткоме даст добро*, я его все равно не напечатаю...» (курсив наш. – *авт.*)

На анкету по выборам секретаря комитета комсомола и улучшению работы комсомольской организации он наложил вето, которое дальнейший разворот событий превратил в начало крупномасштабной войны, продолжавшейся целый год. Также им была предана забвению статья С. Воронкова «Попроще о демократии», в которой тот призывал комсомольцев начать диалог по этой проблеме. В дальнейшем газета не раз использовалась редактором совсем не как «орган парткома, профкома и комитета ВЛКСМ», предназначенный для реализации широкой гласности, а как инструмент нанесения максимального урона репутации личного врага, в первую очередь, С. Воронкова. Сказать свое мнение в глаза оппоненту, видимо, не позволяла разница в возрастной и физической категориях, ибо на милостивое снисхождение в этом случае престарелый редактор благоразумно не очень-то рассчитывал.

Уверенности ему придавало единение с функционерами райкома ВЛКСМ – С. Тишиным, С. Ермаковым, С. Кириным, и молчаливая поддержка нередко устранявшегося от явного противостояния секретаря институтского парткома В.Ф. Котова, к этому времени сменившего на данном посту В.К. Щелокова. Для этого необходимо было лишь не полениться вовремя «проинформировать», «посоветоваться», «согласовать» и «одобрить», и естественно, не комсомольцы института при этом имелись в виду.

> «Что в них [опросах] насторожило многоопытного редактора и ответственного комсомольского работника?» –

позднее задается вопросом корреспондент областной молодежной газеты. – А вот что:

«А что, если все ответят положительно? Получится, что комитет зря деньги получает? Да и вообще когда два человека претендуют на одно кресло, возникает конфликт.»[29]

Ну как же? Обнародовать секрет полишинеля – на это умудренный многолетней работой с официальными инстанциями В. Шестов пойти не мог – знал, с чьей руки кормится. А конкуренции на руководящее кресло, даже такое малозначительное, он просто себе не представлял. Ну и что, что январский Пленум ЦК еще раз со всей определенностью сформулировал критерии перестройки? Москва далеко, генеральный секретарь высоко, а «хозяева» – рядом.

Но дальше...Разворот событий после выхода статьи «В трех соснах демократии» описан в другой статье областной молодежной газеты «Комсомольское племя».

Из статьи Татьяны Денисовой «От кого отвернулось войско?»:[30]

«Резонанс на критическую публикацию не удивил. Критику с достоинством принимать – этому еще предстоит учиться и учиться. Поразил другой момент: всем хотелось быть «сосной», но не демократии, а обиженной и униженной.

К сожалению, амбиции определили ситуацию, как весной, так и в последующие месяцы до отчетно-выборной конференции, которая прошла 2 декабря.

Анализируя не раз и не два публикацию, а именно она послужила толчком к непростым событиям в политехническом, искала ту отправную точку, что дала им старт. Это глубокое заблуждение (а может быть, и надежда?) о спокойном спуске с пика «на тормозах»!..

[29] «Комсомольское племя» № 51 (6829) Суббота, 19 декабря 1987 года, с. 3.

[30] Там же.

Обиженный секретарь Плотников (ныне работает в комитете народного контроля Промышленного района) и понять-то не мог – за что его так. Ведь делал все, как райком велел. Обиженные секретари Центрального райкома ревизовали слова – говорили–не говорили. Обиженный заворг С. Ермаков продуктивно проводил время в женской консультации, изучая историю болезни Борисовой. Дабы доказать газете, что это заведение медицинскую помощь молодой замужней женщине не оказывало. А потому газета, мол, не того человека защищает. Обиженный редактор «Политехника» Шестов с высоких трибун просил защитить его от клеветы. Между тем, оскорбленные чувства выражались активно.»

22 апреля 1987 года комитет комсомола ОрПтИ направляет редактору газеты «Комсомольское племя» Е.Я. Левену **выписку из протокола № 14** заседания от 22 апреля 1987 г., в которой содержится ответ на статью Ю. Селиверстова «В трех соснах демократии», опубликованную в газете «Комсомольское племя». Она гласит:

«Рассмотрев на расширенном заседании комитета ВЛКСМ данную статью, комитет ВЛКСМ признал, что факты, изложенные в статье, частично имели место. Секретарю комитета ВЛКСМ тов. Плотникову А. указано на недостатки в стиле руководства комсомольской организацией института. За невынесение спорных вопросов на заседание комитета ВЛКСМ секретарю комитета ВЛКСМ Плотникову А. и заместителю секретаря комитета ВЛКСМ Воронкову С. поставлено на вид.

Вместе с тем, комитет ВЛКСМ отметил, что статья Ю. Селиверстова написана с искажением фактов, многие из которых не подтвердились.»

Какие именно факты не подтвердились, в ответе умалчивается. Но самое интересное, что подписано сие послание ... секретарем комитета ВЛКСМ А. Плотниковым.

Так что прав – не прав, а 1) несогласие с критикой официально подпишет критикуемый; 2) что в критике не соответствует фактам – это прокричим, но об этом не скажем; 3) а за что пришить тебе наказание, всегда найдут, потому что сам виноват!

Между тем, дальнейшая реакция на критику оказалась непредсказуемой. Начались многочисленные организованные РК ВЛКСМ бюро, комитеты, рассмотрения, встречи с активом района, которые все сводились к тому, что затеяли эту статью Борисова и Воронков, чтобы, развязав склоку, заработать дешевый авторитет.

Из Отчетного доклада комитета ВЛКСМ ОрПтИ о проделанной работе за период с VIII отчетно-выборной конференции (ноябрь 1986г.) до X отчетно-выборной конференции (ноябрь 1989 г.):

> «Райком отстаивал свою правоту на всех уровнях. Зав. орготделом С. Ермаков собирал выписки из истории болезни Борисовой, чтобы доказать, что она *попала в больницу незаконно* (курсив наш. – *авт.*) и возобновить вопрос об увольнении. Галина Борисова в такой обстановке написала заявление и ушла из института.
>
> Партийный комитет не делал попыток разобраться в конфликте и непосредственно не вмешивался в происходящее, делая вид, что ничего не происходит.
>
> [Весной 1987 г. началась история с профилакторием, которая достойна отдельного внимания.]
>
> Дальше стали наказывать даже за то, на что раньше закрывали глаза. Поводов было достаточно, т.к. зам.секретаря С. Воронков как освобожденный работник отвечал за культмассовую, военно-патриотическую, шефскую работы, работу в общежитии, работу ОКОД, строительство «башни» и идеологическую работу в институте. Только за апрель 1987 г. С. Воронков получил выговор и строгий выговор.»

Было понятно, что конфликт разгорелся нешуточный, в ход пошла тяжелая артиллерия, и война уже шла на уничтожение «противника».

Из воспоминаний Сергея Воронкова, заместителя секретаря комитета ВЛКСМ ОрПтИ по идеологической работе (1986–1987 гг.):

«Все наши усилия и попытки реформировать отдельные виды деятельности описаны в докладах. Однако это объективно не могло не привести сначала к конфликту внутри организации, потому что Плотников, который ее возглавлял, конечно, за всеми этими нововведениями не успевал, поскольку был сугубо человек партийный, под контролем и ответственностью парткома института, райкома комсомола, горкома комсомола и т.д. Соответственно, либо нужно было возглавлять все эти активности и разделять их, либо каким-то образом их сдерживать. Тем более что многие вещи не вписывались в формат работы тогдашнего комсомола. Естественно, назрел внутренний конфликт. А поскольку были еще какие-то и формальные вещи, которых я тогда не понимал, и в части своевременности уплаты членских взносов, и каких-то других документальных оформлений, постольку они дали повод вести борьбу на каких-то формальных фронтах. В итоге этот конфликт окончился сначала уходом Александра Плотникова, и я возглавил комитет, а потом началась борьба за то, чтобы я его не возглавлял.»

Про «какие-то формальные вещи» речь еще впереди, а активное начало «истории с профилакторием» положило вот это решение:

> «Выписка из протокола № от 8 апреля 1987 года. Собрание комсомольского актива постановило: Комитету ВЛКСМ совместно с администрацией решить вопрос о целесообразности создания профилактория и о возмож-

ности создания вместо него семейного общежития. Поручить члену парткома, секретарю комитета ВЛКСМ Плотникову А. внести предложение на заседание ректората обсудить вопрос о целесообразности создания вместо профилактория семейного общежития.

Секретарь комитета ВЛКСА ОрПтИ: А. Плотников

Приложение: Акт результата рейда «Комсомольского прожектора» по комнатам общежитий, использующихся не для проживания студентов.

По всем трем общежитиям – 29 комнат.

Рейд провели: нач. штаба КП С. Воронков, зам. нач. штаба КП С. Филиппов, член штаба КП Ф. Гумеров.»

Обратим внимание на то, что под решением и выпиской стоит подпись секретаря комитета ВЛКСМ А. Плотникова, более того, решение актива лишь акцентировало внимание на необходимости реализации решения институтской комсомольской конференции ноября 1986 года. Как бы то ни было, кто принимал решение и кто подписывался под решением конференции и актива, но виноватым в этой истории будет Воронков, которого не раз обвинят в скандализме и бузотерстве.

Предыстория и фактическая основа данного вопроса представлена далее.

Из статьи Татьяны Денисовой «От кого отвернулось войско?»[31]:

«…профилакторий в политехническом вроде бы как есть, и в то же время его нет. Не знаю, где и когда за него отчитались и в каком виде, но в столичных профсоюзных органах о нем, говорят, знают. И, возможно, полагают, что студенты там стройными рядами оздоравливаются. Им там думать легко. Каково же смотреть на этот памятник бесхозяйственности?

[31] «Комсомольское племя» № 51 (6829) от 19 декабря 1987 года, с. 3.

Тридцать восемь процентов – обеспеченность общежитием студентов института. Это значительно ниже, чем самые средние показатели по Минвузу РСФСР. Еще большие проблемы у молодых студенческих семей. И позиция у администрации проста – «Ваши семьи – ваши проблемы». Не без ее помощи пришла идея о переориентации долгостроя в необходимое общежитие для семейных. И не легкий путь мыслился. Сделать все своими руками. На комсомольской конференции в 1986 году вопрос ставят ребром – давайте решать. Это предложение вошло в постановление. Конференция решила, что должен делать комитет? Выполнять. Надо сказать, никто из администрации, профкома, парткома слова против не говорил. В надежде на то, что идеи идеями, а руки-то все одно ни у кого не дойдут?..

В.Ф. Котов, секретарь парткома института, говорит, что об этом решении не знал. Но это же постановление конференции! Неужели так и не показал в парткоме решение комсомольцев исполнительный Александр Плотников?

На первый взгляд, не комсомольский как будто это вопрос – профсоюзный. А уж если быть точным, – все-таки совместный. Но в этом институте совместным он попросту быть не мог. Чем занимается студенческий профком, который возглавляет коммунист Т. Фролова? На этот вопрос мне ответили с большой иронией. Комитет комсомола Фролова, что называется, в упор не видит, очень «тактично» выражает свое мнение. В общежитиях неделями нет горячей воды, негде постирать, негде толком поесть... Студенты идут в профком? Нет! Администрации жалуются, в газеты пишут. Большинство студентов, а это показала комсомольская конференция, вообще в недоумении – нужен ли такой профком?

Интересы семейных студентов, кстати, также должен отстаивать он. Именно в этой общественной организации стоило изучить предложение студентов по профилакторию. Кто же аргументированно, имею в виду не только профком, а всех заинтересованных, объяснил нереальность их идеи? Согласитесь, если кто-то отчитался за то, чего нет, вряд ли этот аргумент серьезен. К тому же никто в институте не берет на себя ответственность назвать точный срок – когда профилакторий будет функционировать. Выход один. Видимо, надо попросту «запретить» студентам обращать внимание, тем более покушаться, даже мысленно, на то, что называется профилакторием.

Таково было отношение и к студентам, и к их нуждам, и к решениям комсомольской конференции института и собрания актива, их как будто не существовало вовсе. Один неугомонный в политехе – Воронков!

… У меня пальцев не хватит сосчитать – что Воронков делает не так, по мнению райкома и его первого секретаря С. Кирина. Опять же никто не собирается считать – что им сделано. Никому это не надо... Райкому ясно – «не тот человек» Воронков. Что думает, то и говорит. Вместо того, чтобы согласиться, – спорит.

[После выхода статьи «В трех соснах демократии» (11 апреля 1987 г.)] Характеристики ему, прямо скажем, давали яркие и от всей души: бузотер, болтун и... карьерист. Плотникова «подсиживает». Иначе зачем критиковать?

Видимо, из «карьеристских» устремлений Воронков, который оренбуржец и жить ему есть где, кинулся выполнять решение конференции. (Более спокойного пути не нашел?!). И когда, не только на его взгляд, но и членов комитета тоже, была исчерпана вера в возможность исполнения постановления конференции в рамках института, ребята обратились в высокие инстан-

ции. Реакция на эту «недопустимую» акцию оказалась своеобразной. Никто особо не собирался разбираться с сутью. Искали зачинщика и зацепочку. С первым просто – Воронков. А второе? Процедура. Не было кворума на комитете!»

О пресловутом кворуме более детальной информацией поделился «Политехник», но уже в присущей ему манере, о чем – дальше. А пока – инцидент словами отчета институтского комитета.

Из Отчетного доклада комитета ВЛКСМ ОрПтИ о проделанной работе за период с VIII отчетно-выборной конференции (ноябрь 1986 г.) до X отчетно-выборной конференции (ноябрь 1989 г.):

> «Весной 1987 г., выполняя решение прошедшего актива и исчерпав все возможности решения вопроса о передаче этажа, отведенного под профилакторий, для семейного общежития, комитет ВЛКСМ обращается с письмом в обком КПСС. Письмо бумерангом возвращается в институт. Вместо того, чтобы разбираться в сути вопроса, находят то, что при обсуждении письма до кворума в комитете ВЛКСМ не хватило одного человека. Так как обязанности секретаря исполнял Воронков, ему поставили на вид за нарушение инструкций. И хотя секретарь парткома В.Ф. Котов знал о попытках комитета ВЛКСМ и устно поддерживал, когда пришло время официальной поддержки, партком опять занял позицию наблюдателя.»

История с профилакторием оказалась очередным удобным поводом для редактора газеты «Политехник» В.В. Шестова отплатить за понесенный им в апрельской «кампании» моральный ущерб. До этого его нападки на ненавистного Воронкова, который хотя и был к этому времени весь, «как бродячая собака в репьях», в выговорах и взыска-

ниях за несчетное количество промахов, ошибок и нарушений, вольных или невольных, собственных или чужих, но оказался непотопляемым, носили характер мелких уколов, наносимых, естественно, словесно на страницах газеты.

Например, весьма примечательна **статья Е. Бочкарева «Когда проснется «КП»?»**[32]**,** в которой пишется следующее.

> «На собраниях часто отмечается, что комсомол недорабатывает, от решения каких-либо проблем попросту уходит, какие-то вопросы пускает на самотек. Мало того, молодежь нашего вуза не видит массу проблем, которые не только ей по силам, но и находятся в компетенции комитета ВЛКСМ.
>
> Вот некоторые из них: работа по улучшению учебного процесса, участие в научных разработках, развитие художественной самодеятельности и шефская работа в школах, организация досуга в общежитиях и поддержание там чистоты и порядка и т.д.
>
> Группа народного контроля явилась инициатором появления приказа об упорядочении платы за электроэнергию в общежитиях, а где же здесь участие комитета ВЛКСМ, его организующая роль? Столовая, из-за того, что не работает вентиляция, закрыта на ремонт. А есть ли до этого дело комсомолу? Еще 10 лет тому назад в институте проходили конкурсы факультетских ВИА, а сейчас? Электронные часы в корпусах не работают, в коридорах темно даже в дневное время, дороги у учебных корпусов разбиты. В учебном плане часть лабораторных работ проводится по плакатам. Есть ли до всего этого и ряда других вопросов дело институтскому комсомолу и его «зоркому» оку – «Комсомольскому прожектору»? Дела нет. Создан штаб КП при комитете ВЛКСМ (на бумаге), и этим дело ограничилось. Факуль-

[32] «Политехник» № 18(415) от 7 мая 1987 года.

тетские «прожекторы», если еще не погасли, то светят очень тускло. Создается впечатление, что «Комсомольский прожектор» нужен комитету ВЛКСМ не для активной работы, а для отчета, причем обязательно «красивого» перед вышестоящими инстанциями.»

Здесь весьма достоин внимания круг обязанностей, определенный комсомолу! Из него очень впечатлили неработающая вентиляция и закрытая на ремонт столовая, неработающие часы в корпусах и особо – разбитые дороги возле учебных корпусов! Только напрашивается вопрос: за что все институтские, внеинститутские и даже районные службы и организации, имея средства и свои штаты сотрудников, получают зарплату, когда 4 освобожденных работника комитета комсомола – если, конечно, заставить их работать не для «красивого» отчета перед вышестоящими инстанциями, прекрасно справились бы со всеми проблемами?

Другая статья в этом же номере под названием **«Учитесь делать добро. Ответ «Аналитику»»**, подписанная С. Дроздовым, членом комитета ВЛКСМ, студентом группы 84-С-3, имеет противоположное направление. Она не критикует комитет комсомола или Воронкова, но зато «ненавязчиво» делает реверанс в сторону А. Плотникова, который «на пороге комитета с распростертыми объятиями встречает всех желающих высказать ему претензии и пожелания.»

Далее, лягнув пресловутую статью «В трех соснах демократии» за «искажение многих фактов», наконец, демонстрирует, как далеко зашел процесс стремительной демократизации (редактора «Политехника» – *прим. авт.)*, если вопрос о выборах секретаря комитета, который еще в апреле поверг в шок и аппарат Центрального райкома ВЛКСМ, и редактора многотиражки, по прошествии всего 3-х недель уже оказался *постоянной* рубрикой газеты с названием «Если бы секретарем комитета ВЛКСМ был я?», публикующей «многие деловые и критические предложения». Можем ведь, когда...

Стоит привести несколько живых цитат, чтобы почувствовать пафос и колорит этого письма.

> «Ответ «аналитику» в статье дается в связи с тем, что тот «в довольно грязной форме» пытается очернить работу секретаря комитета ВЛКСМ А. Плотникова и всего комитета в целом.
>
> 8 апреля в институте прошло собрание комсомольского актива. Президиум не избирался, выступающие заранее не готовились. Выступали по принципу «свободного микрофона». Затрагивались самые злободневные проблемы. Где же тогда были вы, «аналитик» или «аналитики»? Этот вопрос дает повод задуматься над вашими целями. Становится ясной позиция автора в перестройке.
>
> Из стратегического курса на перестройку, выработанного XXVII съездом КПСС, ясно вытекает, что перестройка это не 2-х часовая кампания, и не шестимесячная. А вы хотели ее «провернуть» в считанные дни, что тоже говорит о вашем к ней отношении, о вашем понятии перестройки.»

Назидательный тон статьи, многократно растиражированный редакторскими статьями в номерах «Политехника», конечно, наводит на некоторые мысли об авторстве, но мы воздержимся от дальнейших комментариев.

Потому что подлинную мощь своего таланта В.В. Шестов реализовал в собственной статье «Оборотная сторона медали».[33] Этот шедевр эпистолярного творчества явно заслуживает быть начертанным на скрижалях. Его также стоило бы привести полностью, чтобы дать прочувствовать стиль и силу аргументов, но из соображений объема придется отказать себе и читателю в этом удовольствии. Однако хотя бы маленький фрагмент стоит предъявить.

---

[33] «Политехник»№ 24–25 23 сентября 1987.

Из статьи В. Шестова «Оборотная стороны медали»:

«Несколько лет тому назад умер студент. Не погиб от несчастного случая, а умер от болезни. И весеннее многоцветие жизни поглотила траурная тишина. Безмолвно вглядывались друг в друга друзья, и в каждом взгляде читалось одно: неужели нельзя было что-то сделать, предотвратить этот венец нелогичности, нелепости, распознать эту болезнь? Кому и какой счет предъявить в этом мире, чтобы не катились под откос жизни угасающие человеческие силы? Случай тот не был единственным, но все они суровой болью пронзили души живых.»

(Опять без комментариев – *авт.*) Далее – по сути.

«Коллективная студенческая идея о создании профилактория была подхвачена, реализована в соответствующее ходатайство. Ректорат, общественные организации, обком профсоюза поддержали студентов и обратились с просьбой о создании в институте профилактория. Министерство и ЦК профсоюзов ответили согласием, *выделили средства.* (курсив наш. – *авт.*)

Однако инерция сомнений оказалась живучей. … упрощенное представление [о профилактории] было бы легко развеяно, если бы была проведена соответствующая работа, подкрепленная *мобилизующей студентов на завершение строительства* этого объекта. (курсив наш. – *авт.*)

Но громче всех в этом хоре протестующих слышен был голос первого комсомольского агитатора Сергея Воронкова – Долой профилакторий!

Солидные и серьезные люди – не только работники вуза, но и представители обкома партии и обкома профсоюза – терпеливо разъясняли ему, насколько важно следить за здоровьем, когда еще нет признаков болезни.

[Далее приводятся ужасающие цифры больных детей и студентов]

Сложим эти цифры и представим реальную картину состояния здоровья студентов. Если бы эти показатели были бы в десять раз меньше, то и тогда профилакторий был бы нужен. Не отправился в поисках этих цифр Воронков, а задумался над тем, как отстоять свое мнение. Решил сделать это с помощью силы, а силу найти в лице первого секретаря обкома партии А.Н. Баландина, к которому обратился с письмом. Правда, не стал подписывать своей фамилией, а подписал «Комитет ВЛКСМ», чтобы придать личному мнению статус коллективного.

Позднее первый секретарь горкома ВЛКСМ Юрий Кицул назовет эту позицию социальной незрелостью, детством: от имени комитета комсомола не имел он права посылать письмо. *Комитет не был собран в полном составе*. (Уточним: для кворума не хватало одного человека! – примечание и курсив наш. – *авт.*)

Сам Воронков в профилактории, видимо, не нуждается. Взлелеянный родительской лаской и заботой, в достатке и комфорте, он всю ситуацию рассматривает со своей житейско–бытовой позиции. А мама-врач, конечно же, своевременно примет меры.

Далек он от интересов студентов, – высказал о нем мнение ректор А. Б. Козаченко, – а вначале произвел благоприятное впечатление.

Впрочем, такое же впечатление сложилось о нем у многих студентов и руководителей вуза. Импонировали инициатива, энергия, особенно в сравнении с неторопливо-болезненным секретарем комитета А. Плотниковым. Перед ним открывались двери всех кабинетов, идеологические работники всех рангов с охотой отдавали свой опыт. Учись, набирайся сил, расти!

Расти Воронков хотел, учиться – нет. Замечания и советы воспринимал с усмешкой. Вскоре проявилось и его кредо: раз я сказал, – значит, я прав. В число «не-

правых» попали ректор и секретарь парткома, члены парткома и студенческого профкома, работники райкома ВЛКСМ и, как видим, обкомов партии и профсоюзов, и многие члены комитета ВЛКСМ. Он не просто игнорировал мнения других – шел на них в атаку.

Всех членов комитета комсомола понимаю, со всеми нахожу общий язык, – удивляется Татьяна Фролова, председатель профкома, – а Сергея понять не могу. Придет в профком и с ходу начинает в чем-то обвинять, угрожать, предъявлять непомерные претензии. А как разговаривает? Грубо, заносчиво.

Ту же грубость отмечают в нем и работники райкома комсомола.

Какая волна взметнула год назад только что снявшего солдатскую шинель парня на столь высокую должность заместителя секретаря комитета ВЛКСМ по идеологической работе крупнейшей комсомольской организации области? За какие заслуги райком комсомола авансировал ему в будущем место секретаря комитета? Головы многих стали поворачиваться в сторону декана строительного факультета А.И. Воронкова. Нет, Анатолий Иванович никакими родственными узами с Воронковым Сергеем не связан.

Обещанное место секретаря комитета не пустовало: Александр Плотников не спешил покидать свой пост секретаря комитета. И это раздражало Воронкова. Комитет разделился на сторонников Плотникова и сторонников Воронкова. Александр Плотников заслуживал серьезной товарищеской критики. Критики, а не нажима, выпячивания реальных и надуманных ошибок, от заявления «стиль Плотникова – в отсутствии всякого стиля» до попытки полного контроля над действиями своего руководителя. Цель Воронкова в этой наступательной политике была до предела ясна и понятна.

Своих недостатков в своей работе Воронков не замечает. Сколько сегодня в институте комсомольцев имеют взыскания? Два-три десятка. А сколько тех, кто имеет по два взыскания? Один. Воронков.

После ухода из института Александра Плотникова решался вопрос, на кого возложить исполнение обязанностей секретаря комитета. Воронков в своей кандидатуре не усомнился. … Что делать, когда непомерно растут амбиция, властолюбие, высокомерие, самоуверенность?..»

Эта статья – просто энциклопедия нравов этого времени. И неполный кворум как преступление, и справка об отсутствии родственных связей – а чего тогда такой прыткий!? Чем должно заниматься комсомольскому агитатору? Прямым делом – организовать и провести *мобилизацию студентов на завершение строительства* этого объекта! И обвинения, ярлыки, эпитеты, на которые, прямо скажем, не поскупился – нет, больше – зашелся в щедрости редактор, этот борец за студенческое счастье и право на жизнь. И про родительскую ласку тоже не забыл, и про заботу мамы–врача, которые на контрасте должны были показать, объяснить и заклеймить глухоту и слепоту этого баловня судьбы, невосприимчивого к проблемам целой армии несчастных больных детей и студентов, которым по жизни повезло значительно меньше, чем ему.

А для убедительности и основательности своего осуждения этого «амбициозного, высокомерного и самоуверенного властолюбца», для коллегиальности мнения, автор не поленился призвать под знамена войны весьма внушительную компанию, в которой мстительная мысль обиженного редактора перемешала студентов, ректора, секретаря и членов парткома, председателя студенческого профкома, «идеологических работников всех рангов», многих членов комитета ВЛКСМ, «солидных и серьезных людей» – работников

вуза, представителей обкома партии и обкома профсоюзов, секретаря горкома ВЛКСМ, работников райкома ВЛКСМ. И вот на всю эту «королевскую конницу и всю королевскую рать» шел в атаку яростно... один человек! Ничем не примечательный парень, «только год назад снявший солдатскую шинель, имеющий за плечами 2 курса института, далеко не отличник», Сергей Воронков.

Чего же тогда ломались копья? Уж, часом, не в этой ли строке заключалась причина, что «Министерство и ЦК профсоюзов ответили согласием, *выделили средства*», а профилактория, за который так слезно и так ярко агитировал редактор, все не было? Но тайна сия так и осталась покрытой мраком. Зато открылась другая тайная подоплека этой и множества последующих статей «Политехника» в подборке неутомимого редактора. Но об этом – чуть позже.

Страсти уже кипели, втягивая в конфликт все новых участников. Статья вызвала серьезный резонанс. Возмущенные статьей, группа преподавателей обращается в газету.

Из «Открытого письма» в газету преподавателей ОрПтИ:

«Семейное общежитие – это вопрос, волнующий и ректора, и все общественные организации нашего института, идет поиск оптимальных вариантов. Возможны, видимо, разумные компромиссы, словом, он может быть решен только совместными усилиями. По мере сил участвует в нем и комитет комсомола. Статья же, не дав объективной картины, искусственно обособила вопрос о профилактории, а комитет комсомола противопоставила ректорату и всем общественным организациям.

«Долой профилакторий!» Так передал автор статьи суть вопроса. Так изображать дело может только человек, не знающий реального положения дел или не желающий знать. Ходатайство об

использовании уже несколько лет бездействующего профилактория под общежитие для семейных студентов было принято на комсомольской конференции, подчеркнем: не против профилактория, а за семейное общежитие – выбор вынужденный!

Согласно Уставу, решение общего собрания (конференции) является законом для всей организации, и ответственность за исполнение решения ложится на ее исполнительный орган – комитет комсомола. За осуществление этого решения сразу же после конференции взялся комитет, возглавляемый «неторопливо-болезненным секретарем» А. Плотниковым, а не «первым комсомольским агитатором» Сергеем Воронковым.

Противопоставляя С. Воронкова комитету комсомола, автор фактически отказывает комитету в способности разобраться в своих внутренних вопросах, отводя целому коллективу комсомольских руководителей роль пассивного и беспомощного фона для деятельности одного из них.

Статья имеет острую критическую направленность. Критика ошибок необходима, но лишь для того, чтобы на ошибках учиться и учить растущие кадры. И выдавать ошибки роста за неискоренимые пороки – не лучший педагогический прием. «Перестройка, – было сказано на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, – это высоко поднятое уважение к ценности и достоинству личности.» И оценивать человека следует по конкретным делам, показывая не только оборотную, но и лицевую сторону медали.

Газета должна учить, как нужно корректно вести полемику. Статья «Оборотная сторона медали» учит, как не надо это делать. Здесь налицо тенденциозный подбор материала (ни слова об

общежитии, только негативная оценка С. Воронкова), подмена существа дела деталями личного свойства, не имеющими отношения к делу («достаток и комфорт», «родственные узы»), ненужная драматизация ситуации (смерть студента), интерпретация фактов в презумпции виновности оппонента (низкие домыслы относительно мотивов его деятельности).

Подменив деятельность комитета комсомола поступками одного человека, автор проявил субъективизм и в выборе оппонента. Все это мало напоминает истинную заботу об общем деле. Автор, скорее, высказывает личное мнение о конкретном человеке. Но в таком случае оказываются неадекватными средства (это использование служебного положения в личных целях) и неуместны ссылки на высокие авторитеты, тем более что и мнения должностных лиц используются односторонне.

Хочется верить, что данная статья является досадным недоразумением, не отражающим общего характера газеты. Наша газета – это наше общее дело.»

(Документ из личного архива С. Воронкова)

Под письмом поставили подписи 12 преподавателей, но редактор под различными предлогами его так и не опубликовал.

Выносит свое решение по статье и комитет ВЛКСМ, в котором говорится:

> «Статья «Оборотная сторона медали», написанная тов. Шестовым, не направлена на совершенствование деятельности комсомольской организации ВУЗа. Наоборот, поднимает нездоровый ажиотаж, вызванный выне-

> сенными на страницы газеты недомолвками, сплетнями и кулуарными разговорами».

Редактор отказывается публиковать и это решение. Зато страницы газеты продолжали заполняться заметками, прямо и косвенно обличающими С. Воронкова.

Комитет ВЛКСМ, возмущенный тем, что газета как его орган отказывается публиковать его решения, обратился за помощью в горком ВЛКСМ.

Из всех отзывов на свою статью В.В. Шестов предпочёл опубликовать лишь статью «Почему?» преподавателя В.В. Солодкого, тоже возмущенного указанной публикацией. Однако статья шла в сопровождении обширного комментария «редакции», большего по объёму, чем сама статья, и развивающего мысли предыдущей статьи Шестова.

До этого инцидента достаточно далекий от бушующей вокруг комитета грозы, преподаватель писал следующее.

Из статьи В.В. Солодкого «Почему?»:[34]

«Статья «Оборотная сторона медали» была посвящена стилю работы и моральному облику члена комитета комсомола С. Воронкова, получившего, пожалуй, сильный отрезвляющий урок.

Правда, сразу бросилась в глаза некоторая мелодраматичность начала статьи, где говорится о печальном событии, и неуклюжая попытка связать эту утрату с деятельностью людей, подобных Воронкову. Еще немного, и читателю захотелось бы просто поставить в вину С.Воронкову смерть студента, остановить болезнь которого не смогла даже вся наша медицина. Но читатель понимает, что автором руководило обостренное чувство справедливости, и, руководимый тем же чувством, он читает статью еще раз. И тут начинаются вопросы.

[34] «Политехник», № 27–28 (424–425) от 19 октября, 1987 года.

«Долой профилакторий!» – кричит С. Воронков. Так и хочется вслед за автором воскликнуть: почему такой человек оказался в комитете комсомола института?! И именно в комитете вдруг выясняется, что С. Воронков, оказывается, был не столько против профилактория, сколько за создание общежития для семейных студентов. И не он один, а целый ряд комсомольцев, выступивших в свое время на комсомольской конференции и поддержанных ею. И покров нелегальщины, таинственности с деятельности Воронкова сползает.

Конечно, что студентам нужней, общежитие для семейных или профилакторий, в строительстве которого институт увяз достаточно прочно (не по вине комсомола), это вопрос спорный. Студенческие семьи в общежитиях от нехватки места, от антисанитарных условий, от шума в вечерние часы, когда маленькие дети уже спят, вряд ли страдают меньше, чем от отсутствия профилактория. Что до дурного питания в столовой, то не лучше ли критические стрелы приберечь для работников общепита? Здесь запал нашей прессы явно сэкономлен. Да и в борьбе за профилакторий что-то не очень воодушевила нас газета, отмолчалась.

Далее автор обрушивает на нас шквал пугающих цифр, что выглядит в статье, посвященной недостаткам С. Воронкова, как аргументация против врага важной партийной, общенародной программы. Один могучий Воронков – и весь народ с его политикой перестройки. Противопоставление комическое.

Впрочем, Воронков, по автору, виноват во всем. Даже в том, что он из благополучной семьи. Не живет Воронков в общежитии, и из статьи нам сразу ясно, что он просто не имеет права говорить об их [студентов] интересах.

Статья изобилует цитатами, причем тенденциозно подобранными, но это, конечно, пустяки. Если секретарь

горкома ВЛКСМ Ю. Кицул говорит об отдельном промахе Воронкова, характеризующем, впрочем, скорее горячность последнего, чем деловые качества, то это в статью годится. А о том, как тот же Ю.Кицул оценивает тот факт, что за Воронковым как инициатором и участником стоит не одно и не два интересных дела, промолчим. То, что поддерживаемый в былые времена газетой ничего не делающий, инертный секретарь комитета комсомола А. Плотников конфликтовал с инициативным Воронковым, расскажем. А то, что энергичный Воронков, бьющийся зачастую в одиночку, без поддержки, привыкший за это время полагаться только на себя, теперь не прислушивается к советам, предъявим ему как обвинение. Тот факт, что, видимо, отличающаяся тактичностью Т. Фролова страдает от бестактности С. Воронкова, конечно, у всех вызовет сочувствие.

Но почему, когда мнения о стиле деятельности Воронкова разделились, автор, убежденный, что Воронков делает очень мало, вдруг без видимого повода (все упоминаемые события давно позади) пишет разгромную статью о нем? Оказывается, скоро выборы секретаря комитета комсомола! Но ведь изложенные «факты» всем известны. Воронков – «конфликтующий бездельник», и его никто не выберет. Но, видимо, есть все-таки у автора опасения, что, несмотря на это, реальные дела и несомненный авторитет в студенческой среде приведут «неудобного» Воронкова на пост секретаря.

И вот тут вопрос из главных. Почему автор этого так боится?»

В комментарии «редакции» В. Шестов отвечал:

«Газета «Политехник» поддерживала и поддерживает все добрые инициативы, от кого бы они ни исходили, от комсомольских лидеров или рядовых комсомольцев: комсомольская жизнь в минувшем учебном году была

представлена на ее страницах наиболее емко. Но с ее страниц не звучала критика в адрес комитета: он в целом и его состав оставались вне зоны критики. Создавалась иллюзия правильности и благополучия.

Однако не только на официальном уровне, но и в частных беседах больше всех критике подвергался А. Плотников – и за свои недостатки, и за недостатки подчиненных. Воронкова не критиковали, относя все его ошибки к неопытности, – его поддерживали, убеждали. В публикуемой статье «Почему?» есть такая фраза: «А то, что энергичный Воронков, бьющийся зачастую в одиночку, без поддержки, привыкший за это время полагаться только на себя, теперь не прислушивается к советам, предъявим ему как обвинение». ...А ведь это не просто вина – это беда. Беда командира, от которого отвернулось войско. По положению, вроде бы, и командир: власть, сила, энергия – все есть, а нет понимания, нет контакта.

Оставшись без внутренней поддержки, Воронков стал искать ее на стороне. Открыл двери вуза своим друзьям. С музыкально-просветительской миссией объявился певец-бард Фрезе, человек с неизвестным социальным статусом. Недавно организовать социально-политический клуб в институте – опять-таки без всяких советов – он поручил некоему Сухареву, дилетанту в вопросах общественных наук. Упрек за это на последнем партийном собрании института от представителя обкома партии услышали в свой адрес партийная и комсомольская организации в целом.

В статье «Почему?» редакция не внесла ни одной поправки, но некоторые замечания вынуждена сделать.

Вопрос о профилактории *не является спорным*. Строительство его велось по коллективному решению *студентов* (?? – *авт.*), *на него затрачены немалые средства*. (курсив наш. – *авт.*)

Предоставление мест в общежитиях семьям студентов – мысль благородная и заманчивая. Тут возникает прозаический вопрос: сколько поселить семей из существующих трехсот? И сколько выселить несемейных студентов? Решение этой проблемы следовало искать не в ликвидации строящегося профилактория, а в строительстве нового, именно семейного общежития. Вот в чем реальная, а не мнимая забота. (Странно, как это за отсутствие этой заботы опять не был заклеймен Воронков? – *авт.*)

Комсомольцы хотят, чтобы их комитет был настоящим и боевым штабом, «мозговым центром». Чтобы лидеры его были избраны на основе всех демократических принципов, а не назначались или самоназначались. В отличие от В. В. Солодкого, газета не предлагает никаких фамилий. Это право самих комсомольцев.»

Здесь уже видно, как глубоко зашел процесс перестройки в рядах редакции «Политехника». Она (т.е. он, редактор) всеми руками уже ратует за то, чтобы комсомольские «лидеры были избраны на основе всех демократических принципов, а не назначались или самоназначались.» При этом «газета не предлагает никаких фамилий», она (то есть он) лишь бросила все усилия на то, чтобы вычеркнуть из всевозможных списков всего одну, уже всем известную.

И опять пламенный боец перестройки местного разлива, Вадим Валерьянович Шестов «организует и вдохновляет массы». Дабы не выглядеть единственным в поле воином, он «опирается на коллективное мнение», готовое разделить с ним (или снять с него?) груз ответственности и отвести в сторону напор уже совершенно разошедшейся критики в его адрес. Поэтому на одной странице со статьей «Почему?» и собственным комментарием «газеты» он

публикует «Резонанс».[35] В этот раз в резонанс с ним вступили:

– доцент кафедры химии Н. Николаенко со следующим мнением:

> «Прочитав сентябрьский номер газеты «Политехник», полностью поддерживаю мнение, высказанное в статье о члене ВЛКСМ Воронкове.
>
> Высокомерие и отсутствие такта в разговоре со старшими со стороны Воронкова я испытала на себе, когда он мне «приказывал» спуститься на I этаж с ключами от актового зала. Я тогда и не знала, что он член комитета, но через день была вынуждена рассказать о поведении Воронкова секретарю Плотникову.
>
> Непонятно, чем он себя проявил, убедив членов комитета в доверии для его избрания зам. секретаря?»

– член комитета ВЛКСМ В. Хохлов, написавший:

> «Год тому назад меня избрали членом комитета ВЛКСМ. Когда мы собрались на свое первое заседание и познакомились друг с другом, то узнали, что единственный человек – Воронков – пришел со стороны.
>
> Сейчас почему-то много говорят о противопоставлении Воронков – Плотников. Непонятно, зачем это, когда Плотникова уже нет. Остался один Воронков. Но не один Воронков остался в комсомольской организации ОрПтИ, есть еще четыре тысячи комсомольцев.
>
> Как член комитета комсомола, я больше других соприкасался с работой Воронкова, и что я увидел. Были такие случаи, когда в отсутствие Плотникова заседания комитета вел Воронков, и тут же самостоятельно включал на обсуждение вопросы, которые в повестку дня Плотниковым не ставились. Например,

[35] «Политехник», № 27–28 (424–425) от 19 октября, 1987 года. С. 3.

старался внести на рассмотрение характеристики, которые Плотников туда не вносил.

Когда во время обсуждения какого-то вопроса кто-то из членов комитета высказывал свое мнение, с тем Воронков разговаривал повелительным тоном.

Воронков придумал анкету о работе всего комитета, на комитете эту анкету не обсуждали, но он лично решил опубликовать ее для всех студентов. Я о ней узнал намного позже, когда о ней разгорелись споры.

Есть такое выражение: если хочешь узнать человека, дай ему власть над людьми. Это испытание посильнее испытания оружием или страхом. Мое мнение такое, что Воронков это испытание не выдержал.»

– член комитета ВЛКСМ Г. Хараишвили обратившийся через газету:

«Я являюсь членом комитета комсомола нашего института уже год, занимаюсь сектором работы в общежитиях.

После школы 2 года работал шахтером на шахте, служил в Советской Армии, сейчас учусь на третьем курсе технологического факультета, в группе 85-МАПП-2. Был командиром ЛСО «Технолог» два года. В комсомоле уже 10 лет. То есть, какой-то жизненный опыт имею.

Я хотел бы обратиться к партийной организации института *помочь нам, комсомольской организации института, избрать секретаря комитета комсомола*. (курсив наш – *авт.*) Потому что реальную кандидатуру из членов комитета на должность секретаря не вижу, я уверен, что никто из нас, членов комитета, такой большой организацией руководить не сможет.»

Захотелось посочувствовать – нет, не организации, в которой среди 4-х тысяч членов не оказалось кандидату-

ры секретаря, с чем часть комитета была категорически не согласна, а людям, которые в свои 20 лет чувствовали себя настолько инфантильными, что без помощи «старших товарищей» не могли ни разглядеть, ни избрать себе вожака. Хотя кто их такими сделал, – ректорат, комсомол, партия или «газета», – история умалчивает.

Однако во всей этой затянувшейся нечистой игре направо и налево трепалось одно имя – Сергея Воронкова.

Из Отчетного доклада комитета ВЛКСМ ОрПтИ о проделанной работе за период с VIII отчетно-выборной конференции (ноябрь 1986 г.) до X отчетно-выборной конференции (ноябрь 1989 г.):

> «Чтобы понять, почему из первого года работы полгода ушло на выяснение отношений, необходимо отметить, что при решении многих принципиальных вопросов Воронкову не хватало опыта. Поэтому многие вопросы решал напролом, что порождало часто непонимание, ошибался в отношениях с людьми. Но это больше от желания работать, нежели от личных пороков. К сожалению, РК ВЛКСМ, партком института пошли не по пути помощи, обучения, а по пути борьбы с ершистостью, с желанием иметь на все свою точку зрения.
>
> Вначале конфликт носил аппаратный характер, затрагивающий узкий круг освобожденных работников. Даже комитет ВЛКСМ находился я стороне. Но со временем, когда уже были дела и поступки, по степени разрастания, вовлекалось все больше сторонников и противников.»

Таким образом, оппонентам Воронкова было невдомек, что сила действия рождает силу противодействия. Четырехтысячная организация молодых людей, «равнодушных и безучастных», большая часть которых чаще вспоминала о

своей комсомольской принадлежности через неприязнь или негодование по поводу различных обязаловок и принуждений, пробуждалась от летаргии, не в последнюю очередь благодаря скандальным публикациям, возмущению несправедливостью и безнравственностью нападок «сверху». Но помимо этого, чувствовалось, что в институте что-то стало меняться. Полтора месяца спустя институтский комсомол показал свое новое лицо. Что перестройка дошла и до сюда, продемонстрирует отчетно-выборная конференция через полтора месяца после означенной эпистолярной баталии.

> «Однако опорочить человека принародно – опорочили, кто же доброе имя ему вернет? Это вопрос конференции к секретарю парткома института. В. Ф. Котов на это ответил уклончиво – не стоит-де разжигать вновь страсти. Но такая постановка ответа комсомольцев не удовлетворила. Как не понятно для них и по сей день, чей же орган газета «Политехник». Если в титуле стоит комитет ВЛКСМ, то почему с его мнением редактор не считается? Делегаты на конференции задавали эти вопросы не из праздного любопытства. Четыре тысячи комсомольцев доверили комитету направлять, планировать работу организации. А общественное мнение в институте формирует один человек, и таким образом, что с комитетом комсомола и считаться-то не стоит.
>
> Но ведь должен же был кто-то остановить, остановиться...
>
> Райком комсомола через дорогу. В то, что происходило в институте, никто не вмешивался. Наблюдали и... добавляли своего. Только после вмешательства первого секретаря горкома комсомола Юрия Кицула (после обращения к нему комитета комсомола института – *авт.*) «грязевой печатный душ» прекратился, партком и ректорат под предлогом погашения страстей ограничились тем, что указали Шестову на его ошибки.

Однако ни «Открытое письмо», ни решение комитета, ни извинение газеты так опубликованы и не были.»[36]

Как оказалось, гласность – это такое же опасное своей обоюдоостротой оружие, как и демократия.

А газета тем временем *«готовил» комсомольскую организацию к отчетно-выборной конференции.* (курсив наш. – *авт.)* Вопрос выборов осенью 1987-го муссировался активно: с одной стороны, – перестройка требует, с другой, – два места освобожденных комсомольских работников в институте (извините за невольный каламбур) освобождены их прежними «хозяевами» и замещаются исполняющими обязанности. Два места, отмеченных именами опальных «бузотеров», – Воронкова и Борисовой. Однако Борисову к этому времени уже «ушли», а упрямый Воронков остался, более того, исполнял обязанности секретаря комитета вместо А. Плотникова. И пока никуда уходить не собирался. Ну, кто не понимает сам, ему ведь можно и даже нужно помочь? Для этого есть отличная процедура – демократические выборы, и если ими правильно воспользоваться... То и колобок съеден, и никто не уличит в травле, наоборот, по голове погладят за активное продвижение главных идей и механизмов перестройки.

Поэтому с дальним прицелом на предстоящие выборы использовались самые разные поводы. Например, ...уход из института Г. Борисовой. Место секретаря бюро технологического факультета в то время не пустовало, но упустить повод для того, чтобы напомнить о новой демократии, которой уже намеревался воспользоваться, В. Шестов позволить себе не мог.

На злобу дня и в полном соответствии с новыми требованиями, в том же «Политехнике», прямо под статьей «Обо-

[36] Денисова Т. От кого отвернулось войско? // газета «Комсомольское племя» № 51 (6829) Суббота, 19 декабря 1087 года, с. 3.

ротная сторона медали» «газета» помещает материал **«Кто будет лидером?»** Он гласил следующее.

> «На этот вопрос предстоит ответить комсомольцам технологического факультета в связи с уходом весной секретаря комсомольского бюро Г. Борисовой. Вопрос не праздный. В последнее время значительно расширились роль и права самих студентов в жизни вуза. Но осуществляют они эти права, прежде всего, через своих вожаков. Следовательно, студенты должны знать, кто представляет их интересы, кто руководит ими.
>
> Пока студенты-технологи отдыхали или работали в стройотрядах, исполняющим обязанности секретаря комсомольского бюро был назначен Сергей Есин, выпускник факультета 1985 года. Но назначение «сверху» – не выборы. На комсомольских собраниях самим комсомольцам дано право назвать своего лидера. Кто и каким он будет, зависит от активности комсомольской организации факультета.»[37]

Помимо этого, «в редакции» изготовлялись ушаты грязи, предназначенные для одного упрямого человека. Хотя «газета», судя по отсутствию икоты при словах «обстановка гласности» и «расширяющаяся демократия», перестроилась (перестроился – ?) решительно, окончательно и бесповоротно, тем не менее, аллергия на конкретную личность осталась.

И не только у него. С лета, с уходом А.Плотникова из комитета и института, исполнение обязанностей секретаря комитета возложили... на Воронкова. Однако «верхи» своего мнения не изменили.

> «По мнению Сергея Тишина, второго секретаря райкома, (которое разделяли уже чуть не все комсо-

[37] Кто будет лидером? // «Политехник» № 24–25 (421–422) от 23 сентября 1987.

мольские работники райкома, горкома, обкома ВЛКСМ и прочих связанных с ними «комов» – *авт.*) Воронков развалил комитет и осталось его лишь разогнать. И разногласий ни у парткома, ни у администрации и, конечно же, у райкома не было. Отнюдь. Полное согласие – кто угодно, только не Воронков!

В обстановке «гласности и расширяющейся демократии» решили сделать отставку Воронкова общественно значимой. Претендуешь на лидерство? Вот давай и докажи его на выборах!

Можно было бы выдвинуть на голосование одного из заместителей. Но как раз здесь возник ряд разногласий, которые сможет разрешить только горячая поддержка коллектива на выборах из нескольких кандидатов. Так объяснило происхождение выборов объявление «Лидер».[38]

«Политехник» тоже не устранился от участия в кампании.

«Назрел вопрос, – писала «газета», – о проведении в институте выборной комсомольской конференции или комсомольского актива. На этом большом студенческом совете должен быть назван лидер комсомольской организации. Но сегодня, в обстановке гласности и расширяющейся демократии, особенно важно, чтобы эти кандидатуры были названы заранее, обсуждены в группах и на факультетах, чтобы фамилии их были вывешены на видном месте. Пусть кандидатур будет несколько – легче будет выбрать одного. Но именно в этом случае речь будет идти о выборах.»[39]

Итак, Центральный райком ВЛКСМ объявил конкурс на замещение вакантной должности секретаря комитета

[38] Денисова Т. От кого отвернулось войско? // газета «Комсомольское племя» № 51 (6829) Суббота, 19 декабря 1987 года, с. 3.

[39] «Политехник», № 27–28 (424–425), 19 октября, 1987 года. С. 3.

ВЛКСМ политехнического института. В газете «Политехник» 4 ноября[40] была опубликована заявка-анкета на участие в конкурсе.

В статье **«Ваше слово, лидеры!»**, сопровождавшей публикацию заявки, сообщалось:

> «Старая система подбора кадров только по анкетным данным уже не срабатывает. Человек вроде бы с хорошими анкетными данными не всегда становится настоящим лидером, пользующимся у молодежи авторитетом.
>
> Какой неподдельный интерес у читателей «Комсомольской правды» вызвали публикации о конкурсе на РАФе, в Артеке, БАМе! Сколько, оказывается, у нас людей, неудовлетворенных существующим положением дел, своей должностью. Сколько людей, желающих, засучив рукава, с головой окунуться в трудную, интересную работу, но которые еще не нашли для этого возможностей!
>
> Сейчас мы меняем формы работы с кадрами. Учим людей и учимся сами, учимся демократии.
>
> В настоящее время свободна должность секретаря комитета ВЛКСМ института.
>
> Кто станет секретарем?
>
> Этот вопрос волнует комсомольцев, парторганизацию, администрацию института. Ответы на этот вопрос сможет дать только активное участие всех комсомольцев в выдвижении кандидатур и выборах из нескольких кандидатов наиболее достойных.»

Газета громогласно призывала. Вместе с тем, сей пламенный призыв почему-то (или зачем-то?) был размещен в ней под заголовком «Лидер (желания и возможности)». А чтобы любой человек «с хорошими анкетными данными» не бросился сгоряча «с головой окунаться в трудную,

[40] «Политехник» № 31(428) от 4 ноября 1987 года.

интересную работу», газета предупреждала: «Учитывая специфику вуза и ее масштабы, перед заявкой на участие в конкурсе стоит еще раз подумать: «Хочу ли я стать секретарем и могу ли я им быть?»». Следом прилагалась справка об условиях работы, содержащая информацию о численности комсомольцев в организации, количестве освобожденных комсомольских работников (получающих зарплату), количестве студентов, проживающих в общежитиях (отдельная головная боль для любого руководства – *авт.*), 6 факультетах, учебе в 3 смены (включая вечернее отделение). И, наконец, совсем под завязку, как последний этап испытания на прочность и заслона от разного рода идейно незрелых, «неудовлетворенных существующим положением дел, своей должностью»: «Жилплощадью работники не обеспечиваются, одиноким предоставляется общежитие.»

В числе документов, обязательных к представлению для участия в конкурсе, – комсомольская (партийная) характеристика. Этот пункт в то время был обязательным для поступления на работу в большинство мест, а для поступления в комсомольский орган это разумелось само собой. Но для разыгрываемого конкретного спектакля с участием конкретных актеров это был отдельный бонус! Для одного участника с известной фамилией этот театр вообще имел все шансы, начавшись с вешалки, на ней и закончиться. Но удача тоже упорствовала и решительно не хотела улыбаться режиссерам...

Любопытно отметить один факт. Поскольку одностороннему разгулу гласности в газете «Политехник» горкомом комсомола было выдвинуто ограничение, действовать прежними методами, не рискуя навлечь на себя гнев «хозяев» с оргвыводами, уже было нельзя, В. Шестов это понимал. Но ведь и сдаваться было не в его правилах. По случаю подготовки отчетно-выборной конференции, как положено, на страницах «Политехника» было предоставлено слово и

действующему на правах и.о. секретаря комитета ВЛКСМ С. Воронкову.

В информации под названием **«IX комсомольская конференция»** он писал:

> «Она состоится 2 декабря в актовом зале института. На конференцию избрано 480 делегатов. Хотелось бы, чтобы пришедшие действительно оправдали свое звание делегатов, то есть представителей, которым коллектив доверил выразить свое мнение.
>
> Этот год был необычайно насыщенным переменами и для комитета комсомола, и для всей комсомольской организации.
>
> Сменилось 5 членов комитета ВЛКСМ, двое выведены за невыполнение своих обязанностей. Много материалов по работе публиковалось и в областной прессе, и на страницах нескольких «Политехников». Появилось много различных мнений о стилях и методах работы. Как это отразилось на работе комитета ВЛКСМ, должно прозвучать в докладе о проделанной работе за год и в его обсуждении.»[41]

Действительно, ничего особенного, кроме напоминания о статьях в областной прессе и на страницах «Политехника», а также о различных мнениях, касающихся стилей и методов работы. Однако был здесь один штрих: в статье – в мягкой форме, подспудно, но звучал призыв «действительно оправдать свое звание делегатов, то есть представителей, которым коллектив доверил выразить свое мнение». Ну кому это надо? И В. Шестов... нет, не положил ее в ящик, как «Открытое письмо» или «Попроще о демократии», – зачем же дважды наступать на одни и те же грабли? Статья была опубликована. Но... 2 декабря, т.е. в день, когда утром конференция уже началась. Но это к

[41] Воронков С. IX комсомольская конференция// «Политехник» № 34 (431) от 2 декабря 1987 года.

слову, еще один момент к вопросу о стилях и методах работы. А пока...

Из статьи Татьяны Денисовой «От кого отвернулось войско?»:

> «Райком так скоропалительно готовился к выборам, что времени на него отвел две недели, а потом устал ждать... заявок на конкурс. Единственным, кто изъявил желание в нем участвовать, был Воронков. Это еще раз подтвердило истину наших дней: игры в демократию оборачиваются ее серьезными уроками. О каком конкурсе могла идти речь? О конкурсе «от бедности», из-за неумения готовить резерв кадров? О демократии ли речь, когда в ее одежды рядят простейшее желание — избавиться демократическим путем от неугодного человека?
>
> Сроки поджимали. Насколько спокойно вел себя Сергей Воронков, чувствуя поддержку ребят, настолько странно вели себя организаторы конкурса.»[42]

Однако эта «странность» была вовсе даже не странностью, а повсеместной практикой во всей иерархии «органов», где ВЛКСМ занимал лишь свое положенное место.

Из Отчетного доклада комитета ВЛКСМ ОрПтИ о проделанной работе за период с VIII отчетно-выборной конференции (ноябрь 1986 г.) до X отчетно-выборной конференции (ноябрь 1989 г.):

> «За месяц до выборов бюро райкома ВЛКСМ выносит и.о. секретаря С. Воронкову выговор с занесением в учетную карточку «за существенные недостатки в руководстве комсомольской организацией», хотя Воронков исполнял обязанности всего три месяца.

[42] «Комсомольское племя» № 51 (6829) от 19 декабря 1987 года, с. 3.

30 ноября, за два дня до выборов, райком организовал аттестацию освобожденных работников и не аттестовал Воронкова как несоответствующего занимаемой должности. Положительные рекомендации комитета ВЛКСМ учтены совершенно не были.»

В характеристике, подписанной первым секретарем Центрального РК ВЛКСМ С. Кириным, сказано:

«Тов. Воронков состоит на учете в комсомольской организации политехнического института с 1982 года. В июне 1984 года был призван в ряды Советской армии, отслужив, в 1986 году восстановился на вечернее отделение института. Все это время Сергей активно участвовал в общественной жизни института, в 1983 году был избран членом бюро ВЛКСМ электротехнического факультета института, является ответственным за работу штаба трудовых дел и культмассовую работу. Сергей один их первых организаторов движения по созданию дискотеки института. Отмечена его хорошая работа как члена оперотряда факультета по работе с «трудными» подростками.

Сергей имеет хорошо развитые организаторские способности, но в отношениях с людьми высокомерен и заносчив. Не боится брать ответственность на себя, самостоятелен в работе, стремится к лидерству, но иногда переоценивает свои возможности и силы, не имеет склонности обсуждать с товарищами по работе наболевшие вопросы. Тов.Воронков в течение года практически не выполнял своих прямых должностных обязанностей, слабо руководил такими направлениями, как работа ОКОД, комсомольского прожектора, шефского сектора, работа по организации подписки на комсомольско-молодежные издания, воспитательная работа в студенческих общежитиях. Предпочитает заниматься только интересными для него самого делами.

Требовательность и принципиальность к комсомольцам не всегда у Сергея сочетается с требовательностью и принципиальностью к самому себе. В результате чего имело место грубейшее нарушение устава ВЛКСМ, связанное с неуплатой им членских взносов в течение 5 месяцев. Тов.Воронкова отличает большое желание возглавить комсомольскую организацию института, но ему не хватает опыта и профессиональной компетентности, знания основных инструкций ЦК ВЛКСМ и Устава ВЛКСМ, нет стремления к профессиональному совершенствованию, организовать работу аппарата комитета комсомола, мобилизовать и направить его на достижение поставленных целей.

Сергею помогают в работе личное обаяние, энергичность и общительность. Очень мешают ему в работе такие качества, как личная нескромность и амбициозность, неисполнительность и необязательность, скандальность, непонимание принципа демократического централизма. Болезненно воспринимает критику, несамокритичен. Пользуется авторитетом у части комсомольцев института.»

В этом официальном опусе – действительно объективном – в одной обойме оказались все положительные и отрицательные черты героя. Но за каждой из них стоят конкретные истории, которые дают им объяснение и понимание, а потому отменяют те исключительно черно-белые тона, в которые они окрашены. Однако райкому это невдомек – практики понимания маловато.

Будучи еще рядовым комсомольцем, активно участвовал в общественной жизни института? А много ли тогда уже было этих активных? Хороший, стало быть, комсомолец! Имеет хорошо развитые организаторские способности, не боится брать ответственность на себя, самостоятелен в работе? Понятное дело, что стремится к лидерству, с такими-то качествами! Это каждый рядовой психолог объяснит.

В отношениях с людьми высокомерен и заносчив, переоценивает свои возможности и силы, не имеет склонности обсуждать с товарищами по работе наболевшие вопросы? А всегда ли есть эти товарищи, с которыми можно обсудить наболевшие вопросы? Почему тогда во всей развернувшейся бойне и травле объектом охоты он оказался один, где были его товарищи, кто разделил с ним этот марафон? И почему при всем его высокомерии и заносчивости он–таки «пользуется авторитетом у комсомольцев института»? Откуда бы взялась его общительность, если бы при этих чертах характера ему не с кем было бы общаться?

В течение года практически не выполнял своих прямых должностных обязанностей, слабо руководил? Во–первых, это не совсем так, и тот же райком признавал за ним определенные дела и успехи, о которых большой разговор еще впереди. А во-вторых, кто-то дал ему выполнять свои должностные обязанности? Весь год его только и заставляли «предпочитать заниматься только интересными для него самого делами». От этих интересных дел было столько радости и удовольствия, что даже про уплату членских взносов забыл, но об этом чуть позже. Не хватает опыта и профессиональной компетентности, нет стремления к профессиональному совершенствованию? А у кого ему было учиться? Из тех, кто должен был, кто хотел его научить? Плотников? Ермаков? Тишин? Шестов? Чему его хотели научить? Что даже из самых лучших побуждений не надо высовываться?

Но на самом деле при всем этом карнавале его учили и он учился. Учили, как нельзя относиться к людям (история с Г. Борисовой), к решениям коллектива (история с профилакторием), в целом к работе (состояние комсомольской работы при А. Плотникове), к ее отдельным формам (участие в социально-политических мероприятиях типа Дня космонавтики, Дня Победы и т.п.), к критике и гласности (публикации в «Политехнике») и еще много чему. Учили неприятию того, что складывалось в один общий образ су-

ществующей комсомольской работы. Нет, во всем ЭТОМ он совершенствоваться не хотел.

А раз не хотел, то откуда возьмутся «личная скромность, исполнительность и обязательность»? Да эти черты как будто списаны с А. Плотникова, с которым у райкома не было проблем! Но желание быть подобием Плотникова претило изначально, не так он представлял себе облик комсомольского лидера, и перестройка взывала не к этому. А коли не такой, каким его хотели видеть в РК, значит, амбициозность, скандальность и «непризнание принципа демократического централизма», равно как карьеризм, стремление к популизму и прочие пороки тебе обеспечены автоматически.

Способность же к «восприятию критики и самокритичность» самого секретариата Центрального РК продемонстрировала вся долгая история преследования, начавшаяся с реакции на публикацию статьи «В трех соснах демократии». А чтобы узнать, кто научил оставаться спокойным и продолжать свою линию, невзирая на любую критику, следует заглянуть на страницы «Политехника». Это действительно была хорошая школа. Нет, это были «его университеты».

> «Между тем, отчетно-выборная конференция приближалась. Происходящее не радовало. Надо было что-то делать. Казалось бы, после того, как Воронков не прошел аттестацию, может ли теперь он претендовать на что-то? А он все-таки претендовал и от конкурса не отказался.
>
> Заявку на участие в конкурсе так больше никто и не подал. Попытки райкома найти конкурента другими путями не удались. В институте тоже шел поиск альтернативы. За две недели до конференции партком остановил свой выбор на Сергее Ананьеве, секретаре бюро электротехнического факультета.»[43]

---

[43] Здесь и далее текст приводится по статье Т. Денисовой «От кого отвернулось войско?»

Но в планы честного парня, бывшего сокурсника и друга Воронкова, не входило подыгрывание в этой грязной игре. Не смотря на долгие беседы в райкоме и парткоме, которые с ним вели, Ананьев заявку на участие в конкурсе так и не подал. После его неоднократных отказов партком отбросил игру в демократию и дал ему партийное поручение – участвовать в выборах.

> «До второго декабря оставался один день. А первого декабря в комитет комсомола пришли первый секретарь райкома С. Кирин и член парткома института Е.Б. Бочкарев, чтобы предложить Воронкову отказаться от участия в выборах и свою помощь в поиске другой работы. О трудоустройстве Воронкова «пеклись» очень настойчиво, напрочь забыв и о демократическом конкурсе, и о правилах приличия. Таким нажимом были обескуражены все, кто находился в комитете, и Сергей Ананьев в том числе. Недоумение сменялось возмущением: что же здесь происходит – «выкручивание рук»?»

Нет, всего лишь подготовка к завтрашним выборам. И снова Воронков от выборов не отказался.

> «Попытаюсь объяснить настойчивость Сергея Воронкова. Не хочется, чтобы поверхностным взглядом его позицию расценили как упрямство, а отношения с райкомом – «коса на камень». Все не так просто.
>
> Он очень молод. Но едва ли это порок. Его еще учить и учить многим азам внутрисоюзной комсомольской жизни. Не только Сергея – весь комитет. Как-то так произошло, что нет особых, своих традиций в политехническом, либо они давно уже утрачены. Не Сергеем Воронковым. Стоит ли «вешать на него всех собак». Он в комитете – год, а полгода ушло на «самооборону». Не на дела, а на выяснение отношений.

Результат никому успехов не принес. Ни Воронкову, ни Центральному райкому. А самое главное – делу.

Не карьерист Сергей. Это сейчас каждого зам. секретаря можно в этом подозревать. Выразил свое мнение – все, «подкоп под руководящее кресло». Понимаю, от него ждали очень разумного шага – самоотвода. А думали ли о большем, чем сиюминутная задача? Зачем тогда конференция? Зачем комитет? Если он в своей среде не воспитывает лидера, если его надо искать на стороне... А доверие комсомольцев? Можно ли пренебрегать их мнением? Сергей мог отказаться... если бы струсил. И никто бы его не осудил. Видели, как трудно ему приходилось эти полгода. Видели недоброжелательность. И поэтому даже самые разумные претензии к комитету рассматривались именно через эту призму.

Мы сейчас много говорим о демократических началах в отношениях комитетов и первичных организаций. Давайте не говорить о них, пусть они будут. Возьмем ту же аттестацию Воронкова. Кто из комиссии, за исключением аппарата, владеет объективной ситуацией в институте? Зная о неприязненных отношениях райкома и первичной, морально ли, нравственно полностью не учитывать ту характеристику, которую дает комитет? Это что – недоверие к выборному органу первичной? И не случайно, что 2 декабря на комсомольской конференции делегатами «в штыки» принято решение аттестационной комиссии. Отменить его конференция не имеет права по Уставу. Но первый секретарь райкома С. Кирин так и не нашел веских доводов как на конференции, так и после нее – почему такая пропасть между мнением организации и комиссии.

С человеком, недостаточно подготовленным, конечно же, нелегко работать. С Воронковым никто серьезно не занимался. Проще «кресты» ставить, чем учить.

Проще. Секретарь комсомольский не слесарь-сборщик (не в обиду слесарю). Его не научишь в два приема. Надо иметь желание кропотливо объяснять ошибки, показывать – «как надо». Есть такая система наставничества в райкоме? Вот ведь ситуация: кто подготовил «подготовленных»? Резерва у райкома нет. Можно сейчас кивать на кого угодно и на что угодно. И про «дутый» состав, и про общую объективную ситуацию, и про многое другое.

Вопрос о секретаре встал летом. Ну не нравится райкому Воронков – не подходит «по личным качествам». Но это ведь субъективно. Объективно вопрос о реальном, более того, реальных лидерах в институте могла решить только комсомольская организация. Свои предложения обязана была гласно выразить партийная организация. Никто не лишал права райком комсомола предложить своих кандидатов. Но ничего этого сделано не было. Демократию решили осуществлять «заржавелыми приемами».[44]

К моменту конференции непосредственными участниками происходящего стала значительная часть комсомольского актива, конфликт стал принципиальным для комсомольской организации вуза.

«Конференция 2 декабря поставила все на свои места (но только на время. – *авт.*) Критическим был доклад комитета комсомола, с которым выступил Сергей Воронков. Очень требовательно подошли делегаты к разбору ошибок, недочетов и комитета, и Воронкова. Однако сколько заинтересованности в повороте комсомольской жизни к широкому кругу проблем, а главное, к реальным проблемам каждого студента высказали делегаты. И только на первый взгляд и от непривычки

[44] Там же.

говорить о наболевшем, а не о насущных проблемах вообще, сбивала многих напористость, открытость, откровенность выступающих.»[45]

Конференция освещалась областным молодежным телевидением и областной молодежной газетой. Средства массовой информации оценивали конференцию как первую в области по накалу и такой заинтересованности делегатов.

«Много резкой открытой нелицеприятной критики прозвучало в адрес парткома, РК ВЛКСМ, редактора газеты «Политехник». Конференция потребовала опротестовать решение райкома о неаттестации Воронкова.

И все же ключевым вопросом были выборы секретаря комитета. В своем выступлении первый секретарь райкома С. Кирин назвал по поводу Воронкова столько «козырных» фактов, что делегаты разве что только не свистели. Возможно, поэтому секретарь парткома института В.Ф. Котов как-то забыл напомнить ребятам, что у парткома есть конкретное предложение по кандидатуре. Партком-де никого конференции не навязывает, выбирайте. Делегаты отстаивали свою точку зрения, оспаривали позицию райкома к Воронкову, критиковали Воронкова за то, что не всегда умеет находить общий язык, а это немаловажно для секретаря.

И вот на трибуну вышел Сергей Ананьев, честно и откровенно рассказал, как «за конференцию» решали вопрос о комсомольском лидере института. Он сказал: «Я после вчерашних событий в комитете понял: там, где начинается партийное поручение, кончается комсомольская демократия...» И взял самоотвод.»

Делегаты самоотвод С.Ананьева приняли, не из недоверия, а из уважения к его позиции. Конкурсных выборов не получилось. Комитет комсомола единогласно избрал секретарем Сергея Воронкова. Это была победа!! Но...

[45] Там же.

Из статьи Татьяны Денисовой «От кого отвернулось войско?»:

> «Вспомнился момент из статьи в газете «Политехник» о Воронкове: «Беда командира, от которого отвернулось войско». Нет, «войско» от него не отвернулось. Главное сейчас – оправдать его доверие.
>
> Бурная была конференция. В конце актового зала, утонув в полушубке, сидел заворг райкома С. Ермаков. Делегаты спорили – Ермаков наблюдал. «Ничего, ничего! – сказал заворг. – Мы его все равно через два месяца уволим...» Через два месяца у Сергея Воронкова аттестация в райкоме.»[46]

И это был тот редкий случай, когда Центральный РК ВЛКСМ не собирался ничего спускать на тормозах и терпеть расхождение слова и дела. Поэтому конференция 2 декабря не разрешила глубокого противоречия между комитетом комсомола политехнического института во главе с его секретарем С.Воронковым и Центральным РК ВЛКСМ, а стала лишь этапом в продолжавшемся противостоянии.

То, что происходило в стенах политехнического института, находилось в резком диссонансе с теми процессами, которые уже разворачивались в стране. Но мало кто пытался дать в этом отчет. И даже то, что со страниц центральной печати высшие органы указывали, требовали, демонстрировали образцы, предупреждали, не оказывало на местных «последователей демократического централизма» никакого воздействия.

7 декабря в Москве состоялся II пленум ЦК ВЛКСМ, который рассмотрел вопрос «О ходе перестройки в комсомоле и развитии инициативы комсомольских организаций в решении социально-экономических задач, стоящих

---

[46] «Комсомольское племя» № 51 (6829) Суббота, 19 декабря 1087 года, с. 3.

перед страной в условиях радикальной экономической реформы.»

С докладом выступил первый секретарь ЦК ВЛКСМ В. Мироненко. В сообщении говорилось:

> «Пленум ЦК ВЛКСМ отметил, что минувший после XX съезда ВЛКСМ период в целом характеризуется *оздоровлением атмосферы во многих комсомольских организациях*, увеличением их вклада в решение экономических и социальных задач, *поисками новых подходов в работе с молодежью*. Сделаны первые реальные шаги по расширению самодеятельности первичных организаций, *утверждению в них атмосферы демократии и гласности*.
>
> В принятом постановлении пленум обязал комитеты комсомола *развивать инициативу и активность*, обеспечить поддержку социально значимых инициатив молодежи. *Утверждая демократические принципы в подборе и расстановке комсомольских кадров, готовить их к работе в новых условиях*, учить решать практические задачи, *советоваться с молодежью, давать решительный отпор фактам консерватизма*, другим негативным проявлениям в молодежной среде. (везде курсив наш. – *авт.*)[47]

Дальнейшие события развивались со скоростью свиста камня, пущенного из пращи сильной рукой.

А все это бурное время текущую работу комитета никто не отменял. Институт жил своей внутренней жизнью. Проходили учебные семестры, наступали сессии, студентов по разнарядке отправляли на различные работы, проходили спортивные мероприятия, устраивались конкурсы художе-

[47] Информационное сообщение о II Пленуме Центрального комитета ВЛКСМ// «Комсомольская правда» № 281 (19081), вторник, 8 декабря 1987 года.

ственной самодеятельности, участвовали в праздничных демонстрациях, требовалась воспитательная работа в общежитиях, охрана общественного порядка и многое другое, что составляет жизнь большого коллектива высшего учебного заведения. Мало кого тревожило, что его главный комсомольский орган не мог нормально работать.

Комитет разрывался, и разрыв этот происходил по самым разным основаниям. Он разрывался между старым и новым, между разными позициями и взглядами на необходимые формы работы, между собственными представлениями о комсомольской работе и требованиями «сверху», между требованиями отовсюду и критикой студентов. Он задыхался от старых завалов и нерешенных проблем, с одной стороны, и от невозможности или желания работать по-новому, – с другой.

Тем не менее, как бы там ни было, но работа в комитете шла. Еще в значительной мере она была обременена пороками прошлого, но комитет уже пытался, где мог, изменять старое и проращивать семена нового.

Первые попытки работать по–новому комитет предпринял там, где уже были какие-то инициативы «снизу», где ростки нового можно было взращивать параллельно с теми формами, которые десятилетиями жили в институте. Необходимо было громко заявить о новых веяниях в институте, разбудить студентов, пробудить у них интерес. Самыми первыми яркими делами могли стать традиционные праздничные вечера, но иначе организованные, и коллективные мероприятия различной направленности.

Комитет ВЛКСМ начал проводить мероприятия качественно иного характера. Например, уже упоминавшийся проведенный в декабре 1986 года первый КВН с ПО «Стрела», а несколько позже – с локомотивным депо и мединститутом. Это были первые в области и городе игры такого рода, они стали поистине событиями в культурной жизни не только института, но и города. Такие события поднимали

не только честь, но и престиж института, давали начало движению, охватывающему все новых и новых людей.

Из Отчетного доклада комитета ВЛКСМ ОрПтИ о проделанной работе за период с VIII отчетно-выборной конференции (ноябрь 1986 г.) до X отчетно-выборной конференции (ноябрь 1989 г.):

> «Обновление форм и содержание работы требовали новых форм организации людей. В комитете понимали, что делать это необходимо не искусственно, а увидеть тенденции к образованию новых структур и создать условия их естественного развития. Так, комитет поддержал работу студенческих клубов «Камертон», «Аист и Венера», «Логос», созданных преподавателями.
>
> Комитет ВЛКСМ командировал группу студентов в г. Махачкалу на Всесоюзный съезд КИДов (клубов интернациональной дружбы). После их приезда образовался клуб «Юность», который развернул довольно активную работу.
>
> После долгих лет существования на стороне, ввиду отсутствия постоянного помещения, был возвращён в институт театральный коллектив «Полимир». Желание вернуться было у ребят всегда, но оно не находило поддержки у руководства вуза. Комитет ВЛКСМ не просто поддержал эту идею, он организовал работы по строительству помещения для театра в подвале 3-го общежития. На свои комсомольские деньги приобрел для театра усилители и акустические системы. За летний период 1987 г. подвал преобразился в зрительный зал на 60 мест с операторской, гримерной, раздевалкой и с залом пластики. В ноябре 1987 г. коллектив театра дал в новом помещении первую премьеру «10 минут надежды». С его участием комитетом ВЛКСМ стали проводиться вечера к праздникам в новой форме – например, в форме «капустника» на площадке перед учебным корпусом был

проведен День первокурсника, заложивший в институте традицию празднования этого события.

В попытке возродить такое движение, как СТЭМ, был проведен конкурс «театральные игры», на который каждый факультет представил свой спектакль.»

Из воспоминаний Олега Котовщикова, члена бюро ВЛКСМ механического факультета (1987 г.):

«В 1987 году меня пригласили возглавить культмассовый сектор механического факультета. При этом комсоргом я остался. Вот где все забурлило! Дискотеки, мероприятия со «студентами-афганцами» (тогда их много было), конкурсы художественной самодеятельности, поиски талантов, репетиции, межфакультетские КВНы, походы в кино на фильмы Феллини и Тарковского, общение с Богуславской Софьей Михайловной с рассказами об архитектурном разнообразии центра города.

Но самым ярким воспоминанием остался конкурс театральных постановок между всеми факультетами института, где мехфак занял первое место. Я пригласил свою знакомую, которая мне помогла в режиссуре. Ходил домой к Шебаршовой Наталье Борисовне, и мы с ней подбирали музыку. Продумали подсветку из прожекторов, которые я приволок из дома, оставшиеся со школьного ансамбля, придумали декорации. Короче, получилось! Я был на седьмом небе от победы!

За два дня до выступления партком по моему заявлению выделил деньги на поощрение студентов, принимающих участие в спектакле. На них я купил всем торты, а ещё вручил конверты с деньгами, по 20 рублей каждому – по тем временам, приличные деньги!

Что это было? Настоящая, полноценная, студенческая жизнь, замешанная на комсомольском энтузиазме и желании себя проявить.»

«Продолжалась работа по реконструкции водонапорной башни. После ухода Ю. Григорьева, который до 1987 г. занимался технологической частью строительства, комитет подобрал других специалистов.

Вопросы финансирования решались с администрацией очень сложно, по любому мелкому вопросу приходилось собирать у ректора целые совещания по службам. Тем не менее, реконструкция башни была одним из самых ответственных участков работы комитета.»[48]

Из воспоминаний Игоря Вакушкина, будущего секретаря комитета ВЛКСМ ОрПтИ (1991–1992 гг.):

«В 1987 году я с отличием окончил Чкаловскую среднюю школу и решил поступать на электротехнический факультет Оренбургского политехнического института. Политехнический выбрал потому, что на тот момент это был единственный в области вуз, в котором ощущалась близость к модному тогда увлечению ЭВМ. Я любил ремонтировать различного рода технику, а электронно-вычислительные машины считались в то время высшим пилотажем.

Сам политехнический институт стал для меня вузом, в который я поступил даже не в сентябре 1987 года, а раньше, потому что как отличник сдавал два экзамена вместо трех. Сдал на пятерки.

В сентябре состоялся первый субботник, нас направили на стройку. Курировал работу секретарь комитета комсомола института Сергей Воронков. Это был яркий, мощный, энергичный молодежный лидер. Он сказал: «Идите, ребята, за мной!», мы пошли в 3-е общежитие, в подвал. Там узнали, что строится, оборудуется студенческий театр. Сергей познакомил нас с руководителем театра Анатолием Сидоровым, который показал фронт работ – надо было таскать

[48] Отчетный доклад комитета ВЛКСМ ОрПтИ о проделанной работе за период с VIII отчетно-выборной конференции (ноябрь 1986 г.) до X отчетно-выборной конференции (ноябрь 1989 г.)

землю. При этом Сергей объяснил нам, что на самом деле мы не просто копаем ямы или убираем мусор, а, прежде всего, строим театр, у которого уже есть своя история, а также насколько значима наша помощь. После этого все работали с воодушевлением: ведь мы занимались добровольным, интересным, важным и значимым трудом. Вроде бы мелочь, но нам казалось, что мы попали на комсомольскую стройку! Так начиналось знакомство с институтом. Потом была учеба.»

Из Отчетного доклада комитета ВЛКСМ ОрПтИ о проделанной работе за период с VIII отчетно-выборной конференции (ноябрь 1986 г.) до X отчетно-выборной конференции (ноябрь 1989 г.):

> «По направлению учебной работы свою деятельность комитет ВЛКСМ начал с изучения мнения самих студентов и их претензий к системе обучения. Первыми серьезными претензиями были жалобы студенческих групп на качество прохождения практики. Для более детального изучения этого вопроса и его решения комитет ВЛКСМ создаёт у себя сектор связи с производством.
>
> Комитет ВЛКСМ вышел на ректорат с предложением посвятить несколько ректоратов этому вопросу и как-то исправить положение на летней практике 1988 года. Предлагалось сделать производственную практику целостной частью учебного процесса. Чтобы, с одной стороны, выпускающие кафедры организовывали подготовку по специальности, а общественные кафедры – изучение социально-психологических аспектов жизнедеятельности трудового коллектива, перспектив развития предприятия и т.д.
>
> Комитет через обком комсомола вышел к комсомольским организациям предприятий области с предложением о проведении встреч по подготовке вопросов, стоящих перед трудовыми коллективами, которые могли бы изучать студенты, и по организации самой практики. Были разосланы письма, обговаривался день встречи, но в ин-

ституте так и не удалось решить ни одного орг.вопроса. Ректораты не провели, встреч с заведующими выпускающих и общественных кафедр не организовали. Ни ректор Козаченко А.Б., ни проректор по учебной работе Верещагин Ю.Ф. не решили ни одного вопроса, о которых была договоренность. Это была характерная обстановка для института.

По направлению формирования социально-политического мировоззрения студентов комитет решил, прежде всего, поддержать и развивать те редкие инициативы, которые всё-таки были. После долгого перерыва возобновил свою работу клуб интернациональной дружбы. В ответ на открытое письмо двоих студенток в «Политехнике» от 26 февраля 1987 г. с призывом провести акцию протеста против второго атомного взрыва в Неваде, комитет ВЛКСМ подготовил и провёл на вечере, посвященном 1 мая, ярмарку солидарности, сбор средств от которой пошёл в Фонд мира. После вечера было организовано факельное шествие к Вечному огню, где состоялась самая настоящая маёвка, с горячими выступлениями и песнями солидарности. Работа комитета ВЛКСМ по сбору средств в Фонд мира из обычного сбора денег превратилась в серию акций. Например, комитетом ВЛКСМ, клубом интернациональный дружбы и клубом воинов-интернационалистов была проведена ярмарка в помощь детям Афганистана.

Серьезно велась работа по военно-патриотическому воспитанию. В 1987 году комитетом ВЛКСМ совместно с советом ветеранов были организованы теоретические и практические курсы молодого бойца для призывников. Начато оформление альбома «Боевой славы» о всех ветеранах института.

В мае 1987 г. комитет ВЛКСМ подготовил и провел актив с приглашением преподавателей, на котором обсуждались новые разработанные комитетом положения

об общественно-политической практике и общественно-политической аттестации. На активе был отмечено, что рациональное зерно в этих формах есть, но старый подход с желанием все заключить в жесткую систему может погубить саму идею.

По-новому стали проводиться отчёты и выборы в группах. В 1987 г. они были организованы в форме написания и утверждения характеристик. Комитет ВЛКСМ предложил администрации совместно ежегодно утверждать характеристику на каждого студента. С Иваненковым С.П. была разработана методика составления характеристики по деловым, моральным, психологическим параметрам. Проводилась учёба актива и подготовка каждого собрания.

Комитет ВЛКСМ по мере сил занимался защитой социальных и бытовых интересов студентов – насколько успешно, видно на примере профилактория.

Вел комитет ВЛКСМ работу и по профилактике правонарушений и укреплению дисциплины. Большей частью она выражалась в административных формах работы с нарушителями дисциплины. За комсомольскими взысканиями обычно следовали административные меры воздействия, вплоть до исключения из института.

Комитетом самостоятельно проводились ежемесячные рейды по выявлению нарушителей, в основном, в общежитиях, после которых обычно разбирались персональные дела. Выявляя нарушителей и ужесточая спрос со студсоветов, комитет ВЛКСМ стремился наладить дисциплину в общежитиях.

Много внимания комитет ВЛКСМ уделял работе оперативного комсомольского отряда. Отряд ОрПтИ всегда считался основным в Центральном районе. Но очень многое зависело от человека, возглавлявшего эту работу в комитете ВЛКСМ.

В организации трудовой деятельности студентов, до этого заключавшейся в поставке трудовых десантов по требованию РК, на активе в апреле 1987 года комитет поставил вопрос ребром: если какой-то организации нужен десант, пусть приезжают в институт сами, встречаются со студентами, объясняют причину, заключают договор на оплату.

Постановка вопроса была непривычна, хозяйственники оказались к этому не готовы. Начался нажим на комитет через РК КПСС и РК ВЛКСМ. Но комитет ВЛКСМ не уступал и добился своего. После этого актива комитет ВЛКСМ ни одного десанта без оплаты не организовал. А позже комитет поставил вопрос ещё принципиальнее: никакой организацией десантов на сторону, кроме как в госпиталь инвалидов, комитет ВЛКСМ заниматься не будет. Правда, тогда вся организация десантов пошла в обход комитета ВЛКСМ, через ректорат. А так как администрация, выполняя разнарядки, не пыталась разбираться в этом, то большая часть десантов оказалась бестолковой и ненужной. А студенты остались безропотными участниками, никак этому не то что не противясь, но даже не пытаясь ставить эти вопросы.

С момента выхода Постановления Минвуза СССР, Секретариата ВЦСПС, Секретариата ЦК ВЛКСМ от 17.06.1987 «О первоочередных мерах по расширению участия студентов в управлении высшими учебными заведениями» комитет ВЛКСМ стал серьёзно с этим работать. Начали с того, что попытались неформально провести выборы студентов в члены Совета ВУЗа. На факультетских собраниях перед выборами вели разъяснительную работу.

После выборов начали создавать систему работы. Членами Совета было подготовлено и внедрено в жизнь положение о 4% надбавке к стипендии. Было проведено обсуждение проекта приказа об учебном расписании с со-

кращением учебной пары до 70 мин. без перерыва. Далее комитет ВЛКСМ и студенческий Совет стали строить систему работы по принципу студенческих наказов, обратной связи с возможностью отзыва нерадивых представителей. А члены Совета учились обобщать наказы, выделять в них главное и грамотно их решать.

Работа комитета ВЛКСМ по расширению участия студентов в управлении вузом получила серьезный анализ и дальнейшее развитие на проведенной IX комсомольской конференции 30 марта 1988 г.

Так же серьезно комитет ВЛКСМ и члены советов факультетов и вуза подошли при реорганизации факультетов к выборам деканов, а впоследствии – и к выборам ректора института. Обсуждались кандидатуры, проводилось заседание комитета ВЛКСМ с приглашением кандидатов. Организовывались встречи со студентами по обсуждению программ. В результате прошли кандидаты, за которых агитировали комсомольские органы. Комитет ВЛКСМ показал, что он может являться серьезной политической силой.»

Из воспоминаний Сергея Воронкова, и.о. секретаря комитета ВЛКСМ ОрПтИ (1987–1988 гг.):

«Вся эта работа в те годы начала приобретать осмысленное значение только после того, как мы повстречались с Сергеем Петровичем Иваненковым и Ажар Жалелевной Кусжановой, которые по собственной инициативе тоже вели новые проекты и отрабатывали новые идеи. Они предлагали новые формы работы, которых до этого не было в политехническом институте. Таким образом, революционная романтическая активность объединилась с фундаментальной теоретической базой и пониманием того, что и как надо делать. Начинали мы с каких-то мелких совместных проектов, начиная с клуба интернациональной

дружбы, КВНовских команд и многого другого, а выросли до проведения социологических исследований, попыток реформирования ФОПа и т.д.»

Из воспоминаний Олега Котовщикова, заместителя секретаря комитета ВЛКСМ ОрПтИ по орг.работе (1987–89 гг.):

«Весной 1987 года в моей жизни появился Сергей Петрович Иваненков, который начал преподавать у нас философию. Я не знаю, чем я ему приглянулся, но он довольно быстро «сдал» меня Воронкову.

Я не помню детали нашей встречи с Сергеем Воронковым, но у меня четко отложились в памяти его два качества: обаяние и харизматичность. Это как любовь с первого взгляда. Он предложил мне должность заместителя секретаря комитета комсомола института по организационным вопросам. Так я стал институтским комсомольским чиновником.

Но для меня это было не столько карьерное, сколько личностное развитие. Здесь появился первый ежедневник, т.к. количество задач, которые требовали решения, стало в разы больше того, что было до этого.

Заседания комитета всегда проходили по-деловому, серьезно, и это создавало хорошую рабочую обстановку, спорили, ругались, обсуждали, получали «втыки» от Сергея за невыполненные задачи, строили планы.

Вообще, комитет уже был центром притяжения всех студенческих инициатив. Организатором КВН-го движения, создателем Клуба интернациональной дружбы (КИД, который я возглавлял), создателем студенческого театра, который располагался в подвале общежития № 3 и был отремонтирован силами студентов.

Даже качество работы столовой было в зоне нашего внимания. Сыпались гневные высказывания студентов на

то, какую еду готовят повара, как убирают помещения и столы, – и мы не могли на это не реагировать. Регулярно готовили стенгазеты с фотографиями и описаниями того беспорядка, который был в столовой. Из-за этого ругались с поварами и директором столовой. Они срывали газеты, мы делали новые. Короче, выполняли функции надзорного органа без возможности оштрафовать.»

Между тем, несмотря на большое желание, в работе у комитета не все получалось. Часто его инициативы подвергались оглушительной критике, а иногда полученный результат обескураживал. Всю работу комитет осуществлял под руководством и.о. секретаря Сергея Воронкова в условиях самой активной фазы войны против него. И комитет не только зачастую бился один, без поддержки, без помощи, но наоборот, его инициативы натыкались на глухое непонимание, торможение или грубое, жесткое противодействие.

Из Отчетного доклада комитета ВЛКСМ ОрПтИ о проделанной работе за период с VIII отчетно-выборной конференции (ноябрь 1986 г.) до X отчетно-выборной конференции (ноябрь 1989 г.):

> «Характерен пример с попыткой комитета организовать весной 1987 года политклуб. Было решено начать с острого диспута. Пригласили бывшего выпускника института Александра Сухарева, проповедовавшего отрицание идей марксизма. Никакой крамолы не предполагалось, напротив, на диспут были приглашены молодые преподаватели кафедры философии, дабы в дискуссии показать всю несостоятельность нового «диссидента» и развеять ореол вольнодумца, питавший популярность Сухарева в студенческой среде. Однако за день до диспута объявления о нем были сорваны секретарем парткома

В.Ф. Котовым, а зам. секретаря комитета ВЛКСМ по идеологии пришлось долго объясняться в парткоме института. Между тем, в медицинском институте этот диспут несколько позже прошел с успехом.

С целью развития новых форм организации, комитет ВЛКСМ вышел с идеей создания в институте ассоциации клубов на базе дискоклуба «Галактика». Были организованы деловые встречи и совместные вечера, КВНы с участием нескольких клубов. Но идея ассоциации оказалась преждевременной. Не найдя поддержки и понимания у администрации, ушли из института «Яхт-клуб» и клуб спелеологов и горнолыжников.»

Активной критике подверглась инициатива комитета (в ноябре 1987 г.) по созданию при нем бюро по трудоустройству студентов, благодаря которому смогли трудоустроиться десятки студентов.

Газета «Политехник» в подборке **«Работа любит сильных»**[49] поместила мнения ряда должностных лиц по этому вопросу.

Так высказался декан технологического факультета Е. Зеленский:

> «Мое мнение по вопросу работы студентов по совместительству – работать могут в свободное от учебы время только те студенты, которые учатся на «хорошо» и «отлично». На технологическом факультете такая политика практикуется уже в течение четырех с лишним лет. Потому что студенты, как показывает опыт, которые слабо успевают да еще и работают, учатся потом еще хуже и даже бывают отчислены за неуспеваемость.»

Свои возражения представили зам. начальника учебно-

[49] «Политехник», № 35 (432) от 9 декабря 1987 года.

го отдела Н. Саичкина и начальник отдела кадров Л. Папанова:

> «В институт человек приходит, чтобы получить профессию, знания, то есть стать квалифицированным специалистом. Приходит добровольно и, решив учиться с отрывом от производства, в какой-то степени заранее ущемляет себя в материальном плане.
>
> В газете «Политехник» опубликована статья комитета комсомола, предлагающая студентам дневного отделения различного вида работу. Бесспорно, эта работа пополнит бюджет студента, но пополнит ли его знания?
>
> Все неуспевающие, как правило, ссылаются на нехватку времени. Это ли не печальный показатель результата того, что иные студенты совершенно отвлеклись от учебы, забыв свою основную задачу стать знающим специалистом? Очень хотелось бы, *чтобы все наши общественные студенческие организации занялись бы активной работой по перестройке отношения студентов к учебе*, сделав его ответственным и честным. (курсив наш. – *авт.*)
>
> Вот почему нам кажется, что массовая выдача путевок на работу может привести к еще более печальным итогам.»

Декан строительно-технологического факультета Ф. Влацкий предложил альтернативу:

> «Было бы хорошо, если бы комитет комсомола организовал не бюро по трудоустройству, а постоянно действующий студенческий строительный отряд. Чем спать где-нибудь в детском саду по ночам или рубить рыбам плавники, можно было бы реально *помочь институту в ремонте и строительстве* корпусов и общежитий. (курсив наш. – *авт.*) При хорошем

отношении к делу и заработать можно было бы неплохо.»

Свою лепту в решение проблемы внес и редактор газеты:

«Есть и другие виды работ, которые ждут студентов. – В прошлом номере «Политехник» опубликовал предложение директора завода «Актюбрентген» о творческом, конструкторско-технологическом сотрудничестве. Стоит подумать о создании в вузе общественного центра по сбору и передаче студентам таких заказов.»

Все было сказано правильно, со знанием дела и возможностей. Только почему–то все дело ограничилось лишь советами и рекомендациями уполномоченных лиц, обладающих как материально-техническими, так и властными ресурсами. И, не смотря на то, что речь шла о возможной помощи институту, ни один не заявил о том, что вопрос о предоставлении работы нуждающимся студентам будет решен силами администрации института, факультетов и кафедр.

А что же студенты? Не смотря на то, что война против Воронкова сплотила вокруг него широкие ряды комсомольцев, тем не менее, по различным вопросам студенты далеко не всегда представляли собой сплоченную, сознательную массу. Например, так было в коллизии с профилакторием, за который и.о. секретаря комитета С.Воронков чуть было не лишился работы.

«Семейные студенты, почувствовав, что завтра комитет им комнаты не даст и что начинается полоса трудностей, которую придется преодолевать, резко охладели к этому вопросу. Комитет ВЛКСМ остался в совершенно нелепом положении, и вся его затея действительно стала выглядеть, как желание поскандалить.

Так же примерно получилось в 3-ем общежитии, члены студсовета которого обратились в комитет ВЛКСМ с претензией на то, что подвал общежития занят под хозяйственные нужды. Сами они хотели сделать там спортивные комнаты и дискоклуб. Комитет ВЛКСМ решил с администрацией этот вопрос, достал кирпич и обратился к студсовету, чтобы тот выделил ребят привезти его и разгрузить. Когда устали ждать, сделали это сами. Но студсовет даже не смог организовать перемещение кирпича в подвал, и он так и пролежал на улице, пока его не растащили.»[50]

Да и к новым мероприятиям отношение у студентов во многом оставалось еще старым. Например, той же, уже знакомой обидой и «болью в душе» проникнута статья **«Горькое послесловие к «ярмарке»»**[51] президента клуба интернациональной дружбы «Юность» О. Котовщикова, посвященная «Ярмарке солидарности с детьми Афганистана», проведенной 2 декабря, в тот самый день всеобщего комсомольского триумфа по случаю выигранной битвы на IX Отчетно-выборной комсомольской конференции института.

«Готовились долго. Казалось бы, предусмотрели все. За неделю до начала ярмарки вывесили объявления (в 1 и 3 учебных корпусах), за два дня до начала сообщили о ней по институтскому радио. Попросили клуб воинов-интернационалистов рассказать о ней по курсам и даже по группам, *на что ребята ответили вежливым отказом*. (курсив наш. – *авт.*) Вот только почему?

Обратились за помощью в комитет ВЛКСМ, который очень живо откликнулся. Приезжала группа с

[50] Отчетный доклад комитета ВЛКСМ ОрПтИ о проделанной работе за период с VIII отчетно-выборной конференции (ноябрь 1986 г.) до X отчетно-выборной конференции (ноябрь 1989 г.)

[51] «Политехник», № 35(432) от 9 декабря 1987 года.

Оренбургского телевидения, уделила немало внимания и ярмарке.

Но… давайте скажем правду хоть самим себе. Мы все читаем, слышим по радио, видим по телевидению, как трудно сейчас афганскому народу, и особенно детям! И мы с неподдельным сочувствием говорим об этом. А вот когда дело доходит до реальной помощи, мы почему-то остаемся в стороне.

… в институте, где обучается 3,5 тысячи студентов и работает около тысячи сотрудников, на ярмарку было принесено 43 предмета и игрушки, и от продажи кулинарных изделий выручено 14 рублей 23 копейки. Значительная часть вещей была предоставлена членами КИДа.

У многих эти цифровые контрасты могут вызвать улыбку. Но это не смешно. Так чего же стоит наше красноречие, если за этими словами мы забываем, что нужны еще и конкретные дела! Нам есть над чем задуматься.»

Однако новое – пусть медленно, пусть с трудом, но пробивало себе дорогу.

Из воспоминаний Игоря Вакушкина, будущего секретаря комитета ВЛКСМ ОрПтИ (1991–1992 гг.):

«Первый курс, начало учебы. Мы начали жить нормальной обыкновенной студенческой жизнью, две группы 87 ЭМ 1–2. Мы были в первой, группа подобралась очень интересная. Нельзя сказать, чтобы все горели общественной работой, но все были достаточно грамотными, активными, и я не помню, как это произошло, но в итоге в рамках студенческого самоуправления кто-то предложил идею «пробить» свободное посещение лекций как новую интересную форму. И что интересно – у нас это получилось.

Из газеты «Политехник» можно видеть, что параллельно в институте шла бурная жизнь. 2-го декабря на конференции секретарем комитета комсомола был избран Сергей Воронков. Начали появляться новые формы в работе, и все это было для нас, первокурсников, как нечто очень приятное, позитивное, демократичное, перестроечное, но очень далекое. Поэтому когда я уходил в армию, я не предполагал, что впоследствии буду связан с комитетом комсомола политеха, но этот молодежный азарт, энергия, оптимизм, вера в светлое будущее, в перестройку! Она двигала, и энергия из меня била фонтаном. Предложения, инициативы, Фонд мира, сбор членских взносов, собрания группы – такая атмосфера, такой настрой! Это была великолепная пора! А в это время параллельно в комитете комсомола зарождались серьезные перемены.»

Таким образом, к концу 1987 года наметился сдвиг в делах комитета.

> «Действовало бюро по трудоустройству студентов, заработал КИД, который вывел Центральный район с последнего места на второе в областной телевикторине «Мой край», проведены маевки, ярмарки солидарности, встречи КВН, организована секция рукопашной борьбы для оперотряда института, строилось помещение для студенческого театра, трудно, но продолжались работы «на Башне»... Мелкие дела? Да, не крупные, но это сделано за год. Раньше и того не было. И недостатков еще через край. Это тоже понимают.»[52]

Любопытно соотнести то, что происходило в Оренбурге, с общей оценкой ситуации в ВЛКСМ, как она виделась из Москвы. Так, **Владимир Мироненко**, первый секретарь ЦК ВЛКСМ (1987–1990 гг.) отмечает: [53]

---

[52] Денисова Т. От кого отвернулось войско?//«Комсомольское племя» № 51 (6829) от 19 декабря 1087 года.с. 3.

[53] Мироненко В. Комсомол в период перестройки советского общества: в поиске новой модели союза и новой молодежной по-

> «Первые итоги работы по реформированию ВЛКСМ подвел II пленум ЦК ВЛКСМ, состоявшийся 7 декабря 1987 года.
>
> Сделаны первые шаги по расширению самодеятельности первичных комсомольских организаций, утверждению в них демократии и гласности. В то же время еще сказывается непонимание многими комитетами ВЛКСМ, комсомольскими работниками принятой XX съездом концепции перестройки в комсомоле. Робко используется право самостоятельного выбора форм работы, сохраняется приверженность к директивным методам руководства. Ощущается острый дефицит наступательности и настойчивости в воспитательной и организаторской работе с молодежью, защите ее законных прав и интересов.»

Как показала действительность, в то время первый секретарь ЦК ВЛКСМ несколько недооценивал способности комсомольских работников. «Самостоятельный выбор форм работы» оказался у аппаратчиков Центрального райкома комсомола отнюдь не робким, да и особого «дефицита наступательности и настойчивости» они не испытывали. Скорее, наоборот. Что же до «непонимания концепции перестройки в комсомоле», то здесь он не ошибался, однако от этой констатации понимающим суть этой концепции приходилось труднее в разы.

А пока суть да дело, наступал 1988 год. Вместе с ним начинался новый период жизни комитета комсомола политехнического института и его секретаря Сергея Воронкова – этап широкомасштабной войны.

литики. (1985–1990 гг.). Дисс.на соиск... канд.истор.наук. // http://vimironenko.narod.ru/sci/sci0001/sci0001_0.htm

1988 ГОД

19 декабря 1987 г. в газете «Комсомольское племя» выходит статья Т. Денисовой «От кого отвернулось войско?», в которой автор делает анализ конфликта, происшедшего между Центральным РК ВЛКСМ и комитетом ВЛКСМ ОрПтИ.

В ответ бюро Центрального РК ВЛКСМ обращается с письменной просьбой к бюро обкома ВЛКСМ рассмотреть факты предвзятого отношения газеты к аппарату райкома. Чтобы доказать свою правоту, Центральный райком создает комиссию для работы в институте.

Из информации **«Бюро обкома ВЛКСМ»:**[54]

> «В результате работы комиссии выяснились серьезные ошибки и просчеты в подготовке и проведении вузовской конференции.
>
> Комитетом комсомола политехнического института не было проведено необходимой организаторской работы по подготовке выборов делегатов. В результате выборы делегатов на конференцию проводились не во всех комсомольских группах, а в некоторых делегаты просто назначались (комсоргом или членами факультетских бюро ВЛКСМ) (обычная практика того времени – *авт.*), нарушалась норма[представительства], отсутствуют протоколы собраний по избранию делегатов. (Комитет ВЛКСМ провел конференцию, не дождавшись, когда РК ВЛКСМ согласует разрешение о проведении с вышестоящими органами.– *авт.*)
>
> На основании этого, состоявшееся 22.01.88 г. бюро Центрального РК ВЛКСМ признало конференцию вуза неправомочной и отменило все решения, принятые на ней.

[54] «Политехник» № 9 (443) от 17 марта 1988 года.

Кроме того, выяснилось, что секретарь комитета ВЛКСМ института С. Воронков совершил серьезный комсомольский проступок: с 3.07 по 13.10.86 г. после демобилизации из рядов СА не состоял на комсомольском учете и не платил членские взносы, также не платил взносы с января по апрель 1987 года.

Учитывая все это, а также то, что тов. Воронков уже имел комсомольские взыскания, бюро РК ВЛКСМ освободило его от занимаемой должности. (уволило по 33 статье. Зав.орготделом Центрального РК ВЛКСМ С. Ермаков выполнил свое обещание даже на 10 дней раньше обещанного срока. – *авт.*)

С. Воронков обратился в горком ВЛКСМ с апелляцией о несогласии с данным решением. Состоявшееся 24 февраля 1988 года бюро Оренбургского горкома ВЛКСМ согласилось с решением бюро Центрального РК ВЛКСМ об объявлении конференции Оренбургского политехнического института неправомочной и отменило все принятые на ней решения.

За серьезные нарушения Инструкции ЦК ВЛКСМ, Устава ВЛКСМ, выразившиеся в несвоевременной постановке на комсомольский учет и неуплате членских комсомольских взносов, бюро горкома ВЛКСМ объявило т. Воронкову С. строгий выговор с занесением в учетную карточку.

Бюро горкома признало правильным решение бюро Центрального РК ВЛКСМ об освобождении тов. Воронкова С. от занимаемой должности, однако, учитывая непродолжительность работы тов. Воронкова С. в должности секретаря комитета комсомола института, неоказание практической помощи со стороны работников аппарата горкома, райкома ВЛКСМ, отменило это решение. Вопрос о целесообразности использования тов. Воронкова С. на освобожденной комсомольской работе рассмотреть 30 марта 1988 года на конференции института.

За серьезные недостатки и упущения в работе по руководству комсомольской организацией политехнического института, подборе и расстановке кадров бывшему первому секретарю Центрального райкома ВЛКСМ тов. Кирину С. объявлен строгий выговор с занесением в учетную карточку.

Состоявшееся 2.03.88 г. бюро обкома ВЛКСМ строго указало бюро, аппарату Центрального РК ВЛКСМ на недостатки в работе по руководству комсомольской организацией политехнического института, недемократические методы руководства, непринятие мер к созданию нормальных условий работы комитета ВЛКСМ вуза.

За имеющиеся неточности в освещении конфликта между комитетом ВЛКСМ ОрПтИ и Центральным райкомом ВЛКСМ г. Оренбурга автору статьи «От кого отвернулось войско?» тов. Денисовой Т. поставлено на вид.»

«Кроме того, комиссия выявила дополнительные недостатки во внутрисоюзной работе комсомола института: ошибки в проведении годовой сверки, большое количество выбывших без снятия с учета, несвоевременную уплату взносов многими комсомольскими группами и строительными отрядами.

Между тем, в составе комитета, после отмены решения конференции 2 декабря, 8 вновь избранных членов оказались недействительными, был вновь собран старый состав. И.о. секретаря комитета ВЛКСМ был назначен член комитета ВЛКСМ Михаил Озеров. Этому комитету было поручено готовить новую конференцию на 30 марта 1988 г.

На основании фактов несвоевременной постановки Воронкова на комсомольский учет, а также выдачи ему во время службы в рядах СА новых комсомольских доку-

> ментов, в которых была неверно проставлена дата вступления в члены ВЛКСМ, райком выдвинул версию о том, что Воронков вступал в комсомол дважды, а значит, исключался из его рядов. Для ее проверки на место службы в г. Новосибирск выехал зав. орготделом обкома ВЛКСМ А. Кузнецов.»[55]

Об этом – ниже.

Здесь следует пояснить выявленные нарушения Воронкова. Он действительно не встал вовремя на комсомольский учет и несколько месяцев не платил взносы. Своевременной постановке на учет помешало отсутствие утраченного в армии комсомольского билета, на восстановление которого потребовалось время. А с уплатой взносов подвела инерция привычки. Раньше, в школе, в институте и в армии, членские взносы, по 2 копейки в месяц, зачастую «автоматом» собирали, а иногда и платили комсорги, это была распространенная в первичках практика. А в комитете была, по сути, первая работа, где надо было платить самому, и не 2 копейки, а от зарплаты. Зав. учетным сектором комитета почему-то не напоминала, а у самого было столько «интересных дел», что про взносы он попросту забыл.

Немаловажную роль при этом сыграло то обстоятельство, что никогда ранее аппаратной работой он не занимался и не понимал, что нарушение формальных правил, тем более для аппаратчика, – это повод для самого строгого наказания. Неформальное отношение к жизни стало причиной того, что этому «формальному» моменту он не придал должного значения. Опыта не хватило, за что и поплатился впоследствии.

---

[55] Отчетный доклад комитета ВЛКСМ ОрПтИ о проделанной работе за период с VIII отчетно-выборной конференции (ноябрь 1986 г.) до X отчетно-выборной конференции (ноябрь 1989 г.)

Итак, комсомольско-перестроечная эпопея развивалась. Примечательно, что в то время, когда вся оренбургская комсомольская бюрократия объединяла силы на войну против одного «наглеца», посмевшего посягнуть на устои системы, с целью его добить, доказать, проучить, «чтобы другим неповадно было», вокруг появлялось все больше людей, которые волею обстоятельств становились на его защиту. Нравственность как мощная система отличия «свой – чужой» всегда стояла на страже общества, защищая его от проникновения любого чужеродного, античеловечного, антигуманного элемента, обеспечивая резистентность (устойчивость) общественного организма. Этот иммунитет общества, как живого организма, боролся с болезнетворными явлениями, противостоя угрозе социального заболевания, в перспективе ведущего к смерти общества.

Помощь приходила часто неожиданно, и даже от тех, от кого ее не ждали. Где не могли помочь делом, поддерживали словом. Например, в это время пришло письмо от бывшего сослуживца Сергея, его армейского комсорга А. Володина. Обращаясь к Сергею, он писал:

«Хочу сообщить тебе один интересный факт. Недавно ко мне приезжал представитель вашего обкома комсомола (Кузнецов) с целью выяснить обстоятельства получения тобой комсомольского билета. Из его рассказа я понял, что у тебя там по этому поводу большие неприятности. Я ему рассказал, что вспомнил, хотя многое уже забылось. Знаешь, Сергей, я, откровенно говоря, не думал, что кто-то из наших за такой короткий промежуток времени станет такой большой персоной. Ты там, наверное, совсем зазнался. Чтобы исключить какие-то недоразумения, я послал вашему первому секретарю ВЛКСМ области пись-

мо, где вкратце изложил то, что помню. Будем надеяться, что все будет хорошо.»

(Документ из личного архива С. Воронкова)

Написал письмо в ЦК КПСС преподаватель кафедры истории КПСС И.А. Галиев с просьбой положить конец травле комсомольского лидера. Месяца через три пришел ответ, что Ваше письмо (как положено) направлено в Оренбургский обком КПСС. Неизвестно, как отреагировал бы обком партии, но к тому времени война уже была окончена.

А за это время конфликт из «ЧП районного масштаба», последовательно проходя стадии райкома, горкома, а затем обкома ВЛКСМ, докатился до ЦК ВЛКСМ.

Из воспоминаний Татьяны Денисовой, редактора областной молодежной газеты «Комсомольское племя» (1987–2001 гг.), автора статьи «От кого отвернулось войско?»:

«Уж не помню, кто сказал мне, что «ношусь с Воронковым, как с трудным подростком». Однако неприемлемой для моего понимания была ситуация, когда совсем не детскими способами пытались уничтожить «трудного подростка». Ситуация для комсомольских функционеров безусловно была неординарной. Конференция в политехе, избрание Воронкова вопреки мнению парткома и райкома ВЛКСМ – это был не просто акт неповиновения, это был публичный проигрыш «старших товарищей» студентам. Могу сказать, что та публикация была написана мной осознанно. Прекрасно понимала, что спорить со мной гораздо сложнее, чем с любым другим автором. Это первое. И главное. Это была позиция члена бюро обкома комсомола на происходящее в студенческой комсомольской организации.

Спорить, конечно, спорили, но и действовали предсказуемо. Неаттестация – это слабый аргумент. Им уничтожить Воронкова было нельзя. Тот же заворг обкома ком-

сомола А. Кузнецов, который, кстати сказать, «сидел на чемоданах» и ждал перевода в Москву, в ЦК ВЛКСМ, понимал, что рано или поздно скандал может переместиться в столицу. Аргумент нужен был железобетонный.

*Ни тогда, ни позже никто не признался, кому в голову пришла идея с исключением Сергея из комсомола в армии. По версии Центрального райкома комсомола, вернувшись из армии, Воронков скрыл, что был исключен из рядов ВЛКСМ. Промышленный райком действительно после армии выдал Воронкову новый комсомольский билет, но до конфликта сей факт никому не был интересен. А тут... По всему выходило, что хорошо искали. Очень профессионально. И вот нужный аргумент был найден, алгоритм действий выработан. Миротворец Елагин (*первый секретарь обкома ВЛКСМ – *авт.) решил, что Кузнецов летит в Сибирь, в Юргу (*по месту прохождения военной службы С. Воронкова – *авт.) в командировку и привозит документы, либо подтверждающие этот факт, либо опровергающие его.*

В реалиях ситуация была такова. Воронков служил в танковых войсках. В самом конце службы проходили учения. Документы, в том числе комсомольский билет, солдаты хранили у себя. Во время учений следовало преодолеть водную преграду, экипаж Сергея «тонул». Документы в воде были испорчены. Поскольку призыв увольнялся, то и билет, было так решено, получат «на гражданке».

Не было сомнений в искренности Сергея. Нужно было понимание, как такая ситуация (исключение из комсомола) возможна в армии. У меня был хороший консультант – М.А. Кулаев, генерал–майор, член Военного Совета РВСН. Одна его фраза: «А он что, в дисбате сидел?» Это была единственная причина, по которой в армии исключали из комсомола. Верным также был совет Михаила Александровича, что нужно найти способ добраться до комсомольских документов раньше заворга. Действительно, чем можно будет оспорить «бумагу», в которой будет написано, что ис-

*ключен? (*А «подмахнуть» такую бумагу по просьбе завотделом обкома комсомола, видимо, было вполне возможно. Генерал знал, о чем говорил. – *авт.)*

Владимир Ларин, мой коллега, в тот момент работал в «Комсомольской правде». Ему не надо было объяснять, чем эта история может закончиться для Сергея. Собкор «Комсомолки» по Кемеровской области Виктор Ермаков оперативно (за ночь) добрался на автомобиле до Юрги. В Юргинском райкоме комсомола осталась запись о принятии на учет и снятии с учета комсомольца Воронкова. Виктор не только взял выписку, но и на всякий случай сфотографировал запись в журнале. Недоверчивы были советские журналисты!

Конечно, Ларин сразу же позвонил мне. Через два дня документы самолетом передали в Оренбург. Не скажу, что поход к Елагину с этой информацией не доставил мне удовольствия! Да и он был слегка ошарашен – все произошло так стремительно! Буквально за два дня. Заворгу Кузнецову не пришлось даже ехать из Новосибирска в Юргу.

Парадоксальным было то, что никому не пришло в голову извиниться перед Воронковым.»

А тем временем машина продолжала работать, раскручивая все новые и новые грани конфликта.

Из Отчетного доклада комитета ВЛКСМ ОрПтИ о проделанной работе за период с VIII отчетно-выборной конференции (ноябрь 1986 г.) до X отчетно-выборной конференции (ноябрь 1989 г.):

> «Бюро обкома также постановило: работникам райкома, горкома и обкома в рамках подготовки к предстоящей конференции института выйти во все студенческие группы и объяснить, за что был уволен Воронков.
>
> К подготовке конференции, кроме комитета, подключились работники райкома и горкома партии. Каждый требовал оформление бумаг и подготовку по-своему, что

вносило неразбериху и суету в и без того напряженную ситуацию в комитете комсомола института.

В течение года комитет ВЛКСМ не мог нормально работать. Полгода его лихорадило в бесконечных выяснениях отношений с райкомом, полгода он принимал многочисленные комиссии, а потом совсем был выключен из работы. Райком и партком ВУЗа защищали свои интересы, горком, не желая брать на себя ответственность, старался и угодить возмущенным студентам, и не подставить себя. То, что за упущенное время все же придется нести ответственность, сознавал только многострадальный институтский комитет ВЛКСМ. Поэтому, несмотря ни на что, комитет готовился провести повторную конференцию не только формально. Готовился серьезный доклад о проблемах самоуправления – этому и была посвящена конференция, и в постановление были включены очень серьёзные пункты, давшие начало дальнейшей работе.

По организационному вопросу делегаты выслушали информацию первого секретаря горкома ВЛКСМ Ю. Кицула о С. Воронкове и повторно единогласно выбрали Воронкова секретарем комсомольской организации. Только с этой конференции обстановка в комсомольской организации ВУЗа стабилизировалась, и комитет ВЛКСМ начал нормально работать.»

Из воспоминаний Ажар Кусжановой, преподавателя кафедры философии ОрПтИ (1986–2000 гг.):

«На самом деле райком извлек урок из предыдущей конференции. Такого поражения он уже допустить не собирался. Не смотря на воинственный студенческий настрой – а Сергей Воронков в это время стал чрезвычайно популярной фигурой в институте, – все вышестоящие комитеты ВЛКСМ объединились в решении добить вопрос любы-

ми средствами, но Воронкова как комсомольского деятеля уничтожить. В воздухе стояла густая атмосфера войны.

У нас тоже «Комитет обороны» по защите Воронкова с самого начала конфликта заседал практически ежедневно. Татьяна Денисова, которая имела в городе и области прямые выходы на всех комсомольских секретарей всех уровней, была, наверное, самой сильной фигурой из всех, кто помогал Сергею выстоять и отражать удары. До сих пор она мужественно боролась за справедливость, отстаивая Сергея всеми доступными ей средствами и даже привлекая на помощь друзей из других регионов страны. Но и ее коснулась эта война, против нее тоже началось наступление. Она получила взыскание «за необъективность, тенденциозную и предвзятую критику действий работников Центрального райкома», а вместе с ним – позицию «обиженного человека», чьи действия отныне трактовались бы как обида и месть за критику и взыскание, т.е. как необъективные. Это очень ограничивало ее действия.

Все включенные в ситуацию все больше понимали, что противостоять этому натиску уже просто невозможно, это безумие, и закончиться оно может только полным уничтожением одного упрямого парня, посмевшего допустить непослушание. На него с грохотом несся локомотив системы, включивший все возможные пары. И его раздавили бы, безжалостно и жестоко: на войне, как на войне! Оставались считанные дни. А у всех уже просто опускались руки.

И все равно надо было что-то делать, срочно. Между тем, эта война, после включения в нее горкома и обкома, уже велась на таких уровнях, куда мы дотянуться не могли. Для воздействия на ситуацию оставался только ЦК ВЛКСМ. Но это Москва, а мы где? Однако быстро надвигавшийся момент расправы, похожей на казнь невинного человека (а в действительности, более того – искренне поверившего в перестройку и ее лозунги), не оставил уже никакого выбора. И тут осенило: Софа!!

В это время в Москве был свой человек – коллега Софья Михайловна Богуславская, уже учившаяся в аспирантуре МГУ им. Ломоносова. Умная, порядочная до самоотверженности, она добралась бы до ЦК. Но для обращения в ЦК нужны были какие-нибудь бумаги. Почта? – это долго, не успеть. И тогда на мою просьбу откликнулся тоже коллега, Валерий Викторович Солодкий. Тот самый автор статьи «Почему?» Он согласился отвезти в Москву (поездом!) собранные мной газетные статьи и постановления комсомольских органов и вместе с Софьей Михайловной доставить их в ЦК.

Позднее он рассказывал: «Помню, как с Софьей Михайловной долго ждали в коридоре ЦК. Потом вышел какой-то мужик, на кабинет которого нам указали. В двух словах изложили ему суть и отдали материалы. Он, почти не дослушав, со словами «Они что там, совсем с ума посходили?!», не закрывая дверь и не пригласив нас в кабинет, подбежал к телефону и начал звонить в Оренбург.»»

Между тем, как выяснилось впоследствии, информация об этой войне докатилась до ЦК не только по этому каналу.

Из воспоминаний Татьяны Денисовой, редактора областной молодежной газеты «Комсомольское племя» (1987–2001 гг.):

«История с Юргой стала известна Владиславу Фронину, который был в тот момент завотделом пропаганды ЦК ВЛКСМ. Фронин – прежде всего, профессиональный журналист, а потом все остальное. «Сибирский детектив» Виктора Ермакова, собкора «Комсомолки», им был одобрен. Надо же понимать, что командировка в Юргу была возможна только с разрешения руководителя корсети «Комсомолки». Ситуация была столь характерной для комсомола. И она напрямую касалась того самого отдела ЦК, который возглавлял Фронин. Кто ему конкретно рассказал об этом, возможно, Палиевский, его друг, – не знаю. Но заместитель

Фронина Ю. Пилипенко (скорее всего, тот «мужик», на которого указали ходокам из Оренбурга – *авт.) позвонил Елагину (*первому секретарю Оренбургского обкома ВЛКСМ – *авт.) с вопросом: «У вас что там Кузнецов, рехнулся?! Что вы травите-то Воронкова?!» Таким образом, «звоночек» для Оренбурга прозвенел. Такие звоночки, как показывала практика, для непонятливых ничем хорошим не закачивались.*

Конечно же, это был рядовой конфликт для «заповедника социализма», но дикий, исходя из тех событий, которые происходили в стране. Дикими были последствия его, когда «машина» начинает давить в человеке все: веру в правду, человеческое достоинство. История перестала быть местечковой, и отдел пропаганды ЦК был совсем не на их стороне. Прославиться ее деталями на весь СССР в тех условиях (демократизация, перестройка, гласность) желающих не нашлось.»

Этот звонок разом отрезвил всю зарвавшуюся комсомольскую бюрократию Оренбурга. Надо думать, на всех уровнях прошли соответствующие звонки. И война в одночасье была остановлена. Буквально за пару дней до институтской конференции, прошедшей 30 марта 1988 года, от Воронкова «отстали».

Как уже было упомянуто, в связи с конфликтом, начало года ознаменовалось для комитета проверками, ожиданиями решений вышестоящих органов, комиссиями, ожиданием новостей и новых нападок. Как он при этом работал и выполнял свою руководяще-организационную роль, как жила в это время 4-хтысячная организация, по-прежнему никого из «вышестоящих» не интересовало. Однако никто не отменял естественного процесса жизни большого института. Там по-прежнему работали деканаты и преподаватели, профсоюзные комитеты и кафедры, партийная организация и...

Нет, здесь надо остановиться и взглянуть на то, как в это время жил институт. Для примера логично взять кафедры

общественных наук, на значимую роль которых указывали и XXVII съезд КПСС, и Пленумы ЦК партии. Комитет комсомола предпринимал попытки привлечь к неформальной работе со студентами преподавательский состав. Однако понимания он не нашел.

> «Кафедры общественных наук в целом оказались далеки от интересов студентов и от неформальной работы по реальному повышению их социально-политической культуры.»[56]

Но могло ли быть иначе – вот в чем вопрос. В каком состоянии в это время находились институтские кафедры общественных наук, можно судить по отдельным примерам. Так, в материале **«Впереди – госэкзамен!»**,[57] посвященном предстоящему государственному экзамену по научному коммунизму, доцент кафедры научного коммунизма и член ГЭК (государственной экзаменационной комиссии) В. Никитин пишет:

> «В процессе преподавания, тем более по мере всестороннего изучения и глубокого усвоения составных частей марксизма-ленинизма: философии, политической экономии, научного коммунизма – нужно видеть и сам факт развития науки о коммунизме. (тем самым подчеркивая единство общественных наук, преподаваемых в вузе. – *авт.*)
>
> Марксистско-ленинское мировоззрение – это наиболее последовательная и высшая историческая форма научного мировоззрения. Оно вобрало в себя *весь спектр знаний о человеке и во имя человека* (курсив наш. – *авт.*), его всестороннего и гармоничного развития.»

[56] Отчетный доклад комитета ВЛКСМ ОрПтИ о проделанной работе за период с VIII отчетно-выборной конференции (ноябрь 1986 г.) до X отчетно-выборной конференции (ноябрь 1989 г.)

[57] «Политехник», № 2 (436) от 13 января 1988 года.

Что в это время происходило в институте и как боролся институт за всестороннее и гармоничное развитие «человека», об этом статья умалчивала. Как умалчивала и о максимальной отстраненности кафедр общественных наук от помощи, к которой взывал комитет комсомола. Но до того ли было преподавателям-общественникам? Ведь

> «жизненная сила и целостность марксизма-ленинизма обусловлена главным образом и прежде всего тем, что он служит отражением развивающегося в своих бесчисленных гранях и очень глубокого в своей сущности объекта исследования, каким является сам необратимый процесс перехода от капитализма к социализму и коммунизму, начало которому положила Великая Октябрьская социалистическая революция.»

И, видимо, так бесчисленны были грани и настолько глубок оказался в своей сущности объект исследования, что запутались мозги даже у доцента и члена ГЭК. Потому что во всеуслышанье, с трибуны институтской газеты, в наставление студентам-выпускникам он поведал, что, с одной стороны,

> «Категории «марксизм-ленинизм» и «научный коммунизм» – тождественные, однопорядковые». Однако, с другой стороны, «наука о коммунизме (или научный коммунизм – это одно и то же) в известной мере *шире* понятия «марксизм-ленинизм.» И в то же время марксизм-ленинизм равнозначен научному коммунизму».

Как было простому студенту разобраться в этом «ахалай-махалае»? Так шире он (научный коммунизм) как понятие или не шире «марксизма-ленинизма»? Если шире, то неравнозначен второму, а если равнозначен, то не может быть «шире», это любой первокурсник, знакомый с простейшим курсом элементарной логики, скажет. Но, оказывается, все просто:

> «науку о коммунизме *нельзя смешивать* с научным коммунизмом как предметом преподавания».

Наверное, этим все и объясняется? Ан, нет! Оказывается,

> «Целостность марксизма-ленинизма обусловливает и целостность его изучения. К нему надо подходить *и как к единому предмету исследования и преподавания.*» (везде курсив наш. – *авт.*)

Словом, в конце концов, так и не разобравшись с противоречиями, а не исключено, что даже не уловив их наличие, напоследок, как требовал ритуал, доцент поставил задачу на перспективу:

> «Естественно, должна быть и единая, целостная программа изучения марксизма-ленинизма, и единый на государственном уровне экзамен по марксизму-ленинизму. В этом — веление времени! Но это на будущее!» и благословил: «В добрый путь, государственный экзамен!»

Что преподавал и что собирался принимать уважаемый доцент, о каком «последовательном усвоении знаний [марксизма-ленинизма] в практике революционного обновления социального мира» он десятилетиями вещал с преподавательской кафедры, по-всему, за много лет не смог уяснить даже он сам. Преподавание общественных наук уже давно превратилось в ритуал, идентичный религиозному, и даже то, что вместо традиционного «Аминь» звучало «В добрый путь, государственный экзамен!» очень мало затрагивало суть происходящего.

Из воспоминаний Ажар Кусжановой, преподавателя кафедры философии ОрПтИ (1986–2000 гг.):

«На кафедрах общественных наук о перестройке говорили много. Но то самое расхождение слова и дела, о котором еще год назад говорил Горбачев на январском (1987 г.) Пле-

нуме ЦК КПСС, никак не осмысливалось в качестве руководства к действию, эти реалии шли как бы в параллельных мирах. У нас на кафедре практиковались теоретические семинары, на которых преподаватели в порядке очередности докладывали обзоры ведущих философских теоретических журналов «Вопросы философии» и «Философские науки». Можно было перечислить публикации с их краткой аннотацией, можно было выбрать наиболее интересные и новые идеи, имена, работы. Когда очередь дошла до меня, я выбрала статью, посвященную творчеству В.Высоцкого, имя которого доныне было табуировано в академических кругах, не смотря на его фантастическую популярность в народе. Публикация в центральном журнале служила сигналом, что табу снято. Однако мое выступление было подвергнуто сокрушительной обструкции! Доцент Л.А. Касперович, заходясь в крике, глаголил, что «популяризация этого пьяницы и антисоветчика» несовместима со статусом преподавателя и наводит на подозрения относительно идеологической позиции докладчика. Никакие ссылки на то, что это статья, и помещена она в центральном рецензируемом научном журнале, не смогли остановить его глубокого возмущения и требований «с этим разобраться».

«Разбирались» со мной в последующие два года, но не столько за Высоцкого, сколько... за Воронкова. Точнее, в том числе и за Воронкова. Еще в 1986 году нас собралось на кафедре четверо выпускников неоренбургских вузов: я и С. Иваненков приехали после аспирантуры МГУ, А. Чесноков – после аспирантуры ЛГУ, С. Богуславская – после окончания УрГУ. Мы всячески пытались уйти от того болота начетничества, которое сложилось на кафедре. Спорили об истинных смыслах философских положений, показывали отношение марксизма к реальным социальным процессам, а значит, к перестройке. Но «живое творчество масс» пребывало где-то за пределами сознания большинства преподавателей кафедры. Иногда стычки по теоретическим

вопросам перерастали в идеологические баталии, и тогда доцент Л.А. Касперович кричал: «Тут вам не философский факультет МГУ!» Но пока мы были вчетвером, у нас хватало сил доказывать, что Оренбургский политех не находится, словами Ленина, «вдалеке от столбовой дороги цивилизации». Между тем, осенью 1987 года уехали из Оренбурга Богуславская и Чесноков, ушел из института Иваненков, и я осталась одна, став мишенью для вымещения всей накопившейся неприязни и горечи от теоретических поражений.

2 декабря 1987 года состоялась комсомольская отчетно-выборная конференция. На ней решалась судьба комитета комсомола и Сергея Воронкова. Весь год, начиная с их конфликта в комитете, приходилось следить за событиями и ему помогать, поэтому я понимала, что мне надо там быть. Но меня туда не пустили. Все 4 часа, пока шла конференция, мы простояли на лестнице верхнего этажа у закрытой двери актового зала с Клавдией Денисовной, мамой Сергея, слушая происходящее в зале и переживая за исход этого мероприятия. Когда выступил Сергей Ананьев, я поняла, что теперь все образуется, и пошла в преподавательскую. Настроение было ликующим! Это была победа! Приплясывая от радостного возбуждения, возле преподавательской я ответила на вопрос выходившей Е.А. Ярцевой: «Ну как?» бурным восторгом, и... тут встретилась глазами с возвращавшимся с этой же конференции секретарем парткома института В.Ф. Котовым. Он шел буквально поверженный, и этот тяжелый взгляд не обещал ничего хорошего.»

Так кто же тогда должен был учить этих пацанов–романтиков перестройки «революционному обновлению социального мира?» Кто мог подсказать, как действовать, куда идти? Как избежать ошибок, чтобы хотя бы не подставляться под «асфальтовый каток», действовавший подчас жестоко и неумолимо? Как научиться строить новое?

Как? Легко! Классики учили, что революции сначала свершаются в умах. Комитет в это время поднимал проблему студенческого самоуправления, о чем подробнее – ниже. А 17 марта 1988 года, за 2 недели до новой комсомольской конференции, которая, помимо выборов секретаря комитета, посвящалась именно самоуправлению, была опубликована газетная передовица **«К читателям»**.[58] Нетрудно догадаться, что «наставником» здесь выступал редактор В.В. Шестов.

> «Тут уместно заговорить и о самоуправлении, понятие которого почему-то весьма и весьма запутано. Что такое самоуправление? (задает он риторический вопрос, ибо сам же на него и отвечает – *авт.*). – Да это же управление самим собой (!), умение распределить силы, время, духовный потенциал, знания так, чтобы каждый день приносил новые знания, превращая их в убеждения, в практический опыт. Это оказывается для многих делом весьма сложным. Часто ли после занятий такие студенты подходят к преподавателю с просьбой еще раз разъяснить тему? Часто ли садятся к библиотеке за учебники, чтобы там найти нужный ответ? Это тоже один из элементов самоуправления.»

Ну вот, таковы были учителя, а потому таковыми были многие ученики. И все же...

Из воспоминаний Сергея Иваненкова, бывшего преподавателя кафедры философии ОрПтИ (1985–1987 гг.):

«Летом 1987 года я покинул политехнический институт и перешел в ВолгоУралНИПИгаз ведущим специалистом создававшегося социологического сектора. Непосредственного участия в происходившем в институте я уже принимать не мог, но был в гуще событий. С весны 1987 года мы уже тесно работали с Сергеем Воронковым. Это был очень толковый и волевой лидер, он действительно хотел и готов был работать на реализацию идей перестройки. Но его часто

[58] «Политехник» № 3–4 (437–438) от 3 февраля 1988 года.

подводило и отсутствие опыта, и нежелание «прогибаться». А что до социального строительства или управления, то учить его нужно было буквально всему.

Сначала мы сотрудничали на соцопросах, но далее выяснилось, что у него много идей и энергии, и при этом он не имел ни малейшего представления ни о социальном управлении, ни о социальных технологиях. Однако парень готов был спрашивать и слушать, схватывал на лету, спорил, но принимал аргументы, в общем, мог и желал вдумчиво учиться. И учился он очень талантливо. Впоследствии мы с женой, вслед за автором «Алых парусов», назвали этот процесс «отделкой щенка под капитана». И, подобно герою Грина, он действительно вырос в хорошего капитана. А наши отношения переросли в долгую дружбу и многолетнее сотрудничество.»

Но вернемся к событиям в институте. Итак, 30 марта 1988 года состоялась комсомольская конференция. Уже однажды уволенный с работы, но временно продолжавший исполнять обязанности секретаря комитета **С. Воронков выступил с докладом**, в котором говорилось: (приводится в сокращении)

> «При подготовке доклада комитет ВЛКСМ находился несколько в двойственном положении. На конференции 2 декабря комитет отчитался о проделанной работе, были приняты решения по основным направлениям работы и секторам комитета. Но как вы знаете, конференция 2 декабря признана неправомочной, и все решения, принятые на ней, отменены.
>
> За прошедшее время в жизни страны и вуза произошло два события, которые во многом определяют задачи комсомольской организации. В жизни страны – это февральский (1988 г.) Пленум ЦК КПСС «О ходе перестройки средней и высшей школы и задачах партии по ее

осуществлению», определивший основные направления работы, без которых невозможна перестройка подготовки специалиста.

И событие в жизни Вуза – это выводы комплексной комиссии Минвуза и предстоящая аттестация в 1989 году.

Задачи по выполнению решений Пленума теснейшим образом взаимосвязаны с задачами, вставшими очень остро перед коллективом института.

В результате работы комиссии Минвуза выявлено много недостатков в ходе подготовки специалистов в нашем институте. Меньше чем через год политехническому институту предстоит аттестация, и главная ее особенность и отличие от предыдущих – это то, что из всех показателей главным стало качество знаний студентов. И если в столь короткий срок не произойдет изменений к лучшему, встанет вопрос, нужен ли Вуз, выпускающий таких специалистов?

В речи секретаря ЦК КПСС тов. Лигачева говорится: «На первый план выдвинуть качество знаний студентов, сейчас этот критерий оттеснен на второстепенные позиции.»

Есть два пути, два решения вопроса повышения качества знаний каждого студента:

Первый: традиционный, на первый взгляд, быстрый, на первых порах способный дать эффект. Жесткий контроль и требование сверху (администрация, УВК) и «борьба» самих студентов за тот минимум знаний, который позволяет остаться в институте, а если повезет, получать стипендию.

(Пример: в результате принятых за последний семестр вышеуказанных мер посещаемость в институте повысилась, а успеваемость упала).

Второй: новый, медленный, но самый перспективный – перестройка всей работы на принципах самоуправления. Включение реальных интересов и рычагов в борьбу за мак-

симум знаний путем внедрения самоуправления на уровне института, факультета, курса, группы, каждого.

На данном этапе целесообразно гибкое сочетание двух путей: первый поможет избавиться от не желающих учиться, второй должен создать индивидуальную и коллективную заинтересованность в повышении качества знаний.

И огромная роль отводится студенческому активу. Необходимо коренным образом изменить роль УВК в учебно-воспитательном процессе. Мы много говорили о «карающих» функциях УВК, что это не главная цель работы. А по-моему, как раз требовательности и не хватает этому органу. Государство существенно повысило стипендии студентам. Какова же отдача каждого, ответ на заботу и затраты государства? Задача УВК – разобраться: не хочет студент учиться – решительно избавляться от таких. Или же что-то не получается – подумать, как помочь. Пока комиссии не проделают такого анализа и работы – это пустой труд, процесс, не дающий результатов.

О роли актива нельзя говорить, не вспоминая о личном примере. По результатам последней сессии печально констатировать, что несколько членов бюро ВЛКСМ сдало сессию с пересдачами. Не может служить пока примером и комитет ВЛКСМ: 3 члена комитета имеют пересдачи в сессию, в том числе секретарь и его заместитель по учебной работе. Закономерен вопрос: как можно требовать успеваемость, не успевая самому? Поэтому, если ставить вопрос борьбы за повышение качества знаний, всему активу необходимо начать с себя, завоевать моральное право быть в авангарде.

В постановлении Пленума ЦК КПСС один из пунктов гласит:

«В целях ускорения перестройки средней и высшей школы, необходимо более полное воплощение ленин-

ских принципов, создание современной демократической структуры управления народным образованием. В этих целях требуется широкое развитие самоуправленческих начал, предоставление учебным заведениям самостоятельности».

Самоуправление – это не только управление собой, это реальное участие в управлении процессами, определяющими жизнедеятельность всего коллектива. А для студентов и преподавателей нашего института это сейчас особенно необходимо. И определенная работа уже проводится.

Несмотря на трудную ситуацию, сложившуюся в комсомольской организации, практически отсутствие руководства со стороны комитета ВЛКСМ, бюро ВЛКСМ электротехнического факультета начало и продолжает серьезное обсуждение введения самоуправления на факультете. На самых первых порах стало ясно, насколько это непростой вопрос. Высветились ярче проблемы и недостатки.

Главное то, что заинтересовались и в группах. Об этом можно судить по поступившим предложениям.

Причин несамостоятельности и неготовности студента к самоуправлению много – в том числе методы работы со студентами и комитета ВЛКСМ, и преподавателей, мешающие инициативе, личной ответственности и заинтересованности в конечном результате труда.

В дальнейшем принципом работы должна стать работа по наказам студентов, составление программы их выполнения.

Неотъемлемой частью любой структуры самоуправления должно стать распределение стипендии по количеству затрачиваемого труда, т.е. КТУ.

Для более эффективной работы и выполнения своих непосредственных обязанностей необходимы структурные изменения в комсомольской организации инсти-

тута. На данный момент орган, руководящий организацией факультета, обстановкой практически не владеет. Выпадает звено – орган, который должен связать группу и факультетское бюро ВЛКСМ. Функция факультетского бюро – это общее руководство факультетской организацией. А текущие вопросы должны решаться на уровне курса. Курс может и должен действовать как самостоятельная боевая единица, и на факультете, и в институте.

Такая структура повлечет расширение комсомольского актива, основная задача которого – на каждом примере, в любой ситуации делать студентов реальными участниками событий, вопросов жизни организации, учить грамотно решать вопросы и доводить дело до логического конца. Иначе много шума из ничего.

Непонимание активом важности главной задачи вытекает из незнания политического механизма и неумения пользоваться ни правами, ни демократией, ни поддержкой комсомольцев. Отсюда – пренебрежение уставными требованиями и по обязанностям, и по правам.

Главный урок прошедшей неправомочной конференции – тот, что в ходе встреч с ребятами, даже после информации по телевидению и в областной печати, выяснилось, что очень много студентов, не знающих о происходившем или совершенно к этому безразличных. Особенно это характерно для первого курса.

Многие комсорги не знают, как провести собрание, как написать характеристику, оформить протокол. Эти недостатки присущи и некоторым бюро. Достаточно ошибок и в работе комитета ВЛКСМ. Если где-то это можно объяснить отсутствием системы обучения, то почему после учебы, после того, как комсоргу дали методичку, он заявляет, что не знает, как оформить протокол, а для этого требуется просто открыть выданное пособие.

О качестве практики говорить еще рано. Не удовлетворены студенты. Неоднократно проблема поднималась на страницах «Политехника». Критиковать выпускающие кафедры и ждать перемен было бы неправильно. В комитете ВЛКСМ создан сектор связи с производством. Основная задача сектора – создать хорошие условия для прохождения практики, дать возможность студентам оценить свои возможности по практике.

Усложняется задача и шефского сектора. Любые проводимые мероприятия должны работать на вопросы профориентации.

Никак нельзя смириться с состоянием внутрисоюзной работы в организации. Возьмем самое элементарное – уплату членских взносов.

Военно-патриотическому сектору необходимо опираться на воинов запаса. В институте создан клуб воинов-интернационалистов.

Трудно замахиваться на большее, если отсутствует элементарная дисциплина.

В институте работает 164 преподавателя и сотрудника-комсомольца. А вот как быть с тем, что говорилось на Пленуме: «Перестройка высшей и средней школы стопорится потому, что в нее по-настоящему не включена решающая фигура – преподаватель»?

Достичь поставленных целей можно лишь при условии совместной работы партийного комитета, администрации и комсомольской организации. И как было сказано на Пленуме: «Не для того, чтобы всякое дело организационно «подчинить» комсомолу. Важно, чтобы там работали комсомольские активисты, были застрельщиками, душой любого хорошего начинания и движения. Им нужно оказывать всемерную поддержку и помощь.»

Прошла конференция, были избраны и утверждены секретарь комитета (С. Воронков) и его состав, началась мирная жизнь и созидательная работа. Насколько она была

«мирная», можно судить по публикациям «Политехника», но было понятно, что в целом в ситуации и взаимоотношениях комитета с другими структурами института должен был произойти перелом.

Тем не менее, в качестве иллюстрации все же стоит привести пару примеров. Так, 6 мая 1988 года в «Политехнике» была опубликована статья секретаря парткома **В.Ф. Котова «Кадры – магистральный путь перестройки»**,[59] в которой говорилось:

> «Сейчас ведутся многочисленные разговоры о возможном расформировании института. Причем идут они с разной эмоциональной окраской – от печально-безысходных и панических до злорадных, от непомерно-пессимистических до бодро-оптимистичных.
>
> Думается, нельзя вдаваться ни в одну из этих крайностей, а, засучив рукава, побольше работать. *Поменьше произносить призывов и лозунгов о необходимости перестройки и очищения*, а, сплотившись и мобилизовавшись, работать и работать, выносить сор из нашего дома.
>
> О низкой исполнительской дисциплине нужно говорить и главное – принимать меры по ее повышению.
>
> Следует отметить, что работа в этом направлении, в общем, ведется, но она у нас в последнее время приобрела нездоровый оттенок. Одно дело *критиковать внутри института*, наказывать, если требуют этого обстоятельства, другое дело – *обращаться в вышестоящие инстанции* за помощью. Вместо того, чтобы честно признаться в том, что *отдельные руководители просто не в состоянии организовать дело из-за полного отсутствия организаторских данных и нежелания*, они ищут возможности переложить свою работу на других, стараются обеспечить повышение

[59] «Политехник» № 17(451) от 6 мая 1988 года.

исполнительской дисциплины *влиянием вышестоящих органов*.

Право обращаться в вышестоящие органы есть у каждого человека. Но есть и обязанность принять все меры для установления истины и устранения недостатков *вначале внутри института*. Да и вопросы желательно ставить такие, которые имеют принципиальное значение для улучшения дела, *а не навеянные личной неприязнью* к какой-то личности и эмоциями.

Постановка мелких, непринципиальных вопросов в вышестоящих органах создает впечатление о мелочности некоторых наших преподавателей, *далеко за пределами института складывается мнение о низком морально-психологическом уровне в целом в институте*. Об институте в целом такое утверждать нельзя.» (курсив наш – *авт.*)

Обращена статья была, в основном, к преподавателям, но между строк читались и знакомые мотивы, встречавшиеся в словах и действиях не только преподавателей.

А комитет ВЛКСМ и его теперь уже утвержденный секретарь, обрастая опытом и знаниями, перестав бояться менять старое и искать новое, работал. Искал, пробовал, созидал, ломал и переделывал, натыкался на ошибки, терпел поражения, анализировал неудачи, учился выстраивать отношения и находить опору в соратниках.

По направлению культурно-массовой работы задел уже был, можно было не начинать с нуля.

Из Отчетного доклада комитета ВЛКСМ ОрПтИ о проделанной работе за период с VIII отчетно-выборной конференции (ноябрь 1986 г.) до X отчетно-выборной конференции (ноябрь 1989 г.):

«Комитет взял на себя организацию коллективных культпоходов студентов и работников на различные

концерты. Наладились контакты с приезжающими театральными группами и со Свердловским, Саратовским, Смоленским театрами драмы и юного зрителя. Члены комитета ВЛКСМ ездили в Свердловск для обмена опытом по проведению студенческих фестивалей, после чего стали опробовать отдельные формы.

Совместно с обществом «Знание» комитет организовал в институте курс известных ленинградских лекторов «Легко ли быть молодым?». При этом очень сложно далось распространение абонементов в институте, хотя на лекции ходил весь район. Кафедры общественных наук на просьбу комитета о помощи ответили отказом.

Смотр художественной самодеятельности «Осень-88» на этот раз стал настоящим праздником, всплеском активности. При неформальной подготовке и проведении мероприятий стал формироваться новый костяк, свои лидеры.

Однако проведенные мероприятия еще не придали культурной жизни ВУЗа целостность, не стали традиционными. Для этого прошло мало времени, это было только начало.

Получила развитие идея клубных форм организации. При комитете уже начали работу клуб КВН, клуб интернациональной дружбы «Юность», клуб воинов-интернационалистов. Была оказана помощь с помещением и приобретением аппаратуры группе студентов, пожелавших создать ВИА. Близко комитет работал с «преподавательскими» клубами «Аист и Венера», «Прогнозист», «Логос».

Для нормальной поддержки культурно-массовой работы в 1988 году комитет ВЛКСМ совместно с членами совета ВУЗа добился того, чтобы по 18 статье на развитие культуры отводилось 30%, а распоряжались этими средствами комитет ВЛКСМ и студенческий профком.

Совместно со студенческим профкомом был решен вопрос о создании студенческого клуба с профессиональ-

ными работниками культуры; совместно с парткомом – вопрос о переходе на работу в институт руководителя студенческого театра А.В. Сидорова, который занялся в институте развитием культуры; с администрацией – о выделении средств на ремонт актового зала и о передаче его на баланс студенческого клуба.

Организованным в 1987 году КИДом «Юность» были проведены встречи с польской делегацией, с болгарскими студентами. Клуб принял участие в областной телевикторине «Наш край» и вывел Центральный район с последнего места на второе, провёл сбор подарков для Абдулинского детского дома и выезжал туда с концертами.

Впервые в истории института было организовано участие в демонстрации на 7 ноября 1988 г. на добровольных началах. Воспринято это было сначала, как что-то аполитичное. Пришлось отстаивать свою позицию и в парткоме, и в райкоме партии. И хотя свою правоту удалось отстоять, однако такие новые формы были еще редкостью, опыта не было, поэтому издержки были неизбежны.

После землетрясения в Армении в ноябре-декабре 1988 года комитет ВЛКСМ стал настоящим штабом по оказанию помощи пострадавшим. Было собрано 1800 руб., много тёплых вещей, организован пункт сдачи крови (200 человек сдали свою кровь), были сформированы безвозмездные стройотряды (но возможности их принять в Армении не нашлось).

Большая работа развернулась по направлению военно-патриотического воспитания. Работал клуб воинов-интернационалистов. Были рейды по изучению условий жизни инвалидов войны района, встречи «афганцев» с первокурсниками, стенды о студентах, проходящих воинскую службу, и об «афганцах», обучающихся и работающих в ОрПтИ. Велась работа с подростками. Собрано 1000 руб. на строительство памятника оренбуржцам, погибшим в Афганистане.»

Особое место в своей работе комитет отвел проблеме студенческого самоуправления. Еще после январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС вопрос самоуправления все больше приобретал значение краеугольного камня перестройки и лакмусовой бумажки реальных перемен. Без него никак не мыслились демократизация и развитие инициативы советского народа, превращение его в действительного хозяина жизни. В материале **«К вопросу о самоуправлении»** бюро ВЛКСМ электротехнического факультета, опубликованном в «Политехнике» 17 марта 1988 года,[60] говорилось:

> «В условиях развернувшейся перестройки, в нашей стране особое внимание уделяется демократизации жизни, более широкому вовлечению всех слоев общества в управление страной. Слова М. С. Горбачева о том, что «Порядок в доме может навести лишь хозяин», должны и для нас стать руководством к действию. Действительно, институт – наш второй дом, и, пожалуй, от нас самих в большей степени зависит, станет ли время в институте простым «отсиживанием» часов или действенной формой освоения специальности и навыков руководства. Поэтому твердо станет понятна идея введения самоуправления на нашем факультете.
>
> В чем конкретно оно проявляется? Во что выльется и что даст нам, самим студентам? Ответ на этот вопрос в общем виде дан в «Проекте положения о студенческом самоуправлении», в разработке которого приняли участие партийное бюро и комсомольское бюро факультета. В нем, в частности, говорится о том, что «самоуправление – это управление деятельностью студенческого коллектива по освоению учебной программы, организации политико-воспитательной, научной, культурно-массовой работы, а также отдыха,

[60] «Политехник» № 9 (443) от 17 марта 1988 года.

при которых все вопросы планирования, организации, контроля и поощрения деятельности студентов «решаются коллективом студентов».

Цель самоуправления видится в том, чтобы сформировать у будущих специалистов высокую личную ответственность за состояние дел в коллективах групп, курса. Самоуправление создает в группах здоровый микроклимат и рабочую обстановку, способствующую активному овладению теоретическими и практическими навыками. Здесь же представлена и примерная структура органов самоуправления от студенческих групп до совета факультета.

Но вся система окажется работоспособной лишь в том случае, если группа, первичное звено будет принимать самое деятельное участие.

Бюро ВЛКСМ несколько заседаний посвятило решению этой задачи. В результате был выработан план: вынести проект положения о самоуправлении на обсуждение всех студентов факультета. Учитывая новизну и сложность вопроса, предварительно необходимо было провести собрание актива групп, где разъяснить основные положения и понятия. И такое собрание, на котором, кроме «треугольников» групп, присутствовали заведующие кафедрами, представители деканата, состоялось 17 февраля. Выступивший на нем заведующий кафедрой Б.И. Огорелков подчеркнул: «Самоуправление – насущная необходимость, и наш факультет «созрел» для перехода на самоуправление». В настоящий момент это выражается в передаче части функций деканата бюро ВЛКСМ, УВК и другим органам.

Первые отклики показывают высокую заинтересованность студентов в новом начинании.»

Далее приводился проект Положения о студенческом самоуправлении на электротехническом факультете. В

нем было раскрыто понимание сущности студенческого самоуправления, совокупность вопросов, которые на него возлагались.

Туда входили решения органов студенческого самоуправления по составлению расписания занятий и экзаменов, мерам контроля успеваемости и выполнения самостоятельной работы, взысканиям за пропуски занятий и поощрений за большую общественную работу, предоставлению свободного посещения и прохождению летней практики, организации научно-исследовательской, культурно-массовой и спортивной работы, быта и отдыха, сельскохозяйственных работ, уборки территории, дежурств ДНД в общежитиях, работы в ССО и НПО, а также по распределению выпускников и направлению в целевую аспирантуру. Замах был действительно системный, всеобъемлющий и...чересчур смелый и самонадеянный.

Вообще-то, строго говоря, первой пробой пера в политехническом стало студенческое самоуправление в общежитии № 3, еще в 1986 году. Тогда это общежитие стало лучшим в области.

> «Но у деятельных и требовательных студентов–комендантов быстро начались конфликты с АХЧ, с администрацией. И ребят уволили. Уж очень многого они хотели: и чтобы канализация работала, и чтобы материалы на ремонт были... Но комитет и Плотников, в частности, отстаивать самостоятельность не бросились. Куда как проще видеть расширение самоуправления в закреплении за группами аудиторий, в соблюдении в них чистоты и графика уборки. Так этот вопрос рассмотрен комитетом 10 декабря 1986 года. Любопытно, а в какой же прогрессии развивается самоуправление, если после общежития № 3 расширение мыслилось в графике уборки?.. Не-

> понятно, то ли о студенческой группе речь, то ли о детсадовской. К такому самоуправлению и отношение соответствующее.»[61]

Однако ответ на этот вопрос был дан в статье **«К вопросу о самоуправлении» члена парткома Е. Бочкарева.** В ней приводится целый список причин, среди которых: низкий конкурс при поступлении, обусловливающий низкий уровень знаний и морали первокурсников; отсутствие у многих из них в прежней жизни домашних удобств; опека родителей, являющаяся причиной отсутствия навыков и представлений об азах самообслуживания; отсутствие воспитательного процесса на практике и сельхозработах; юный возраст и т.д. – из всего этого следует вывод, что

> «студент-первокурсник, проживающий в общежитиях в условиях нашего института, не готов к самоуправлению.»[62]

Примечательно, что представления о самоуправлении в 1986 – начале 1987 гг. еще не выходили за пределы общежития и не шли дальше уборки аудиторий. Совсем другая картина стала складываться в конце 1987 – начале 1988 гг.

Из Отчетного доклада комитета ВЛКСМ ОрПтИ о проделанной работе за период с VIII отчетно-выборной конференции (ноябрь 1986г.) до X отчетно-выборной конференции (ноябрь 1989 г.):

> «После выхода в 1988 г. постановления Минвуза «О расширении студенческого самоуправления» эта идея буквально захлестнула все учебные заведения. Прошла волна изобретения новых моделей взаимоотношений между администрацией и студентами. Впоследствии оказалось, что главным условием самоуправления являются

[61] Денисова Т. «От кого отвернулось войско?» // «Комсомольское племя» № 51 (6829) от 19 декабря 1087 года, с. 3.

[62] «Политехник» № 11 (408) от 27 марта 1987 года.

не положения, а уровень культуры людей. Но это понимание еще должно было прийти в результате долгого пути проб и ошибок.

Когда в начале 1988 г. по инициативе комитета ВЛКСМ, администрации, бюро ВЛКСМ на электротехническом факультете был подготовлен эксперимент по самоуправлению, долго обсуждали Положение о студенческом деканате, о группе и т.д. Надо сказать, что опыт работы студенческих деканов на ЭТФ был уже давно. Тогда студенческие деканы появились по инициативе самих ребят. Энтузиасты выдавали допуски, контролировали посещение занятий и т.д. На этот раз возобновление опыта было инициировано «сверху». Бюро ВЛКСМ направило делегацию в Уфимский авиационный институт для изучения опыта.

В каждой группе проводились собрания по обсуждению проекта Положения. Действовать пришлось самим. Роль преподавательского коллектива в развитии студенческого самоуправления ограничилась отдельными выступлениями на собраниях факультета и единичными разговорами в группах.

Снизу инициативу поддержала только группа первого курса 87 ЭФ-I (комсорг И. Вакушкин), которая заключила с деканатом договор на обучение. Опыт новоявленного студенческого деканата и группы не получил своего развития. От деканата – ввиду отсутствия студенческой поддержки. Не удавалось даже элементарного – собирать старост групп для текущей работы. Не было объединения идей вокруг главной цели.»

Из воспоминаний Игоря Вакушкина, комсорга гр. 87 ЭФ–1 (1988 г.):

«Мы, я имею в виду нашу группу, были помешаны на учебе, и деканат ратовал за успеваемость, даже проводил

соревнования между группами. Поэтому первое предложение, которое мы сделали декану, – провести эксперимент по студенческому самоуправлению. Мы обещали вывести успеваемость в группе на 4,5 балла в первую же сессию, а взамен просили свободное посещение лекций. Декан согласился.

После подписания соглашения в двух группах специальности «промэлектроника» было объявлено об эксперименте. Не все преподаватели охотно восприняли нововведение, некоторые говорили, что, мол, не знаем ничего про ваш эксперимент и знать не хотим, не ходите на лекции – ничего, на экзамене всё равно встретимся. Были и те, кто поддерживал нас.

Мы сами следили за успеваемостью, просили преподавателей уточнить материал, помогали конспектами, ну и общественным порицанием. Анализировали не только успеваемость, но и психологическую совместимость друг с другом. Выявляли не только тех, кто склонен к науке, но и общественных лидеров.

В итоге первую сессию сдали очень хорошо, было всего две четверки, и в итоге получили право на свободное посещение лекций. Это была победа, это был какой-то кураж!

А вот во вторую сессию мальчишек стали забирать в армию. Отсрочек тогда не давали. Экзамены я сдал на пятерки и одну тройку по физике, причем получил ее уже стриженый и с повесткой на руках.»

Из Отчетного доклада комитета ВЛКСМ ОрПтИ о проделанной работе за период с VIII отчетно-выборной конференции (ноябрь 1986 г.) до X отчетно-выборной конференции (ноябрь 1989 г.):

> «Таким образом, опыт единственной группы оказался малоинформативным. Преподаватели оказались не готовыми к новым отношениям с группой, а некоторые из них старались доказать его несостоятельность. В итоге группа не смогла выдержать условий Договора с деканатом.

Однако комитет продолжал обмен идеями, опытом. Представители комитета ВЛКСМ съездили на всесоюзную встречу в г. Горький и стали участниками банка идей студенческого самоуправления. Но было и понимание, что необходим переход на качественный уровень работы.

Работа комитета ВЛКСМ по расширению участия студентов в управлении вузом получила серьезный анализ и дальнейшее развитие на уже упоминавшейся IX комсомольской конференции 30 марта 1988 г., посвященной этому вопросу.

Первым серьезным вопросом на Учёном Совете, в рассмотрении которого приняли участие студенты, был вопрос о перестройке преподавания общественных наук, и в Постановление с подачи студентов были внесены изменения. Но вопрос об организации юридического всеобуча, поставленный по просьбе студентов, решить не удалось.

Отказался комитет ВЛКСМ от практики, когда научной работой студентов считалось присутствие на студенческих конференциях и отчёты о количестве докладов и студентах, участвовавших в НИР.

Комитет проводил и профориентационную работу со школьниками. Совместно с ФОПом была налажена связь с УПК Ленинского района, организовывались экскурсии по институту, встречи с бывшими выпускниками. Была перестроена работа штаба «Абитуриент».

Со временем свое участие в совершенствовании системы образования института комитет ВЛКСМ сосредоточил только на участии студентов в управлении ВУЗом.

В это же время предпринимались попытки перестроить внутрисоюзную работу. В 1988 году отчётно-выборная кампания была проведена в форме тестирования студенческой группы на психологический климат в коллективе. Однако груз старого по-прежнему создавал огромный фронт работ.

Чтобы освободиться от выбывших без снятия с учета, проводились рейды по домам, вёлся целый ворох переписки с адресными бюро всего Советского Союза.

Практически заново пришлось воссоздавать комсомольскую организацию преподавателей и сотрудников, выявляя неплательщиков членских взносов и не вставших на комсомольский учет. Чтобы выбрать делегатов на конференцию, собрание преподавателей и сотрудников пришлось собирать три раза. При этом возникал вопрос: «Зачем нужна такая организация, если её невозможно собрать?».

Пробовал комитет ВЛКСМ поставить работу путём изменения структуры комсомольской организации. Были сформированы курсовые и поточные организации, отменены бюро ВЛКСМ групп и оставлены только комсорги. Менялась и структура руководства факультетскими организациями, где факультетские бюро по секторам полностью дублировали комитет.

При решении вопросов, касающихся бытовых условий жизни студентов, комитет ВЛКСМ добился расширения базы для проживания студентов в общежитиях посредством выселения из жилых комнат различных служб, посторонних и вечерников. Также решил с администрацией давний вопрос о закупке музыкальной аппаратуры.

Сразу после выхода Постановления Минвуза СССР о праве общественных организаций на распределение 4% стипендиального фонда, комитет ВЛКСМ приступил к разработке соответствующего Положения для института. К работе были подключены студенты–члены Совета ВУЗа. По инициативе комитета ВЛКСМ все права на распределение сумм были отданы в учебные группы. Но надежда комитета ВЛКСМ на самостоятельное распределение денег группами, при котором достигался бы максимум объективности, не оправдалась. Из-за неорга-

низованности невозможно было даже вовремя оформить в бухгалтерии финансовый документ.

Серьезным вопросом для комитета ВЛКСМ стал вопрос, чем является стипендия – социальным пособием или платой за труд. Комитет вышел на IX комсомольскую конференцию с предложением дифференцировать систему распределения стипендий и получил поддержку. Первый вариант проекта (распределения стипендии по КТУ) был опубликован в газете «Политехник» через полтора месяца после актива. Он вызвал бурную реакцию и массу откликов, которые публиковались в «Политехнике» и сторонних газетах.

В ноябре 1988 г. комитет ВЛКСМ провёл актив, на котором заслушивался отчёт о работе членов Совета ВУЗа, обсуждались проекты распределения стипендии по КТУ и намечались дальнейшие перспективы работы.»

Распределение стипендий по КТУ – важная инициатива комитета комсомола, о которой тоже стоит поговорить особо.

XIX партийная конференция и Июльский (1988 г.) Пленум ЦК КПСС сделали идеи социальной справедливости и оплаты по труду очень популярными в советском обществе.

В мае 1988 года комитет ВЛКСМ предложил для широкого обсуждения проект Положения о распределении стипендии по КТУ (коэффициенту трудового участия). Как сама идея, так и проект сразу стали предметом острых дискуссий на страницах «Политехника», в студенческой среде и среди преподавателей.

«Партийно-преподавательскую» позицию можно показать на примере статьи бывшего секретаря парткома института **В. Щелокова «Не могу остаться в стороне»**.[63] В ней, в частности, написано:

[63] «Политехник», № 23(257) от 1 сентября 1988 года.

«Суть проекта – в дифференцированном подходе к назначению стипендии в зависимости от учебной, научной, общественной деятельности студента. Суть дискуссии: надо ли поощрять материально общественную работу, и если надо, то какую деятельность оценивать выше: старосты, комсорга, профорга, ведущих непосредственно работу с каждым студентом, либо члена комитета ВЛКСМ, депутата райсовета или другого выборного органа.

Мнения студентов и преподавателей разделились. В пылу споров некоторые называют комитет комсомола бюрократами, другие – противником перестройки, третьи – просто критикуют. Считаю, что если проект вызвал плюрализм мнений и критического анализа, то это уже успех в преодолении безразличия людей к принятию решений.»

Далее автор предлагает подход с позиции связи с производством, где

«систему оплаты труда диктует хозрасчет, т.е. оплата труда каждого работника зависит от двух факторов: от конечного результата работы подрядного коллектива и от индивидуального вклада в достижение высокого результата труда.

Но самое главное в хозрасчете – самостоятельность первичного коллектива, который самостоятельно выбирает наиболее приемлемую для него систему, по которой определяет КТУ своего работника.

Учитывается общественная работа? Не всякая. Как правило, коллектив повышает КТУ за работу, приносящую пользу бригаде, способствующую достижению высокого результата коллектива (это звеньевые или бригадиры, наставники, рационализаторы). А партгрупорги, члены советов бригады, а тем более члены выборных вышестоящих органов – для них предусмотрены другие

формы поощрения, и прежде всего – личное моральное удовлетворение от общественной деятельности.

Таким образом, исходя из принципа приближения оплаты труда студента к условиям производства, считаю, что комитету ВЛКСМ совместно с ректоратом и профкомом следует разработать систему дифференцированного распределения стипендиального фонда между студенческими группами в зависимости от их конечных результатов в учебной, научной и общественно-полезной деятельности. Распределение стипендии внутри группы следует доверить ей самой. Это и будет одной из форм реального самоуправления.»

Более радикально критическая позиция высказана в «газетной» статье **«Дискуссия продолжается»** и принадлежит, скорее всего, редактору.[64] В ней говорится (приводится в сокращении):

«Стипендия. Немаловажный фактор в жизни студента. Как сделать, чтобы стала она в вузе регулятором социальной справедливости? Назначать ли ее только за успехи в учебе – этот главный показатель отношения будущего инженера к своей профессии? Но единой ли учебой жив человек? Социальную активность он проявляет в различной общественной работе, затрачивая на нее и время, и силы. Платить стипендию с учетом этой общественной работы? Но как определить, кто и что больше в этой работе сделал?

С другой стороны, общественная работа – это добровольно взятое на себя обязательство, труд, который не предполагает какого-либо материального вознаграждения. Комитет ВЛКСМ разработал и предложил к открытому обсуждению проект временного Положения о порядке назначения и выплаты стипендии. Особый интерес приковало к себе Приложение к проекту, где

[64] «Политехник», № 23(257) от 1 сентября 1988 года.

различные виды общественной работы воплощаются в баллы, а те – в надбавки к стипендии.

Правда, многие ведут разговор о методике его внедрения, то есть обращают внимание на частности, не решив первый и принципиально важный вопрос – оправданы ли морально денежные выплаты за выполнение общественной работы?

Нужно сказать определенно: всякое доброе дело должно вознаграждаться. Морально или материально – это формы. Но может быть оттого, что не научились мы еще вовремя сказать простое человеческое «спасибо!», появилась такая строгая регламентация? Награждать и поощрять нужно. Но награда хороша и ценна тем, что человек не знает о ней, не ждет ее, и когда вдруг она ему вручается, он ей искренне радуется. А если награды нет, ну что ж – это же общественная работа.

Но в предлагаемом Приложении к Положению все вознаграждения заранее расписаны. Сколько должен получить комсорг, староста, спортсмен, дружинник, боец СО и т.д. Речь, следовательно, идет о механической доплате за общественную должность или вид общественного поручения. И студент может с карандашом в руках подсчитать, что ему к стипендии прибавится. Видимо, это и вызвало у авторов некоторых писем желание назвать это приложение «прейскурантом». В этом сейчас и заключается главный вопрос: нравственно ли такое соотношение видов общественной работы с формами их оценки?

Второй вопрос: нужна ли студентам такая детальная централизованная регламентация? Если существует определенный стипендиальный фонд, выделенный на группу, и в группе после начисления стипендии по учебным показателям остались «лишние суммы», то может ли группа сама решить, кому и за что набавить, или ей нужна предложенная система баллов?»

Итак, данная позиция понятна: общественная работа – дело личного выбора каждого, для ее поощрения есть моральное удовлетворение, а вознаграждение – говоря прямо, аморально. Нет только размышлений по поводу того, почему в советской системе существовали оплаченные должности секретарей партийных и комсомольских организаций, а доплата за ту же работу в группе – пусть с соответствующим значимым понижающим коэффициентом из-за меньшего объема работы – является аморальной?

Позиция от лица студента и комсорга группы изложена в статье **И. Вакушкина «Мое мнение»**.[65] В ней он писал (приводится в сокращении):

> «Прежде всего необходимо отметить, что голоса сторонников проекта на страницах газеты выглядят очень слабо по сравнению с его противниками, Трудно сказать, насколько сильно я был пропитан в детстве «бухгалтерско – арифметической идеологией», но могу сказать твердо: идея данного проекта мне по душе. Не закрывая глаза на недостатки этого проекта, нужно сказать, что идея заслуживает внимания.
>
> Особое возмущение вызывают у меня слова «платить» и «стоит». Суть проекта заключается не в оплате, а в поощрении общественной работы. До какой поры общественная работа в институте будет являться самой неблагодарной работой? Ведь не секрет, что сказать «Спасибо!» у нас в институте за хорошую общественную работу не торопятся, а найти пылинку в глазу всегда готовы.
>
> По-моему, в «стратегическом замысле авторов» нет желания поголовного участия студентов в общественной работе, а есть справедливое желание выполнения принципа «каждому по труду», независимо от того, какой вид труда, работы выполняется. Ведь что у нас

[65] «Политехник», № 23(257) от 1 сентября 1988 года.

сейчас происходит? Соцсоревнование почти на нуле, формы поощрения не срабатывают, выборы проходят формально, отсутствуют должные контроль и учет, социальная активность студентов низка, требования 100%-ной посещаемости лишь формальность, принципиальность в делах почти отсутствует, связь членов бюро ВЛКСМ с рядовыми комсомольцами слаба. И это во время перестройки!

На мой взгляд, все эти вопросы возможно решить или хотя бы сдвинуть с места. Соцсоревнование поднимется на более высокую ступень лишь потому, что наладятся учет и контроль. Заинтересованность в общественной работе увеличится, то же самое произойдет и с посещаемостью, а отсюда и более прочные знания. Очень важно не допустить в процессе назначения стипендии лишней волокиты и формальностей. Не надо так критически относиться к расчетам, а надо искать пути сокращения времени на них. Могу предложить практическую идею: использовать в этом ЭВМ.

Думаю, что выборы в профсоюзные и комсомольские органы тоже не будут проходить столь формально. Будет выбираться достойный студент. Нужно шире использовать право группы с ведома бюро ВЛКСМ снижать и повышать.

Мнение тов. А. Васильева (автора статьи «Прейскурант за общественную работу», «Политехник» № 21). Автор был добр на различные сравнения: начиная с «образчика махрового бюрократизма», он дошел до бед бюрократов (косвенно указывая на членов комитета ВЛКСМ). Вызывают сомнение и те «новые качественные критерии» в профсоюзе, так как профсоюз является в нашем институте самой бюрократической и формальной организацией. Это доказывает последняя студенческая конференция членов профсоюза. Но это уже другой разговор.

Несомненно, работу над проектом надо продолжить, и не спеша.

Осенью необходимо обсудить проект во всех группах, провести конференцию, а перед этим по итогам летней сессии попробовать рассчитать стипендию. И уже потом применить выработанное Положение.»

17 ноября 1988 года в «Политехнике» публикуется материал секретаря комитета ВЛКСМ **С. Воронкова «Чем завершится дискуссия? Два проекта Положения о назначении стипендии. Какой будет принят?»**[66] В нем подводился итог общественного обсуждения данного вопроса и делался шаг к следующему этапу:

«С 6 мая 1988 года проходит обсуждение Проекта положения о назначении и выплате стипендии студентам по коэффициенту трудового участия.

Поступило более 30 замечаний и предложений. Сразу после опубликования встал вопрос: «Оправданы ли морально денежные выплаты за выполнение общественной работы?»

Участники обсуждения разделились на две стороны. Поэтому инициативной группой было принято решение провести *общестуденческий референдум* (! – *авт*) по данному вопросу.

В газете публикуются два варианта проекта Положения, принципиально различных по отношению к общественной работе, и отрывной талон голосования для группы.»

Из 155 групп участие в референдуме приняли... 16. 30 ноября, после долгого обсуждения на активе, было решено оба проекта отклонить, и все оставить по-прежнему.

9 декабря в редакционном материале **«А третьего не дано? Комсомольский актив отклонил оба варианта про-**

[66] «Политехник», № 34 от 17 ноября 1988 года.

екта Положения о назначении стипендии» был дан «анализ» этого проекта.[67]

«Итак, два варианта проекта Положения о выплате стипендии отвергнуты комсомольским активом. Впустую затрачено много сил, энергии, времени и бумаги. Хорошая сама по себе идея – определение социальной справедливости – облекалась в них не в лучшие формы. И даже если бы какой-то из вариантов и был бы принят, то вряд ли надежно закрепился в студенческой жизни.

В чем видится слабость предлагаемых положений? Причин можно назвать несколько.

Аппаратный подход. Идея и формы ее реализации были предложены сверху. Много студентов осталось равнодушно к нововведениям. К обсуждению предлагались только два варианта, разработанные комитетом ВЛКСМ.

Оторванность проектов от реальных условий и возможностей. По логике авторов проекта, положение должно было обрадовать всех. Все студенты должны были повысить свою активность, пополнив при этом тощенький студенческий кошелек. Но откуда это «больше» возьмется, если вузовский стипендиальный фонд не увеличивается? Кто тут слукавил, умолчав о конкретной сумме денег, подлежащей этому перераспределению? Цифра эта оказалась очень невеликой. Но каким великим бы оказался конфуз, если конкретные студенты не получили бы обещанных в положении надбавок?

Формальный критерий активности. В выступлениях прозвучало, что цифры взяты «с потолка». Но дело не только в цифрах. Они адресованы должности, а не конкретному человеку. И не о социальной активности тут идет речь, а о банальном приработке. Коль ты

[67] «Политехник», № 37 от 9 декабря 1988 года.

«на должности» – получишь, а если в перечне тебя нет, но группу ведешь ты, а не спящие формалы, – то не получишь ты ничего. Прибавка баллов за общественную работу по предварительно разработанному перечню – это не награда, не поощрение, а значит, и не реализация социальной справедливости.

Но ведь во время обсуждения проекта были и другие предложения. Скажем, группа, отмечая активную работу какого-то студента, коллективно выносит *ходатайство перед вышестоящими* общественными организациями (курсив наш.– *авт.*) о поощрении за проделанную работу надбавкой к стипендии в последующем семестре в какой-то конкретной сумме. Кто это будет – формал или неформал – решать самой группе.

Это – один из вариантов, не претендующих на истину в последней инстанции.

Громоздкость предложенных вариантов. Проект предусмотрел двухэтажные формулы, но не предусмотрел, на чьи плечи в группе должна лечь вся учетно-бюрократическая миссия. Ведь кому-то надо вести досье обо всех и обо всем. Об участии и неучастии. О явках и неявках. О поощрениях и наказаниях. А ошибешься – получишь наказание.

Два предложенных проекта отклонены. Президиум актива предложил продолжить работу над идеей, разработав более гибкую систему назначения надбавки за общественную работу. Не отвлечет ли вновь это от реальных дел силы и время? А упущено было не только время, но и реальные деньги.»

Как внимал редактор каждому затруднению, каждой ошибке или неудаче комитета! Особо впечатляет концовка материала:

«Сколько нынешней осенью наши студенты потратили своего личного времени на работы, не связанные

с вузовской жизнью? А получили ли они за это деньги? И сколько? Осуществляется ли принцип хозрасчета во взаимоотношениях студент – овощебаза? Вот тут-то комсомольскому активу и поспорить с теми, кто привык смотреть на студентов, как на дармовую рабочую силу. Глядишь – и увеличилась бы казна комсомольская для проведения общественных мероприятий, награждений и поощрений.

А поощрять человека надо. За активную работу, за пользу, принесенную людям. По конечному результату.»

Здесь обращает на себя внимание финальное согласие автора с главной идеей этой инициативы. Но дойти до понимания, что в таком случае дело не в идее, а в ненайденной методике ее реализации, он не смог. Как не смог он себе позволить даже мысли, чтобы отказать тем, кто «привык смотреть на студентов, как на дармовую рабочую силу». Максимум, до чего позволила дойти «инерция мышления» советского партийца, – это до идеи извлечь материальную выгоду, поставив под сомнение термин «дармовая». Понять, что студент – это вообще никакая не рабочая сила, что называется, «по определению», и таковой его может сделать только добрая воля самого студента, а при системе трудовых отрядов, предоставляемых по первому требованию райкомов для затыкания дыр повсеместной бесхозяйственности, ни о какой доброй воле не могло быть и речи, – это было выше интеллектуальных возможностей газетного редактора.

А вот комитет ВЛКСМ пошел дальше, отказавшись *вообще* удовлетворять требования райкомов, сведя лицом к лицу головотяпствующих хозяйственников и студентов для пробуждения собственными усилиями первых доброй воли вторых.

Из Отчетного доклада комитета ВЛКСМ ОрПтИ о проделанной работе за период с VIII отчетно-выборной конференции (ноябрь 1986 г.) до X отчетно-выборной конференции (ноябрь 1989 г.):

«По организации трудовой деятельности студентов комитет ВЛКСМ предпринял попытку выстроить договорные отношения с колхозами и овощными базами на основе оплаты труда. Но опять споткнулся о равнодушие студентов.

Причину многих неудач комитет ВЛКСМ длительное время видел в недостаточной дисциплине и недостаточно ответственном отношении комсомольцев к своим обязанностям и поручениям. Поэтому решить проблему пытался наказаниями. Только за 1988 г. членам бюро факультетов и секретарям было объявлено 24 выговора и строгих выговора, из них 5 выговоров с занесением в учётную карточку. В среднем на каждом комитете ВЛКСМ слушалось по 2 персональных дела за халатное отношение к возложенным обязанностям. Когда наказания не помогали, «провинившиеся» выводились из состава как несправившиеся с работой. Очень трудно мышлению, привыкшему к административному стилю руководства, давалось понимание, что возможности административного нажима весьма ограничены, и страхом перед наказанием общественная работа не делается.

Это понимание привело к реформированию системы общественно-политической практики. Стержнем новой системы стало переориентирование общественных поручений на формирование навыков руководителя и внедрение в нее моральных и материальных стимулов. Было разработано новое Положение об общественно–политической аттестации, куда входили и стипендия, и балльная система при распределении выпускников,

и характеристики, и суровые меры к неаттестованным, вплоть до исключения из института.»

В целом 1988 год был годом поиска новых форм работы. Уже были удачи, но были и неудачи. Удачи радовали и звали не останавливаться на достигнутом. Неудачи подвергались анализу и осмыслению с точки зрения собственных ошибок или ограниченности собственного ресурса. И комитет искал пути, средства и формы для преодоления как первых, так и вторых.

Комитет ВЛКСМ не исключал собственных ошибок – не ошибается тот, кто ничего не делает, но считал работу над ошибками этапом в углублении своего опыта, ресурсом в дальнейшем движении. Однако далеко не всегда трудные вопросы оказывались в сфере его компетенции. Так, не смотря на некоторый прогресс, не всегда удавалось найти общий язык с администрацией. А от этого зависело финансирование, без которого невозможно было работать. В ведении администрации были материально-технические, хозяйственно-бытовые вопросы, вопросы помещений, территориального размещения и много других.

Например, трудно поддерживалось клубное движение, то вспыхивая, то угасая.

Из Отчетного доклада комитета ВЛКСМ ОрПтИ о проделанной работе за период с VIII отчетно-выборной конференции (ноябрь 1986 г.) до X отчетно-выборной конференции (ноябрь 1989 г.):

«Администрация не поддерживала его как нечто значимое, а студенты проявляли к своим клубам интерес меньше, чем студенты других вузов города, не смотря на неплохую рекламу в «Политехнике», выпуск своих фотогазет, объявлений о наборе.

Трудно давалась поддержка студенческого театра «Полимир». Отношение к нему администрации более харак-

теризовалось недоверием и безразличием, за три месяца работы удалось вытрясти с администрации всего несколько тысяч рублей на костюмы и сцену в актовом зале.

В «подвешенном» состоянии находилась Башня. После ухода ректора Козаченко А.Б., с декабря 1988 г. было прекращено ее финансирование. К тому времени на строительство ушло 78 тыс. руб. Были произведены демонтажные и монтажные работы, сделано железобетонное перекрытие, давшее два новых этажа, закончены крупные строительные перегородки, подведены новые коммуникации через улицу Выставочную и проспект Победы. Проделан огромный объём работ, остались отделочные работы. Но дальнейшая судьба Башни находилась в полной неопределенности.

Попытки обновить ФОП в соответствии с требованиями времени тоже не нашли понимание у администрации. Так и не удалось добиться дополнительного финансирования ФОПа, а выделяемых денег едва хватало на доплату двум–трем руководителям кружков художественной самодеятельности.

Захлебнулось и намерение комитета ВЛКСМ реанимировать совет по общественно-политической практике путем включения в эту работу кафедр общественных наук и выпускающих кафедр. Собирались несколько раз у проректора по учебной работе Верещагина Ю.Ф., составляли планы, закрепляли обязанности, устанавливали сроки, но все так и осталось на бумаге. Ни ректор, ни проректор по учебной работе так и не выполнили ни одного обещания.»

Но комитет комсомола уже привык работать в условиях «осадного положения». Он шел своим путем. И Сергей Воронков вынес из всей истории урок, что главная опора – это те люди, соратники и единомышленники, которые в общей работе становились друзьями. Не все комсомольцы были

такими, но такие в стенах политехнического института находились, потому что комсомольский задор и энтузиазм, разбуженные перестройкой, искали поле деятельности для реализации, а комитет искал тех «буйных», готовых работать так, как хотелось и представлялось новой когорте комсомольских лидеров. Многие из них получили путевку в жизнь именно здесь, в комитете комсомола политеха.

Из воспоминаний Дмитрия Кулагина, будущего секретаря комитета ВЛКСМ ОрПтИ (1990–1991 гг.):

«А у меня все начиналось так. В 1988 году я демобилизовался из армии. Было много мыслей, куда двигаться дальше, кем быть. Хотелось поехать в Москву поступать, но все взвесив, решил вернуться в родной политехничский институт. Памятуя мою комсомольскую активность, меня избрали комсоргом группы, и я добросовестно собирал взносы, придумывал какие-то мероприятия. В ноябре 1988 года мы решили поехать в подшефный Абдулинский детский дом, и я как активист автотранспортного факультета возглавил нашу группу. На мое счастье, от комитета комсомола с нами поехал Олег Котовщиков, он уже был заместителем секретаря комитета. Приехав в Абдулино, я развел там кипучую деятельность, выступил с пламенной речью, зажег детей, призвал их быть активными, начал предлагать какие-то игры и забавы, нацепил на пиджак какой-то значок, подтверждающий мое награждение почетной грамотой за активную работу, плюс две орденские планки за медали во время службы в армии. В общем, сразу было видно, что человек «чокнутый», чем Котовщиков не замедлил воспользоваться. По приезду в Оренбург он добросовестно сдал меня Сереге Воронкову, сказав, что вот этот буйный и надо как-то его посмотреть. Меня пригласил Сергей, побеседовал и предложил возглавить бюро комсомола автотранспортного факультета.

Так я стал секретарем факультетского бюро комсомола и продолжил свою бурную деятельность: придумывал КВНы, стенгазеты, постоянно торчал то в профкоме, то в деканате. Было достаточно интересно.»

Помимо понимания, что перестроить работу комитета комсомола и направить ее по новому пути невозможно без команды единомышленников, второй год работы и Сергея Воронкова, и возглавляемого им комсомольского органа был отмечен новым качеством – осмыслением их деятельности. Не смотря на все ошибки и сложности, комитет шел вперед, но теперь он пытался искать понимание и объяснение тех условий и причин, которые затрудняли или препятствовали этому движению. Со временем приходило понимание необходимости кооперации с другими структурами социализации институтского студенчества. Где-то эту кооперацию удавалось наладить, а где-то комитет, как прежде, оставался один на один с осознанием принципиальной ограниченности своих возможностей.

Из Отчетного доклада комитета ВЛКСМ ОрПтИ о проделанной работе за период с VIII отчетно-выборной конференции (ноябрь 1986 г.) до X отчетно-выборной конференции (ноябрь 1989 г.):

> «Так, не смотря на неудачу с распределением стипендии по КТУ, был сделан вывод, что в этом эксперименте логически все было сделано правильно. Любой проект, какой бы хороший он ни был, должен быть рассчитан на заинтересованность студентов. Если этого нет, то все бессмысленно. И комитет не повторил ошибок, учел реально подготовленных студентов, а обсуждение проектов и решение актива помогли сделать выводы и глубже разобраться в социальной среде вуза.

Не смотря на кажущуюся неудачу эксперимента на ЭТФ, он позволил сделать анализ и ряд практических конкретных выводов.

Первое: уровень участия студентов в управлении вузом – это уровень развития всего коллектива института. Для расширения участия студентов в управлении вузом необходимо понимание проблемы не только студентами, но и преподавателями, т.к. главный смысл самоуправления – это совершенствование системы обучения, а к этому должно быть встречное движение.

Второе: нормальная работа новых структур самоуправления возможна только если они выросли естественным путем из студенческой среды. Если этого нет, то необходимо использовать имеющиеся механизмы: советы факультетов, института, чтобы там работали представители, желающие действительно что-то изменить.

Третье: в обстановке, когда студенчество института в основной своей массе не ставит остро вопрос о профессиональной подготовке, комитету необходимо консолидировать тех, кого этот вопрос волнует и кто действительно хочет его решать.

Четвертое: как показал эксперимент, из-за неорганизованности невозможно было даже вовремя оформить в бухгалтерии финансовые документы. Таким образом, благо, спущенное «сверху», студентами не ценилось и превратилось в навязывание. Как разрешить эту проблему, надо думать дальше. При этом необходимо подключить к этому как можно больше студентов.

Процесс изменений в стране внёс свои коррективы в понятие военно-патриотической работы. Политика нового мышления, процесс разрядки, идеи гуманизма и пацифизма – всё это заставляло иначе понимать словосочетание «военный» и «патриотический». Первое теряло свои позиции, в силу набирающей обороты разрядки международной напряженности и уже начинавшихся процессов

разложения в армии, а второе набирало силу. Приходилось серьезно задумываться, как по-новому строить такую работу.

Международное положение, положение внутри страны и тенденции их развития в новых условиях требуют серьёзной тщательной работы общественных наук, нежели формальных кружков. Здесь необходимо искать новые формы работы образовательных кружков, в которых должны работать профессионалы, а работа студентов должна основываться на интересе и желании. К этому в институте не стремятся ни обществоведы, ни выпускающие кафедры. Между тем, работа по формированию мировоззрения и гражданской позиции глобальна, с точки зрения ее осмысления, и кропотлива в исполнении. Она требует к себе серьезного отношения и объединения всех сил института.

Еще в мае 1987 г. комитет ВЛКСМ подготовил и провел актив, на котором обсуждались новые разработанные комитетом положения об общественно-политической практике и общественно-политической аттестации. На актив были приглашены преподаватели кафедр общественных наук и секретари комитетов ВЛКСМ базовых предприятий. Предприятия проявили к инициативе комитета ВЛКСМ большой интерес, чего не скажешь о кафедрах общественных наук.

Понимания, что основа общественно-политической работы – это самоопределение личности, ее личная, а не персональная ответственность, а лучшая система контроля – это заинтересованность коллектива в самом низу, не было. Требовалось серьезное переосмысление активности личности, смысла общественных организаций и т.д.»

Предметом размышлений все больше становилась даже культмассовая и досуговая работа. Налицо было резкое падение активности и инициативы. По данным соц. исследо-

ваний в институте, проведенных С.П. Иваненковым, 82% студентов были не удовлетворены досугом института, 30% считали, что досуг должен организовывать комитет, т.е. 82% студентов открыто заявляли, что в организации своего досуга принимать участие они не собираются. Особенно заметно это было в масштабах института. Желание самоорганизации своего досуга еще жило в жизни общежитий, но и оно заметно сдавало.

Красноречивый пример тому – ситуация вокруг дискоклуба «Галактика». Ей было посвящено несколько публикаций в «Политехнике». Так, в одном выпуске встречаем:[68]

Студентка гр. 87–С–5 **О. Деникина** в заметке **«Не знаю, с чего начать»** пишет:

> «В газете «Политехник» появилась новая рубрика «Жить интересно!». Тема злободневная. Нет такого студента, которому бы не хотелось интересно жить. Дело в другом. Жить интересно хочется всем, а вот сделать что-либо для того, чтобы так действительно стало, хочет не каждый, а иные просто не могут – нет таланта.
>
> Уже несколько раз на страницах газеты «Политехник» поднимался вопрос о том, нужна ли дискотека «Галактика». Может, лучше буфет с горячим питанием? Получается так, что студентам в общежитии интереснее набить желудки перед сном, чем вечером весело и интересно отдохнуть после учебной недели. Не понятно, зачем буфет, если есть столовая? Наверное, гораздо интереснее было бы, если б она работала нормально.
>
> Ведь если разобраться, «Галактика» – единственное место в институте, где можно более или менее интересно провести свое свободное время. Если, конечно, это делать с умом. Есть еще видеозал «Гриф». Хорошо, что о том, нужен ли он в общежитии, никто

[68] «Политехник» № 37 от 9 декабря 1988 года.

пока еще не спорит. Вот и все, что на сегодняшний день есть в институте.

Понятны стремления тех, кто на страницах «Политехника» предлагает нам свои варианты интересной жизни. Они действительно хотят сдвинуть дело с мертвой точки. Но от того, что появились предложения, интереснее не стало. Можно понять и тех, кто критикует нашу НЕинтересную жизнь, но и это ничего не меняет. Хотелось бы спросить тех, кто предлагает, и тех, кто критикует: «А что вы сделали для того, чтобы жить стало интереснее?».

Так вот, я ничего не предлагаю, я никого не критикую. Более того, в институте мне страшно НЕинтересно, но ничего изменить не могу – не знаю, с чего начать.»

Ей в письме **«А мы против»** оппонирует член студсовета общежития № 3, командир оперотряда **С. Ревякин**:

«Много разговоров идет о дискоклубе «Галактика», который работал в 1986–88 годах в общежитии № 3, но с апреля нынешнего года дискоклуб не работает. Спросите, почему? Ответ элементарно прост. После своего открытия дискоклуб работал год только для студентов института. Кончился учебный год, и дискоклуб в коммерческих целях перешел на городскую площадку «Тополя».

Еще большую славу заслужила «Галактика», но уже не у студентов-политехников, а у подростков близлежащих районов. И с сентября прошлого года в «Галактику» потянулись все, кому не лень. А студент политехнического, после трех-четырех пар занятий отважившись зайти в нее, уходил разочарованным. Кому будет приятно танцевать в душном зале с безобразно ведущими себя подростками? Вопрос ведущим «Галактики», почему у них посторонние, оставался без ответа, потому что им нет разницы, кто танцует, – лишь бы заплатили 1 рэ.

Комитет комсомола не организовал дежурство оперотряда, так как не считал себя причастным к «Галактике». «Галактика» принадлежит профкому – пусть профкомовцы сами и дежурят.

Действительно, профком студентов материально обеспечил «Галактику», а все остальное – чистоту и порядок – никто не обеспечил.

Куда же смотрел студсовет? Студентов общежития № 3 ходят в «Галактику» единицы, а убирать помещения после посетителей «Галактики» у нас не хватит времени.

А сколько раз приходилось выводить разбушевавшихся подростков?!

Вы не поймите, что студенты общежития N° 3 против «Галактики». Мы – не против, но не место институтскому дискоклубу в общежитии, к тому же с общим входом в жилые помещения.

По первоначальному проекту на месте дискоклуба должно было быть помещение для проведения культурно-массовых мероприятий, а на месте красного уголка должен был быть буфет. Теперь же получается, что в красном уголке будет оборудован буфет, проживающие будут проводить свои мероприятия по этажам, а в «Галактике» будут веселиться школьники.

Студенты общежития против открытия «Галактики».

Наше предложение: не открывать «Галактику» до переноса ее в башню. В перспективе помещение переоборудовать под красный уголок.»

Вот так – одни не могут, другие – не хотят. Комитет пытается понять, откуда эти явления?

Выражают свое недовольство и озабоченность состоянием культурно-массовой работы в институте препода-

ватели-специалисты, но... лишь работающие в этой сфере. Тревогой проникнута публикация члена жюри традиционного фестиваля–смотра художественной самодеятельности «Осень–88» **В. Савина:**

> «Фестиваль «Осень» традиционно проводится в нашем институте с целью проверки творческих способностей первокурсников.
>
> Раньше такие фестивали выявляли большое количество способных к самодеятельному художественному творчеству ребят, которые часто выступали с концертами, награждались ценными подарками и грамотами не только администрацией института. Гордостью вуза был духовой оркестр, одетый в красивую униформу. А сейчас этого нет? К нашему общему и великому сожалению.
>
> Что случилось, почему сфера духовной жизни студентов, преподавателей и сотрудников института никого уже не тревожит, не заставляет думать о том бездуховном вакууме, в который втягиваются все новые и новые поколения? Не тревожит и такое словосочетание, как «безнравственный инженер», которому предстоит работать с людьми в сфере производства. Общественная активность – вот залог успеха в учебе, в труде.
>
> Автотранспортный факультет отказался участвовать в нем [в фестивале].
>
> 28 ноября был открыт фестиваль выступлением электротехнического факультета. Ничего нового, оригинального ребята не показали. Высокохудожественных номеров не было. Да и подготовить программу за несколько дней было просто невозможно. Затрачены труд, время, нервы, а в итоге – примитивизм, серость. Кто в этом повинен, надо серьезно разобраться на факультете.

На первом концерте в зале было очень мало студентов, болельщиков, а о преподавателях и говорить не приходится – их не было вообще, за исключением заместителя декана ЭТФ.

Общий уровень исполнительского мастерства оказался невысоким. И это очень обидно. Духовная жизнь студентов – это наша общая жизнь.

Отзвенели аккорды гитар, песни, стихи, танцы, а на сердце нет успокоения. Это от чувства вины нашего поколения перед молодежью. Кто повинен в том, что студенты занимаются художественной самодеятельностью от случая к случаю? А бессистемность и приводит к таким результатам. На сцену «протаскивается» безвкусица, безыдейность. Хотя все мы твердо знаем, что искусство должно воспитывать.

А место, где проходил фестиваль? Кто повинен в том, что до сих пор не оборудован актовый зал и его сцена? Плохая акустика, а из-за отсутствия света на сцене плохо видно выступающих. Нет кулис, занавесей, штор – вся эта обстановка не создает праздничной и радостной атмосферы. До сих пор не решен вопрос о костюмах для выступающих, о музыкальных инструментах, микрофонах и другой атрибутике.

Практически негде заниматься участникам художественной самодеятельности в подготовительный, повседневный период. Повернемся ли мы лицом к этому аспекту воспитания эстетических вкусов, нравственных позиций молодежи? С этим вопросом я обращаюсь к руководству института, парткому, профкомам, комитету ВЛКСМ.

Необходимо сделать так, чтобы художественное самодеятельное творчество студентов стало неотъемлемой частью их жизни, делом, к которому они бы стремились с душой, интересом, а не существовало ради отчетов на фестивалях.

Я надеюсь, что руководство института, деканаты, правильно поймут мое выступление в газете и, не ища различных отговорок, препятствий, окажут практическую помощь в возрождении былой славы студенческого художественного творчества.»

Из Отчетного доклада комитета ВЛКСМ ОрПтИ о проделанной работе за период с VIII отчетно-выборной конференции (ноябрь 1986 г.) до X отчетно-выборной конференции (ноябрь 1989 г.):

«Понятно, что причин здесь несколько, они рождены не одним годом. Первая причина – в самих студентах. Не секрет, что именно общий уровень культуры определяет формы и содержание досуга человека. Поэтому не стоит удивляться тому, что даже то, что организуется самими ребятами, проводится на самом примитивном уровне. Кроме того, уровень культуры тесно связан с активностью, это – вещи взаимовытекающие, относящиеся к процессу воспитания и формирования личности.

Чем же этот процесс характеризуется в политехническом институте? Причина запущенности в том, что один из важнейших факторов воспитания – традиции – в институте уже долго не формируются или теряются в зародыше. О какой либо преемственности говорить и не приходится.

К сожалению, культурное лицо вуза для руководства и коллектива – дело второстепенной важности. Убогое материально-техническое оснащение культуры, а вернее, полное его отсутствие ставят ребят в такое положение, когда для того, чтобы что-то организовать, приходится все нести из дома – от электрического провода до музыкального центра. Затем часами вылавливать и умолять лаборанта с ТСО, чтобы включил озвучивание, постоянно искать помещение для репетиций т.д. Быть активным участником

подготовки культурных мероприятий в институте просто непочетно. Все – от вахтера до преподавателя – смотрят на таких активистов искоса, да и товарищи по учебе иронизируют. Одни их обвиняют в изрезанных креслах и заплеванных полах, другие – в том, что забивают себе голову не учебой, а чем угодно. Быть активистом в институте очень накладно и неуютно. Не удивительно, что многие студенты ищут самовыражение на стороне, а не в стенах института.

Долгое время основной причиной всех бед считали низкий уровень комсомольской дисциплины и пытались решать вопросы путем нажима, наказаний по комсомольской линии. Но анализ этой практики показал сразу несколько аспектов сложности этой проблемы.

Комитет ВЛКСМ являлся единственным органом, кроме администрации, решающим судьбы комсомольцев, т.е. практически всех студентов. Поэтому все сигналы на студентов, от официальных бумаг из вытрезвителей и судов до неофициальных жалоб соседей, приходили в комитет ВЛКСМ и принимались к рассмотрению.

Надо сказать, что комитет ВЛКСМ всегда пытался объективно готовить персональные дела. Чтобы составить представление о человеке, приходилось встречаться и с соседями, и со знакомыми. Но о какой объективности можно говорить, если в комиссию по подготовке персональных дел входили такие же студенты, а разбирать приходилось дела, в которых не всякое следствие разобралось бы? Поэтому, в противовес требованию к ужесточению дисциплины, комитет ВЛКСМ решил, что у такой системы есть очень серьезные изъяны.

Во-первых, это зачастую некомпетентность общественных организаций в разборе персональных дел, т.к. они созданы и выстроены не для этих целей. Это можно допустить внутри организации, но в нашем обществе, где исключение из ВЛКСМ может повлечь другие, довольно

тяжкие последствия, вопрос персональных дел приобретает более серьёзный оттенок.

Во-вторых, страх перед вышестоящим органом, а не боязнь потерять авторитет товарищей, развращает людей. Он искажает шкалу ценностей, убивает всякий воспитательный эффект, т.к. товарищи при этом не дают принципиальную оценку, а сочувствуют «жертве», что не заставляет людей задумываться над тем, что происходит вокруг. Причем при рассмотрении персональных дел опять наблюдался закономерный процесс: чем строже и принципиальней подходил к рассмотрению дела комитет, тем сильнее защищала наказанного группа. Это тревожило комитет, приводило к мысли, что есть в этой форме работы какая-то неправильность.

В-третьих, являясь как бы высшим идейно–воспитательным органом в институте, комитет комсомола стал неким судом, определяющим последнюю меру наказания студента. И если по комсомольской линии студент мог подать апелляцию, то в случае исключения его из института по ходатайству комитета ВЛКСМ, восстановление было исключительным случаем. Это накладывало на комитет такую меру ответственности, справиться с которой объективно у него не было возможности.

В результате комитет изменил свою позицию в этом вопросе. Отказавшись от огромного объёма работы по персональным делам, он перенес акцент на переосмысление понятий «дисциплина» и «воспитание».

Эта рефлексия самым существенным образом сказалась на переосмыслении работы в общежитиях – одном из наиболее сложных направлений работы, как администрации, так и всех общественных организаций института. Комитет ВЛКСМ стремился наладить дисциплину в общежитиях, выявляя нарушителей и ужесточая спрос со студсоветов. Дисциплина, за которую ратовал комитет ВЛКСМ, как многое тогда, держалась на страхе, и этот

принцип срабатывал. Но наблюдался и другой процесс. Чем больше комитет применял в общежитиях дисциплинарные меры воздействия, тем меньше становились роль и авторитет студсоветов. Зачастую получалось так, что комитет напрямую вмешивался в жизнь общежитий (уборка прилегающих территорий и т.д.), уже пренебрегая мнением самих студентов.

Сил комитета для наведения порядка оказалось недостаточно. Тогда весной 1988г. он обратился в партком с предложением принять участие в жизни общежитий путем формирования в них студенческих партгрупп. Предложение было поддержано, но дальше разговоров дело не пошло.»

Даже такое направление, как организация студенческих стройотрядов, начинало давать сбои. Меньше набиралось отрядов, падали объемы освоения. Отряды уже были не те, они теряли своё былое лицо, на глазах стройотрядовское движение в вузе гасло. Комитет искал причины.

«У комитета было понимание, что стройотряды как движение складывается годами. Это формирует и традиции самого ВУЗа, преемственность поколений, когда младшие курсы перенимают опыт старших и идут дальше. Что стройотряды в любом институте – это его лицо. Никакая система профориентации не сработает лучше, чем выезжающий стройотряд. И освоенные миллионы, и десятки концертов, безвозмездная помощь школам, садам, интернатам и ветеранам, сама жизнь отряда поднимают престиж института не только у населения, но и вызывают гордость за институт у самих студентов. По большому счёту, стройотряд – это свой уклад социальных отношений, особый дух жизни, поскольку это не только третий трудовой семестр, но это коллектив друзей и единомышленников, знающих цену дружбе, взаимопомощи, взаимо-

выручке и друг другу. Это своеобразный социум, который воспитывает у студента умение работать и отдыхать, профессиональные навыки, жизненную самостоятельность, коллективизм и т.д. Учитывая важность этой школы для становления молодого человека, тем более в условиях такого молодого института, как ОрПтИ, стройотрядовскому движению требовалось понимание, бережное отношение и скрупулезное накопление, складывание традиций.

Как отнеслись к этому в институте? После выхода постановления Минвуза СССР в 1987 г. о запрещении совмещения практик с работой в стройотрядах и провозглашением ЦК ВЛКСМ добровольности в формировании ССО, началось шараханье из крайности в крайность. Если раньше на институт спускали разнарядку по ССО, и администрация порой формировала отряды даже там, где это было противоестественно, то с выходом этих новых документов бросились в другую крайность – запрещению где только можно, как бы в отместку за бывшие разнарядки.

Резче всех «перестроился» зав. кафедрой строительных дисциплин Г.Н. Карпов, который за два года сумел свести на ноль стройотряды на строительном факультете – гордость не только института, но и области. Ратуя за подготовку специалиста, этот радетель противопоставил ССО и практику, обещая сделать её «настоящей». При этом было совершенно проигнорировано соображение, что даже если кафедра будет очень стараться, то пока в этом не заинтересовано само производство, хорошей практики не будет. А то, что оно платит за специалиста деньги, этой заинтересованности не прибавило.

Бесконечные беседы и уговоры за выезд каждого отряда успехов почти не давали. Администрация факультета умело сводила всё на нет. Правда, на других факультетах отношение не было столь негативным. Но трудности все равно были.»

В итоге стройотрядовское движение на много лет практически исчезло из вузов страны, в Оренбургском политехническом институте в том числе.

Вместе с тем, в 1988 году в политеховском комсомоле шли очень разнонаправленные процессы.

Из воспоминаний Олега Котовщикова, зам.секретаря комитета ВЛКСМ ОрПтИ по орг.работе (1988–1990 гг.), будущего директора МЦ «Политехник»:

«Я не помню, чтобы я сильно заморачивался идеями марксизма-ленинизма, но то, что комсомол давал возможность себя реализовать – это факт, однако только для тех, кто сам этого хотел.

Из этого периода комсомольской жизни я помню стройотрядовское движение, которое было мощным и отлично развитым. Была структура со своими руководителями на факультетах, командирами отрядов. Ездили по всей стране, строили дороги, здания, работали проводниками на поездах, вожатыми в лагерях, убирали урожай. Это была реальная армия, в масштабах города. Относительно недорогая рабочая сила, которую с удовольствием брали на выполнение несложных работ. По-настоящему я это оценил, когда после окончания института стал директором МЦ «Политехник» и занимался организацией и распределением стройотрядов. Они разлетались по объектам, как горячие пирожки. Мы собирали заявки от организаций и отправляли им сформированные отряды и неплохо на этом зарабатывали.

Тогда возникла идея составить конкуренцию Виктору Доценко, который курировал этот вопрос в обкоме комсомола. Самому мне тоже посчастливилось поработать в стройотрядах, где я был комиссаром. Мы строили теплицы в Кушкулях, которые потом много лет кормили город огурцами и помидорами.»

Из воспоминаний Игоря Вакушкина, будущего секретаря комитета ВЛКСМ ОрПтИ (1991–1992 гг.):

«Можно сказать, что в этот комитет комсомола я пришел в армии. Это, конечно, образное выражение. Мы с ребятами постоянно переписывались, они мне сообщали вести, присылали газету «Политехник», обменивались информацией.

Удивительно, но я, уже будучи первые месяцы в армии, написал в газету «Политехник» заметку без названия, где высказал свое мнение по поводу примерного Положения о порядке выплаты стипендии – это был экспериментальный проект, предложенный комитетом комсомола института. Эта позиция очень сильно критиковалась в газете. Я высказал свое мнение, и оно было опубликовано в институтской газете. Мне было очень удивительно под новый год прочитать, что это случилось.

Вместе с тем, в армии же зародилась некая нелюбовь к редактору, хотя он меня принял и опубликовал. Но получалось, что он активно критикует комитет комсомола, т.е. и печатает информацию и материалы, и тут же критикует за ту же столовую, за те же стенды, за какие-то неразобранные комнаты в общежитиях. И я так понимаю, что его сверхкритичный подход к деятельности комитета не вызвал у меня никакого интереса.

Тем не менее, через газету я узнавал о том, что, например, в декабре 1988 года комитет готовит юбилейный вечер, посвященный 70-летию ВЛКСМ; про новые формы – и субботники, и стенгазеты, и розыгрыш путевок и т.д.

Но уже в ноябре 88-го, когда еще я был в армии, произошло эпохальное событие для комитета комсомола политехнического института. Как написала газета «Политехник», это предложение А.Павлова о том, чтобы комсомол стал союзом различных молодежных организаций, клубов по интересам. И, видимо отталкиваясь от этой идеи, как я понимаю, родилась идея перерегистрации членов ВЛКСМ, идея создания первич-

ных организаций по интересам. Я с большим воодушевлением читал об этом, находясь в армии, мне это очень нравилось.

Я точно знаю, что молодежный нигилизм во мне жил очень крепко и глубоко. Я еще на школьных собраниях мог себе позволить критические высказывания в адрес формализма или нечестности во всем, вплоть до формирования президиума. Эта «цепляемость» за чистоту и честность вызывала во мне большие негативные эмоции и по поводу автоматического вступления кого-нибудь куда-нибудь. Например, когда я лично принес свой комсомольский билет в бюро комсомола факультета, то там сильно удивились, а я сам сильно удивился, когда узнал, что автоматически стал членом студенческого профсоюза, куда, как оказалось, всех первокурсников зачисляли «автоматом», а потом с меня «автоматом» брали профсоюзные взносы. Это было зарождение моей нелюбви к профсоюзу как таковому.

Поэтому огромное удовольствие вызвала у меня инициатива возможности создания первичных организаций по интересам, не как клуб по интересам, когда просто на гитаре играешь, песни поешь или в КВНе играешь, а когда речь именно об интересе, связанном с какой-то деятельностью, интересе активном, серьезном, глубоком.»

Этому «эпохальному событию» в жизни институтского, да и, пожалуй, всего Всесоюзного комсомола будет посвящен следующий год.

1989 ГОД

Чтобы понять все изменения, происходившие в этом году в комсомольской организации Оренбургского политехнического института, следует обратить внимание на те процессы, которые шли повсеместно в стране. В наиболее концентрированном и оформленном виде основные ориентиры, проблемы, острые вопросы выражались в дискуссиях и решениях ЦК ВЛКСМ.

Из исследования **Владимира Мироненко**, первого секретаря ЦК ВЛКСМ (1987–1990 гг.):[69]

> «1989 год стал для комсомола годом окончательного уяснения и понимания целей и задач реорганизации союза. Этому во многом способствовало то, что понимание действительных объективных целей перестройки стало возникать и в обществе, и в партии. На этой основе в 1989 году произошло решительное политическое размежевание, которое не могло не затронуть и затронуло все общество, молодежь, комсомол.
>
> Еще в марте 1988 года (т. е. год назад! – *авт.*) на научной сессии НИЦ ВКШ были рассмотрены темпы перестройки в комсомоле и факторы ее торможения.
>
> Началось обсуждение второго, более глубокого слоя проблем, связанных с демонтажом мобилизационной модели. Какое место должен занимать комсомол в системе общественных организаций? Может ли он быть единственной общественно-политической

[69] Мироненко В. Комсомол в период перестройки советского общества: в поиске новой модели союза и новой молодежной политики. (1985–1990 гг.). Дисс.на соиск... канд.истор.наук.// http://vimironenko.narod.ru/sci/sci0001/sci0001_0.htm

организацией молодежи в стране? Комсомольские организации и самодеятельные объединения молодежи: взаимодействие или конфронтация? Впервые за пятьдесят лет на обсуждение был вынесен вопрос *о партийном руководстве комсомолом*. (курсив наш. – *авт.*)

На XIX Всесоюзной конференции КПСС, открывшейся 28 июня 1988 г. в Москве, в выступлении первого секретаря ЦК ВЛКСМ впервые было прямо сформулировано положение о том, что «комсомол выступает *против монополизации* молодежи, но будет *бороться за право* быть ее авангардом». (Здесь и далее курсив наш.– *авт.*)

Этим вносилась ясность еще в один вопрос – вопрос о так называемых неформальных объединениях молодежи. ЦК ВЛКСМ последовательно поддерживал их, считая союзниками в «разбюрокрачивании» комсомола и разгосударствлении молодежного движения. Неформальные молодежные группы и объединения объективно стимулировали процессы демократизации в ВЛКСМ.

Чем быстрее развивался общий политический процесс, приобретший новое качество после XIX Всесоюзной партийной конференции, тем яснее становилась ограниченность начального плана перестройки в комсомоле. Однажды начавшись, эти процессы должны были *затронуть всю структуру* молодежного движения в стране.

Споры вокруг этих и других вопросов реформирования комсомола и его деятельности нарастали в течение всего 1988 года и к концу года приобрели характер общекомсомольской дискуссии. Бюро ЦК ВЛКСМ 25 ноября приняло решение о ее подготовке и проведении в 1989 году. Платформа ВЛКСМ на выборах народных депутатов СССР стала первой кол-

лективной попыткой сформулировать программу союза.

17 марта на VI пленуме ЦК ВЛКСМ были избраны 75 народных депутатов от ВЛКСМ. 25 апреля на Пленуме ЦК КПСС обсуждались итоги выборов. Такой атаки на комсомол не было со времени начала его реформирования. А.Г. Мельников предложил даже создать специальную комиссию для расследования деятельности ЦК ВЛКСМ.

В результате выборов народных депутатов зимой и весной 1989 года у комсомола появился реальный рычаг политического воздействия на органы государственной власти. Его предполагалось использовать для выдвижения законодательных инициатив. Первой и главной из них был, по общему убеждению, Закон о молодежи.

Трудно приходило понимание того, что монополизм в молодежном движении изжил себя, что комсомол должен способствовать становлению плюралистической свободной модели молодежного движения, становиться не единственной, а одной из многих молодежных организаций, объединяемых в национальных рамках «зонтичной» структурой. Все склонялись к тому, что такой структурой вполне мог бы стать Комитет молодежных организаций СССР.

В первой половине 1989 года основное внимание ЦК ВЛКСМ было приковано к созданию основ новой государственной молодежной политики и все более обостряющимся спорам вокруг вопроса о будущем организационном строении комсомола.

На открытии первого съезда народных депутатов СССР 2 июля 1989 года в своем выступлении депутат С.Червонопиский сказал: «Самое обидное – это то, что вы, старшие товарищи, наши деды и отцы, *не оставили для нас, для молодежи, хоть какие-ни-*

будь приемлемые идеалы, по которым нам строить свою жизнь, к чему стремиться, за что бороться и на чем воспитывать молодежь».

Молодежь пытались перетягивать на свою сторону разные политические силы. Но решением молодежных социальных, правовых и других проблем занимался исключительно ЦК ВЛКСМ и комитеты комсомола.

На совещании в ЦК КПСС 18 июля 1989 года М. Горбачев в своем докладе впервые выразил позицию партии: «Комсомол может и должен стать *политической организацией молодежи, выражающей интересы юношества*. Но такой политической силой комсомол может быть при его вовлечении в формирование и функционирование *политической власти и органов управления на всех уровнях*. Главное направление перестройки комсомола мы видим в обеспечении его полной организационной самостоятельности, *самодеятельного* характера... Видимо, *не надо стремиться к тому, чтобы членство в комсомоле было всеохватывающим*...

На совещании говорилось о том, что процессы перестройки в комсомоле идут медленно. «Остро стоит вопрос о возрождении авторитета комсомола в молодежной среде, да и в целом в обществе. А этого нельзя добиться, *не перестроив внутреннюю структуру и саму жизнь* комсомольских организаций.»

Но главным результатом было признание необходимости его преобразования и *изменения характера отношений между КПСС и ВЛКСМ*. Это был большой шаг вперед.

26 июля 1989 года начали работу дискуссионные центры по повестке дня VIII Пленума ЦК ВЛКСМ. На них впервые появляется проект Устава ВЛКСМ, ав-

торство которого формально принадлежало секретарю комитета комсомола МГУ М. Сотникову.

В выступлении М. Сотникова на пленуме ЦК говорилось о том, что «из организации структурно жесткой ВЛКСМ должен превратиться в *движение молодежи и ее организаций*, ассоциаций и других гибких структур... Наличие огосударствленного комсомола, выполняющего сегодня функции ведомства по делам молодежи, теряет смысл. Комсомол должен стать движением, в котором проходили бы *школу будущие политические лидеры*, будущие народные депутаты».

И сам документ, предложенный группой Сотникова, и изложение его положений на пленуме ЦК носили очень путаный, эклектический характер. Наряду с правильными положениями, в нем содержались такие идеи, которые *неминуемо привели бы к гибели* союза как организации.

Это был *проект самоликвидации ВЛКСМ*, превращения его в *клуб молодых политиков.* С высоты сегодняшнего опыта, совершенно ясно, что группа Сотникова транслировала на молодежном уровне *идеи своих старших вдохновителей*, думавших не столько о будущем страны, а о собственном будущем.

Так в ходе практического реформирования ВЛКСМ окончательно сформировались *две точки зрения* на ход перестройки в комсомоле и ее очередные задачи.

28-29 июля 1989 года в Москве собирается VIII пленум ЦК ВЛКСМ, который обсуждает вопрос «О положении в ВЛКСМ».В докладе первого секретаря ЦК ВЛКСМ В. Зюкина говорилось о том, что «ситуация в комсомоле характеризуется очень острым проявлением накопившихся проблем, противоречий, *очевидным разрывом* между традиционными представ-

лениями о сущности, целях, устройстве комсомола и очень быстро меняющейся ситуацией в обществе и среди молодежи... *В комсомоле кризис.* XX съезд сделал что мог. Созыв XXI съезда нужно ускорить.

Из анализа ситуации в ВЛКСМ делался вывод, имеющий принципиальное значение. «Перестройка ВЛКСМ начата сверху. Но сегодня совершенно очевидно, что осуществить ее только сверху не удастся. Мы подошли к такому рубежу, когда необходимы изменения не только в формах, методах, *но и в сути, содержании* деятельности».

По решению предыдущего VII Пленума ЦК ВЛКСМ была создана комиссия по подготовке концепции изменений в Уставе ВЛКСМ. В процессе работы комиссии выявилось два подхода к разработке модели ВЛКСМ, и на их основе подготовлено три варианта проекта Устава. Все три проекта объединяло понимание того, что существует «растущее несоответствие внутрисоюзных норм, внутренней структуры комсомола запросам членов нашей организации, их пониманию содержания и устройства современной организации».

Далее начинались разногласия. Первым секретарем ЦК ВЛКСМ В. Зюкиным были предложены следующие основные направления корректировки устройства союза. Это – разграничение полномочий центра и мест; новое понимание принципа демократического централизма; учет специфики различных категорий молодежи и создание организаций *не только по территориально – производственному принципу*, но и по другим признакам; *преобразование ВЛКСМ в федерацию союзов молодежи*; финансовая самостоятельность комсомольских организаций; *понимание комсомола как молодежного движения*. Было предложено подумать о замене принципа де-

мократического централизма принципом *демократического единства*.

В Резолюции VIII Пленума ЦК ВЛКСМ «О положении в ВЛКСМ и текущем моменте» было сказано, что «ЦК ВЛКСМ выступает за объединение всей молодежи на платформе перестройки. Комсомол не претендует на монополию в выражении интересов всей молодежи страны...».

Пленум принял также постановления «О проведении XXI съезда ВЛКСМ», «О разработке новой редакции Устава ВЛКСМ», «О разработке Программы ВЛКСМ».

После VIII Пленума ЦК ВЛКСМ, раскрывшего путь для дальнейшей эволюции в *демократическую молодежную организацию или движение молодежи*, стремительно начали развиваться процессы создания ЛКСМ РСФСР, самоопределения студенчества, выработки новых организационно-уставных основ и программных целей ВЛКСМ.

Осень 1989 года, отчетно-выборная кампания, предшествовавшая XXI съезду ВЛКСМ, была *временем смятения во многих комсомольских организациях*. Это был *самый тяжелый период реформ*, когда от сравнительно легкой работы по замене нормативной базы и внедрения новых направлений и форм деятельности пришло время переходить к *тяжелейшему делу переубеждения и переподготовки* сотен тысяч работников и активистов.

В октябре «Комсомольская правда» пишет: «В ряде цеховых организаций Норильска заслушаны только отчеты бюро – новые бюро не избраны. Нетрудно понять – это решение *близко к решению о самороспуске* организации. Комсомольцы не верят, что у их организации есть будущее». Проблема состояла в том, что сторонники сориентированных на

роспуск комсомола вариантов устава, проиграв на пленуме ЦК в июле, стали внедрять свои предложения в первичных организациях.

Образовалось *два течения внутри комсомола*: сторонников последовательного продолжения демонополизации молодежного движения, его демократизации в борьбе за реальные интересы молодежи, и «ликвидаторов», которые делали ставку на разрушение существующих структур работы с молодежью «до основания».

29 октября, в день рождения комсомола в «Комсомольской правде» было опубликовано Программное заявление ЦК ВЛКСМ к XXI съезду комсомола. Пленум подвел итог бурному 1989 году в комсомоле и открыл путь к подготовке нового этапа реформ. Связанных уже с XXI съездом ВЛКСМ.

В самом конце 1989 года, 26 декабря состоялся Пленум ЦК КПСС. Выступление на нем первого секретаря ЦК ВЛКСМ содержало анализ происшедшего в стране и в комсомоле и предостережение от свертывания реформ. Это выступление вызвало бурную реакцию у членов ЦК КПСС. Некоторые расценили его как угрозу. На самом деле это был итог почти четырехлетней работы по реформированию комсомола.»

Эта историческая картина на уровне СССР служит канвой, основой и для понимания всего, что происходило в 1989 году в стенах Оренбургского политехнического института, и для соотнесения процессов, шедших на высшем уровне в комсомоле и на уровне первичной комсомольской организации. Благодаря развитой комсомольской печати, все пространство всесоюзной комсомолии бурлило спорами, идеями, проблемами, мнениями, поисками, обсуждениями.

В общем проблемы, поиски, находки, решения, ошибки были весьма схожими. И надо сказать, очень многое из того, что предпринимал и осуществлял в эти и последующие годы комитет ВЛКСМ политехнического института, предлагалось и было реализовано в целом ряде регионов страны и первичных комсомольских организаций.

Вместе с тем, комитет действовал в значительной мере и самостоятельно, где-то следуя в форватере общих процессов и одобренных форм, а где-то и опережая процессы, закреплявшиеся в решениях ЦК. «Мы были тогда дерзкими парнями!» – эту фразу классика можно было применить и к команде комитета. Но и время было такое. Идеи в буквальном смысле витали в воздухе.

Главным идеологом комитета ВЛКСМ ОрПтИ был его секретарь Сергей Воронков. В это время он много размышлял, писал, разъяснял, агитировал. В январе 1989 года он пишет статью в русле этих волнующих всех проблем и вопросов.

Из неопубликованной статьи Сергея Воронкова, секретаря комитета ВЛКСМ ОрПтИ (1988–1990 гг.):

«Если говорить об исторической рамке, то противоречия, закладываемые в ВЛКСМ, необходимо искать с момента создания интернационала, формирования партии с ее особенностями и законами жизни, т.е. необходимо ставить перед собой вопросы, что есть партия как организация, ее количественные и качественные характеристики. Исторически сложилось так, что после создания в стране однопартийной системы, трактовка В.И. Лениным идей и задач союзов молодежи была смята, так же, как и остальные принципы демократии и строения самой партии. ВЛКСМ было предопределено заранее уготованное место. Очень мудро была построена система взращива-

ния «винтиков» и подавления инакомыслящей молодежи. Нужно отдать должное – в сталинской системе серьезно уделяли внимание подрастающему поколению.

Итак, монополия на молодежное мнение и движение была создана. Осталось только, чтобы ВЛКСМ скопировал по структуре, формам работы, демократическим принципам партию, создать бюрократический оплачиваемый аппарат, а подбор и расстановку кадров забрать в свои руки. И готова идеальная система воспроизводства партийного аппарата, такого, какой был нужен центру.

Процессы, происходящие в стране, объективно отражаются и на комсомоле. Проходят конкурсные выборы секретарей обкомов ВЛКСМ, райкомов и т.д. Но по уставу они должны быть членами КПСС и пройти согласование в партийных органах. И насколько серьезно будет стоять вопрос о внутренних изменениях, если это не согласуется в партийных органах? Может ли комсомол выработать свои формы, свои пути перестройки? Да, ошибки будут. Но нет ничего ценнее ошибок, если уметь их анализировать и признавать.

Так можно ли добиться коренных изменений путем смены декораций в том же театре, выдумывания новых форм работы, не меняя ее содержания? У Ленина была мысль о союзах как о резерве партии. Я эту мысль понимаю так, что союзы молодежи действительно резерв. Это по жизненной логике, кто как не молодежь придет на смену? Но достойной сменой ВЛКСМ сможет стать только тогда, когда получит опыт по-настоящему самостоятельной политической борьбы и работы.

Что же представляет собой ВЛКСМ сейчас как организация, т.е. с точки зрения рядового комсомольца? О «самостоятельности» мы сказали выше. Нельзя не сказать о новых формах работы, таких, как центры НТТМ, МЖК, совместные кооперативы и т.д. Не смотря на то, что я двумя руками за эти формы и считаю, что их нужно развивать, мне это напоминает попытку ВЛКСМ оправдать свое существование, не находя ответа на вопрос: «А что мне дает ВЛКСМ?» Хотя вопрос далеко не праздный. И для ВЛКСМ как организации мало что дает, кроме того, что рядовой комсомолец знает об участии комсомола в этих мероприятиях. Но заинтересованность его в жизни комсомольской организации не возрастает. И наивно думать, что участие в движении МЖК, работе кооператива или договоре с центром НТТМ дали ответ на тот самый банальный вопрос.

Скажу больше, что все эти формы не обязаны появлением ВЛКСМ как организации. Они обязаны только тем, кто внедрил их в жизнь. Здесь нет противоречия. Проведу аналогию с октябрем 1917 года. Все события революционеры не осуществили бы без такой организации, как партия. А вот без ВЛКСМ, мне кажется, эти явления (МЖК, НТТМ) нашли бы выход. *Организация характеризуется работой ее рядовых членов*. Работа эта возможна только при изменении сознания. А новые формы без изменения содержания этого не дают. Итак, я за формы, но сначала – содержание.

Почему же так трудно идет изменение сознания? Я вижу несколько причин.

В том, что обсуждение, которое ведется, идет в рамках сложившихся стереотипов, не пытается их серьезно поколебать.

В отношениях с КПСС – понимание наставничества партии как руководства к действию, невозможности различных мнений по серьезным вопросам жизни в стране и их реализации.

Принятие демократического централизма как чего-то незыблемого.

Всеобъятность решаемых вопросов в свете коммунистического воспитания молодежи. Нет вопроса в отношении молодого человека, за который не отвечал бы комсомол.

Принципы членства в организации... Этот вопрос дебатировался еще на II съезде между группой Мартова и Ленина.

В том, что не проделывается серьезного анализа в целом. Пример того, когда на распространенную реплику снизу: «Комсомол себя исчерпал, лучше его распустить?» дается ответ сверху: «А кто будет защищать интересы молодежи?» Какие интересы? И действительно, кто их защитит? На эти вопросы анализа и не хватает.

И в этих, на первый взгляд, необдуманных вопросах снизу, многое можно увидеть. И тогда понимаешь, что их родила жизнь, и ответить на них – жизненная необходимость.

В том, что существует определенное мнение, во всяком случае, на эту дискуссию, что все это – болтовня, пока не будет решения сверху. Причем так думают некоторые, и работники аппарата, и рядовые комсомольцы. На мой взгляд, это неверная ориентация на реформу сверху из-за непонимания соотношения таких понятий, как роль членов организации и роль принимаемых постановлений.

Повторюсь, но качество работы организации *определяет работа рядовых членов*, в том числе

эта работа определяет и законы. А наоборот мы уже насмотрелись.

Но самое главное, из чего вытекают все следствия, на мой взгляд, как это ни парадоксально, – *из-за отсутствия цели у ВЛКСМ* как организации. Ведь организация – это люди, объединенные общностью своих целей. Так вот, у ВЛКСМ нет на сегодняшний день такой цели, чтобы рядовой его член мог увидеть, где его цель соприкасается с целью организации. И естественно, что у нашего союза до сих пор нет программы ВЛКСМ. Не парадокс ли? Организация без четко обозначенной цели, программы ее достижения, полной самостоятельности. Может ли она объединять?

И это замечательное направление борьбы за политическую власть путем избрания в Советы, и рожденная платформа ЦК ВЛКСМ – это здорово. Но мне это напоминает очередное метание. Желание объять необъятное. Завоевать голоса в Советах, чтобы защищать интересы молодежи. Какие интересы? Все. Слишком общо. Непонятно. Неопределенно. Может быть, потому так пассивно в первичных организациях проходит выдвижение кандидатур от ВЛКСМ?

Итак, сегодня мы имеем все желаемые формы вырождения интересов молодежи в политическую борьбу в Советах, но, не побоюсь это сказать, – это активность аппарата. О серьезном повышении активности РК, ГК и ОК ВЛКСМ, не говоря о рядовых членах ВЛКСМ, говорить не приходится.

Я пытался проанализировать ситуацию. Пути выхода из нее попробую предложить в следующей статье.»

(Документ из личного архива С. Воронкова)

В феврале комитет тоже задумал провести в институтской комсомольской организации дискуссию о комсомоле. 15 февраля была организована встреча, на которую были приглашены члены комитетов и бюро ВЛКСМ и 170 комсомольцев от групп. Всем ребятам были поименно разосланы **приглашения** такого содержания:

> «Наш Союз молодежи испытывает кризис как организация. Вопросы «А что дает мне комсомол?», «Нужен ли он вообще?» – далеко не праздные, так как любая организация должна давать что-то, если не гарантии и возможности, то хотя бы моральное и духовное удовлетворение. Функцию объединения по общности целей и интересов ВЛКСМ тоже не выполняет. Этот вопрос мучает каждого из нас. И, не находя ответа, тем не менее, мы продолжаем состоять на учете, уплачивать членские взносы и можем быть подвергнуты наказанию, которое порой может изменить жизнь, за нарушение внутрисоюзной дисциплины и другие проступки.
>
> Зачем нам эта ответственность? А если интуитивно мы понимаем, что комсомол нам нужен, то как сделать, чтобы союз заработал на уровне рядовых членов? Чтобы ответить на эти вопросы, комитет ВЛКСМ ОрПтИ решил провести дискуссию в институте в феврале-марте этого года.
>
> Мы считаем, что в преддверии общесоюзной отчетно-выборной кампании и конференции ВЛКСМ не стоит ждать, что решат верхи. Судьбу организации, в конечном счете, решать ее рядовым членам.
>
> Для проведения дискуссии необходимо работать корреспондентским пунктам, группам социологических опросов, тестирования, экспресс-опросов, группам подготовки круглых столов и т.д. Если ты и твои единомышленники чем-то можете помочь или просто принять участие, если есть мысли и предложения по проведению дискус-

сии, приходите на первую организационную встречу или в любое другое время в комитет ВЛКСМ ОрПтИ. Надеемся на вашу помощь.»

На встречу пришло 30 членов бюро-комитетов и... 4 (!) из 170 приглашенных комсомольцев от групп. Конкретного разговора о дискуссии не получилось. Почему?

В газете «Политехник»[70] на странице комсомольской жизни (да, уже появилась такая!) была помещена информация:

«На встрече разговора не получилось не только из-за того, что ребята не умеют выражать свои мысли. Но еще и отсутствие заинтересованности, непонимание смысла в дискуссии – это показала и явка приглашенных. В то же время многие говорили, что дискуссия нужна.

В результате обсуждения сделаны следующие выводы.

Интерес к дискуссии отсутствует, так как нет предмета дискуссии. У большинства комсомол занимает ничтожное место в жизни. Он не мешает, но и не помогает жить.

Необходимо переосмыслить вопросы, которые решает комсомол института. Исходя из этого, было принято постановление комитета ВЛКСМ.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

На данном этапе существуют проблемы, без решения которых проводить серьезные мероприятия, реализовывать молодежные инициативы, решать серьезные вопросы невозможно. Это, прежде всего, финансовая беспомощность комсомола института. Наряду с этим, в институте существует ряд жизненных проблем, такие, как слабость материальной базы, низкий уровень культурной жизни. У студентов крайне низок интерес к качеству обучения и низка общественная активность. Даже

[70] «Политехник» № 9 (478) от 10 марта 1989 года.

редкая инициатива не находит своего воплощения по указанным причинам.

Комитет ВЛКСМ считает, что для решения этих проблем необходимо выделить приоритетные направления в работе и отказаться от надуманных форм в работе без инициативы масс.

Комитет постановляет:

Для возможности реализации инициатив молодежи и вышеуказанных проблем создать при комитете ВЛКСМ кооперативный молодежный центр.

Утвердить программы по приоритетным направлениям работы: «Освобождение труда», «Культурное развитие», «Самоуправление», «Внутрисоюзная работа».»

Здесь же были опубликованы все четыре означенных программы.

По программе «Освобождение труда» значилось:

Освобождение студента от бессмысленного, малооплачиваемого труда.

Сюда включались внутриинститутские нужды и сельхозработы. Предполагалось заключение договоров с институтом на производство ремонтных (строительных) работ с переходом на обслуживание корпусов и общежитий, территории института. Институту это давало дополнительные рабочие ресурсы, т.к. при ограниченном фонде заработной платы он имел возможность рассчитываться безналично, а у Молодежного центра была привилегия на обналичивание выплачиваемых денег. Студент же имел возможность заработать и знать распределение бюджетных средств.

По части сельхозработ предполагалось заключение договоров МЦ с хозяйствами и рассчет хозяйств собираемой продукцией.

Предоставление широких возможностей для реализации инициатив.

Здесь предполагалось, за счет широкой агитации, формирование новых направлений центра по самым разнообразным направлениям трудовой деятельности. Студент получал возможность реализовать свою инициативу, используя бухгалтерско-юридическую и экономическую базу МЦ.

По программе «Культурное развитие» намечалось:

Создание материальной базы Культурного центра.

Здесь предполагалось завершение строительства незаконченных объектов (театр, башня) и включение новых объектов (аренда актового зала с фойе и имеющейся кинобудкой, диетической столовой для размещения студенческого кафе).

Какими силами и средствами.

Работа творческих коллективов должна осуществляться на кооперативных и хозрасчетных началах, с выделением в МЦ своего счета. Привлечение директоров и членов творческих коллективов должно происходить на конкурсной основе. Финансирование предполагалось осуществлять частично за счет института (по различным статьям бюджета), частично – с полным или частичным возвратом затраченных институтом средств по договоренности. Помимо активизации кружковой работы, для организации массовых мероприятий полагалось приглашение на работу профессиональных работников культуры.

По программе «Самоуправление» предполагалось:

Выполнение программ «Освобождение труда» и «Культурное развитие» как шага в развитии самоуправления.

Вопросы учебного процесса и другие вопросы жизни вуза.

Здесь необходимо было шире использовать структуры, наделенные реальной властью (студенческие фракции в

советах факультетов и института), усовершенствовать выборы в члены Совета, продолжить практику подготовки студенческих вопросов, разработать свою программу работы в Совете с учетом интересов студентов.

По программе «Внутрисоюзная жизнь» планировалось:

Для решения внутрисоюзных вопросов (членские взносы, учет и т.д.) создать комиссию при комитете ВЛКСМ. Сделать выход из ВЛКСМ без административных последствий, считать порочной практику административного преследования. Отчетно-выборную кампанию провести в форме тестирования психологического климата в коллективе.

Далее комитет ВЛКСМ совместно с ректоратом института объявляет конкурс на должность директора хозрасчетного молодежного центра. В объявлении о конкурсе сообщалось, что Центр будет осуществлять работу по следующим направлениям: научно-техническое, производственное, ремонтно-строительное, бытовые услуги населению, культурно-массовое и т.д. с использованием базы института на договорных началах. А также, что «для участия в конкурсе необходима программа деятельности.»[71]

В это же время комитет ВЛКСМ начинает работу по созданию мыследеятельностного клуба. Разъясняя его цель и замысел, секретарь комитета ВЛКСМ **С. Воронков** в статье **«Для тех, кто хочет научиться мыслить»** писал:[72] (приводится в сокращении)

> «В институте создается клуб экспертов-методологов. Клуб нуждается в работающих, мыслящих членах. Любопытным вход не воспрещен.
>
> В чем проблема…

[71] «Политехник» № 10 (479) от 17 марта 1989 года.

[72] Там же.

В стране катастрофически не хватает личностей, думающих, компетентных людей, способных управлять ситуацией. Кто же должен готовить таких специалистов? В идеальном варианте – учебно-воспитательные учреждения. Но в них работают тоже люди, которых не учили самостоятельности.

Как же быть с теми, кто хочет работать по-новому, но не может, потому что не знает, как? Система образования будет меняться десятилетиями, а думающие управленцы нужны уже сейчас. Что же сделано в стране для этого и что нужно сделать?

Запад миновал застойные времена. У них появляются школы менеджеров. Проводилась подготовка менеджеров и у нас в стране, даже лучшими западными школами. Но, увы, – серьезных результатов пока нет.

У нас тем временем (с 60-х годов) была создана научная школа – школа методологии. Главное в методологии – это расширение набора средств для обеспечения мышления. Управленец или менеджер должен быть отчасти методологом.

Школой методологов была создана система организационно-деятельностных и деловых игр. Друг от друга эти игры отличаются тем, что в деловой игре результат отчасти известен, и к нему подводят играющих. А в оргдеятельностной игре готовых решений нет, есть цель и направление игры. В результате такой игры родилась программа развития БАМа.

Игра – очень сильное психологическое действие. Трудно вдруг осознать, что живешь бездарно глупо, хотя до этого считал себя героическим тружеником. Происходит часто не только ломка сознания, но и психологические срывы.

Игра может преследовать различные цели. Участвующим в первый раз она может помочь изменить сознание, взглянуть на вещи с иных позиций. Тем, кто имеет

определенную базу знаний и опыта, игра поможет дойти до сути проблемы, выработать определенные решения. Игра может стать для человека инструментом, а может и его превратить в инструмент. Все зависит от человека, участника игры.

Древний испытанный способ…

Самосовершенствование, самообразование. Но самообразование – это высший уровень самосовершенствования. Для этого мало владеть средствами мышления – необходимо их вырабатывать самому. Так как же быть?

Необходимо…

Наладить систему связей, круг общения на своем уровне и найти хорошего наставника. И только работая серьезно головой, с помощью таких связей, общения, можно научиться мыслить. А это и предполагает клуб экспертов-методологов. Формирование понятий, выделение проблем и их серьезное обсуждение, постановка цели и т.д. Только когда дойдешь до этого сам, – это станет инструментом.

Как же будет работать клуб?

Обсуждение проблем. Создатели клуба предлагают рассматривать их, работая над темой «Развитие региона» (Оренбургской области). Здесь и придется овладеть методологией.

Будут организованы семинары с ведущими специалистами (есть договоренность с московским методологическим клубом).

Члены клуба будут участвовать в играх, которые организуют ведущие игротехнические школы страны (есть договоренность с членами игротехнического союза г. Москвы).»

Первый из этих масштабных проектов – Молодежный центр «Политехник» – за весьма короткое время сумел

развернуть довольно успешную деятельность, у комитета ВЛКСМ появились собственные деньги. Это давало свободу деятельности. И не только.

Молодежные центры в СССР стали появляться после принятия секретариатом ЦК ВЛКСМ в июле 1988 года Постановления «О создании при комитетах комсомола молодежных центров по организации свободного времени», доходы от деятельности которых должны были использоваться «главным образом на решение уставных задач комсомола, политико-воспитательную работу, развитие детского творчества».

> «Центрам разрешалось, в частности, заниматься выпуском товаров народного потребления, отвечающих потребностям молодежи, и в установленном ЦК ВЛКСМ порядке осуществлять внешнеэкономические связи.
>
> Центры создавались как хозрасчетные организации, имеющие право вести совместную хозяйственную деятельность с государственными и иными предприятиями, причем созданные таким образом совместные предприятия подлежали освобождению от уплаты подоходного налога и платы за прибыль.
>
> Кроме того, комсомольским предприятиям предоставлялось право самостоятельно или на договорных началах определять цены и тарифы на оказываемые ими платные услуги, а товары и иное имущество, ввозимое в СССР или присылаемое из-за границы, освобождались от оплаты таможенных сборов и пошлин. Так была заложена основа функционирования «комсомольской экономики», куда наряду с центрами НТТМ и молодежными центрами вошли в качестве третьего основного компонента также молодежные кооперативы.»[73]

[73] Крыштановская О. «Комсомольская экономика» и генезис бизнес-элиты// Крыштановская О. Анатомия российской элиты.– М.; 2005// https://studfiles.net/preview/4049340/ page: 51–52/

Из воспоминаний Олега Котовщикова, зам.секретаря комитета ВЛКСМ по орг.работе (1988–1990 гг.), будущего директора МЦ «Политехник»:

«Это были первые коммерческие структуры в обновляющейся стране, которые создавались на базе комсомольских организаций.

Молодежный центр находился в помещении комитета комсомола и всячески им поддерживался. Сейчас такая сращенность власти и бизнеса считается криминалом.

Основным бизнесом Димы Харченко, первого директора МЦ, были компьютеры. Тогда было начало развития этого рынка, и он был очень доходным. Дима сам хорошо разбирался в электронике. У него полквартиры было завалено всякими платами, которые он сам паял. Он устанавливал компьютерные классы. Помню, он делал такой класс из компьютеров Atari в селе Погромное Тоцкого района, недоделал его, и потом мне пришлось три раза туда ездить, чтобы всё довести до ума. Доходы были очень хорошие.

Перед моим окончанием института в 1990 году Воронков предложил мне возглавить МЦ «Политехник». МЦ уже занимался сразу несколькими проектами: это студия звукозаписи, монтаж компьютерных классов, свой магазин («Комок»), формирование и отправка на объекты студенческих стройотрядов, производство спортивной формы (в частности, кимоно) и реализация её через магазин «Старт». Кстати, швеями тогда были Лена Воронкова и Лариса Кулагина.

Кроме того, при МЦ была создана Школа Инновационных Процессов (ШИП), инициатором которой был Сергей Петрович Иваненков. Это был, наверное, первый коммерческий образовательный проект в Оренбурге, который мы реализовали на базе Учебно-производственных комбинатов (УПК). Время требовало новых подходов, новых форм и содержания в образовании. И этот проект как нельзя кстати подходил для решения этих задач.

Задействованы были все: и Ажар Жалелевна, и Сергей Петрович, и Вакушкин Игорь, Кулагин Дима и я. У меня был раздел НОТ (научная организация труда). В это трудно поверить, но я помню все аудитории, в которых мы по очереди читали свои курсы. Помню поначалу свое сильное волнение и неуверенность, особенно когда сыпались вопросы от школьников.»

Что касается второго проекта – создания клуба методологов, то это было время повального увлечения оргдеятельностными играми по всей стране. Ученики так называемой «школы методологии», созданной Г.П. Щедровицким, провели несколько широко распиаренных в печати акций – Всесоюзные конкурсы выборов руководителей на РАФе, в Артеке, на БАМе, экспертизы на Байкале и в Латвии, общественную сессию по первым демократическим выборам в Иркутске и т.д. И хотя эти «демократические» выборы быстро показали свою несостоятельность, но, как отмечал один из наиболее известных «методологов» С. Попов,

> «кульминационный момент развития ОДИ совпал с разрушением целой цивилизации (а СССР – это была новая цивилизация, может быть еще и не рухнувшая). Именно сочетание мощности проникновения в суть вещей, которую дает игра, и общественного «разлома», на материале которого проводились ОДИ, позволили провести такие фантастические (в буквальном смысле) мероприятия.»[74]

Не останавливаясь на глубоком анализе ОДИ и оставляя в стороне эти громкие акции, можно охарактеризовать причину их фантастической популярности в это время.

> «Немного скажу об ОДИ. Нет, не стоит описывать технологию. Все равно не передать того, что есть игра.

[74] Цит. по: Лебедев В. Подозрительные игры людей// Лебедь. Независимый альманах № 390, 29 августа 2004 г.

Игра могла продолжаться неделю, каждый день с раннего утра до поздней ночи. Чем дальше, тем больше участники входили во вкус. Они не хотели уезжать. Не хотели возвращаться в понурую действительность. Они начинали летать на тех самых крыльях мышления, которое у них отрастало и крепло со дня на день. Как в сауне только минут через пять сидения тело начинает выделять пот, так в игре мозг начинал через какое-то время сочиться идеями. И заменить участие в игре нельзя ничем, точно так же, как нельзя пересказом о сауне вызвать то самое «банное состояние».

После игры участники говорили, что они испытали настоящее счастье от самого процесса мышления. Такое сильное, какого они не испытывали даже от любви, не говоря уж о водке. Некоторые приходили в себя по несколько недель, и все мечтали снова попасть на игру. А уж совсем некоторые становились маньяками игры, наркозависимыми игроманами. Они ездили на любую игру за свой счет, даже платили за участие в ней.»[75]

Оренбургский политех тоже «поигрывал», хотя это было удовольствие не из дешевых. Но ездил на Всесоюзные игры Сергей Воронков, на институтские – и другие члены комитета. Одна из таких игр чуть не стоила им потери комитета, но об этом – чуть позже. В целях «обучения предпринимательскому мышлению» институт вывозил на игру и студентов. Благодаря играм, у комсомольских лидеров широко распространился и своеобразный лексикон с обязательными «самоопределением» и «целеопределением», надолго ставшими неким целевым и смысловым стержнем их деятельности.

Из воспоминаний Дмитрия Печерского, студента ОрПтИ (1990–1996 гг.):

[75] Там же.

«Знакомство с комитетом (в лице Сергея Воронкова и позже Дмитрия Кулагина, – почему-то четко его помню, наверное, – харизма), началось с вопроса, являюсь ли я комсомольцем. В тот мой период жизни, когда обычно принимают в комсомол, комсомол вдруг стал необязательным, и просто из лени я в него не вступил. Хотя запрета на членство не было, и некоторые одноклассники даже вступали. Будучи комсоргом класса, я не был комсомольцем, и это было ... прикольно.

Не могу сказать, что был активистом в школе и, собственно, не стал особо активным в институте, но наличие «старших товарищей», с которыми можно было поговорить о «серьезных вещах» (если можно так назвать юношеские измышления на тему себя и своего места), давало ощущение уверенности, и это было важно.

Конечно, это мои личные потребности, большинство сокурсников так себя не ощущало. Для меня же актуальность такого общения подстегивалась начавшимся курсом философии, к которой я питал интерес с детства. В общем, так я оказался рядом с комитетом.

Самым ярким впечатлением были методологические игры. Это было очень интересно. На выездную игру я поехал даже с температурой. Помню, что обсуждали вопросы молодежной политики, роли студенчества в жизни и развитии общества и т. д. Студенты, участвующие в выездном мероприятии, не блистали ни знаниями, ни способностями мыслить. Собственно, я и сам не очень силен был в этом. И мне тогда казалось, что модератор игры (Островский его фамилия) «обиделся», и из-за этого пил всю игру. От этого становилось стыдно и обидно.»

Из воспоминаний Ажар Кусжановой, преподавателя кафедры философии ОрПтИ (1986–2000 гг.):

«Кроме, как интересом уехать из дома в какой-нибудь пансионат и неделю там «побалдеть» на казенные деньги, я

не могла объяснить это широкое увлечение. Много раз всем объясняла, что содержательно это есть не что иное, как методологическая функция философии. Позднее встретила где-то слова Петра Щедровицкого о том, кто такой методолог: «Я много раз пытался заучить, что же это такое, но бросил пустое занятие, найдя паллиатив: «философ, который знает, как». Но меня не слышали.

А народ просто дурел от первой встречи с правилами мышления, принимая их за откровение. До момента, пока на игре людям не надавали по ушам и головам, показав им, что о мышлении они не имеют ни малейшего представления, они об этом и не подозревали. К сожалению, это была вина преподавателей философии, которые даже не пытались понять, зачем во всех вузах страны преподавался этот предмет.

Игры были очень дорогими, поэтому заказывали их очень богатые отраслевые предприятия, наподобие Оренбурггазпрома. Их проводили московские «мэтры методологии» – этого чисто нашего отечественного «изобретения». Политехнический институт не обладал такими средствами, поэтому его «обслуживал» Б.М. Островский, в их иерархии человек третьей, если не четвертой руки. Но в Оренбурге он был просто Бог, особенно в среде педагогической общественности. Артистичный, обаятельный, харизматичный, порой наглый и бесцеремонный, он нравился публике тем, что был москвич и говорил непривычные для них вещи, стуча по заскорузлым и не испорченным логико-методологической культурой мозгам. Однако, когда на институтской игре мы показали ему, что он совершенно не знает и превратно трактует Гегеля, на которого постоянно ссылается, как на Отче наш, а потом потребовали предъявить основания, с которых он всем раздает тычки («мы пока все время видим пинающие ноги, теперь хотим знать, есть ли у этих ног голова»), он просто сбежал с игры и последующие дни безвылазно проводил в люксовом номере в компании почитателей и

своих игротехников. Говорят, тогда и был замечен в пьянстве. В общем, довольно быстро выяснилось, что философу у них учиться нечему.»

Тем не менее, методологи декларировали свою позицию громко, нагло и красиво, что, по всему, хорошо легло на искания многих активных деятелей в эпоху перестройки, то есть, во времена обрушения привычных систем координат и ценностей. Так, Сергей Попов писал:

> «Хочу напомнить, что представление мышления как деятельности тоже была «выдумка» методологов, сделанная с определенной целью и под определенный «проект».
>
> А наша выдумка состоит в том, что люди смогут стать на порядок сильнее через организационное освоение мира, его переорганизацию. Не через его исследование, а через переорганизацию под себя, под свои сформулированные задачи.
>
> Это – и следующий шаг интеллектуальной мировой тенденции, и продолжение идей методологии – в том плане, что если человек способен мыслить, то его надо научить мыслить так, чтобы его мысли реализовались в окружающей его действительности, и он творил бы такие миры, в которых его мысль соединялась бы с действиями и реализацией. Тут понятие организации и работает, оно должно как бы соединять разворачивание мышления и разворачивание внешнего мира.»[76]

Эти декларации в значительной мере многое объясняют в позиции главного идеолога комитета С.Воронкова. Из увлечения методологическими играми Сергей извлек несколько уроков, которые в дальнейшем во многом определили его отношение к собственной деятельности и к ВЛКСМ, в первую очередь, как к организации.

---

[76] Там же.

Из статьи **Петра Новохатского «Самоопределение в трех действиях, или К истории появления у нас…»**:[77]

> «Сергей Воронков появился на орбите года четыре назад. Конфликтовал с официальными лицами чрезвычайно интенсивно. Но суть боевых действий по прошествии времени уже не важна, тем более что итог деятельности его отлился в законченную форму только сейчас.
>
> Изначально Сергей и его товарищи исходили из того факта, что в исторически–идеологическом виде комсомол умер. И пока другие были заняты поиском некой объединяющей всех идеи, в политехническом институте увлеклись деятельностными играми. В их ходе выяснилось, что самым, может быть, сложным моментом в человеческой жизни является момент самоопределения. Это когда человек внятно и беспощадно говорит себе: я хочу вот чего. Независимо от внешних условий. (Независимо от внешних условий – не нюанс, смысл! Мы еще будем свидетелями падения теории, что какая среда – такой и человек. Ничего подобного! Есть еще воля, совесть, выбор.)
>
> Но если внешние условия сломать нельзя, то, очевидно, их можно приспособить себе на пользу? И Воронков не отказывается от комсомола, но использует его форму для нового содержания.»

Третье из названных направлений работы комитета в этот период – это приоритетные направления деятельности комсомольской организации, или «программы». Они были продуктом глубокого переосмысления перестройки работы конкретной комсомольской организации, выводящим на гораздо более широкий круг вопросов о смысле комсомола вообще.

---

[77] Областная молодежная газета «Новое поколение» № 32 от 11 августа 1990 года.

В мае 1989 года Сергей Воронков пишет вторую статью, в которой предпринимает попытку дать ответ на вопросы, поставленные в январе.

Из неопубликованной статьи Сергея Воронкова, секретаря комитета ВЛКСМ ОрПтИ (1988–1990 гг.): (приводится в сокращении)

«Размышления о попытках что-то изменить.

Говоря о многочисленных недостатках этих программ. Составлены они несколько бессвязно, но пронизаны одной идеей и поэтому направлены на достижение главной цели. И здесь сказывается неопытность комитета ВЛКСМ в такой деятельности. Ведь серьезно осмыслить содержание работы, да еще составить целостную программу – этим никто не занимался. Это первый шаг к осмыслению, без которого двигаться дальше бессмысленно. И не стоит требовать от программ сразу логической завершенности и принимать их как нечто окончательное. Это попытка вырваться из замкнутого круга «проблем», которые не дают организации дышать полной грудью. Попробуем восстановить мысли, сопутствующие составлению этих программ.

Что есть организация?

Несколько упрощая, общественно-политическая организация молодежи создается, конечно же, по инициативе самой молодежи. Для чего? Молодежи свойственно свое видение решения проблем общества. Осознавая, что завтра их придется непосредственно решать, молодежь создает свою организацию, для того, чтобы и приобрести практические навыки самой, и проверить самостоятельно свои взгляды на практике. С этой

точки зрения, ВЛКСМ как нельзя лучше должен вписываться в общественную систему. И объединять в своих рядах *молодых политиков*, имеющих *свои* взгляды на построение социализма и *через организацию* воплощающих их в жизнь.

Какой для этого нужен временной отрезок и можно ли его изменить? Для этого комитет ВЛКСМ решил осмотреться и понять это, не решая присущие комсомолу сегодня псевдопроблемы, которые распугали остатки мыслящей молодежи. И программы, и дальнейшие действия строились так, что до понимания причин не стоит хотя бы усугублять процесс разрушения.

Итак, комсомол – организация молодых политиков, завтрашних руководителей страны, по взглядам и целям объединяющая молодых людей. Насколько это реально?

«Самоуправление», или «Вся власть Советам!»

Какую смысловую нагрузку несут для студента эти лозунги? На мой взгляд, смысл этих двух лозунгов в том, что человек представляет, как должен делаться специалист, как должно жить общество, и включается в управление этими процессами или через органы самоуправления, или через Советы.

Давайте обратимся к тому меньшинству, которому не все равно, как идет подготовка студентов. После того, как студентам были даны голоса в законодательных органах института, комитет ВЛКСМ серьезно взялся за Совет вуза. Долго самим выбранным приходилось доказывать, что что-то можно изменить, пока через конкретные примеры это не почувствовали.

Но проблема серьезней. Оказалось, чтобы серьезно ставить вопросы по учебному процессу,

практике и т.д., необходимо иметь *свои* представления об этом, подчас альтернативные. Пришлось вместе с ребятами преодолевать эту планку.

Но что значит, что за это взялся комитет? Это и разъяснительная работа среди ребят о том, кто такие представители и как можно решать вопросы. И упорная работа с самими ребятами.

Такой же пример с бюджетом института. Стоит вспомнить обсуждение проекта распределения стипендии по КТУ, который сами же студенты и зарубили. Или 4%-ный фонд поощрения, который комитет буквально забрал у администрации и передал его факультетским организациям. Это и часть бюджета института из нескольких статей на культурные мероприятия и поощрения. Берите! Распоряжайтесь! Выдумывайте новые формы распределения!

Как-то попалась заметка студентов в газете Уральского политеха о том, что студенты будут остро ставить денежный вопрос и решать его во что бы то ни стало. У нас – иначе: комитет ВЛКСМ, давно решив эти вопросы, выдумывает себе проблемы, порой навязывает распределение денег. Такой парадокс!

Конечно, процесс активизации человека не быстрый. Вопрос, можно ли его ускорить и как? Понятно, что внешней реструктуризацией это не решишь, как ни меняй структуру комсомола вуза. И не от лени своей комитет отказался от практики УВК и нагоняев за учебу. Процесс должен быть взаимным.

Если говорить о ВЛКСМ, то проблема куда серьезнее, и серьезнее она изнутри. Пример с Советом вуза я привел не зря. Страшно не то, что ВЛКСМ не выполняет своих функций и снизу не

предвидится оживления. Страшно, что и потребности в ней нет, нет потребности проведения в жизнь своих взглядов, позиции и политики. А значит, нет ни позиции, ни взглядов, ни политики. Стоит только представить, что будет завтра.

«Пессимист или оптимист?»

Лучше реалист. Мы решили пока идти по двум направлениям – делать новое и изменять то, что есть. Два конкретных примера из последней хроники. До сих пор комитет ВЛКСМ поругивают представители администрации за проведение демонстрации 1 мая. Что же было? Комитет вышел с предложением о добровольной явке и добровольном волеизъявлении в формах прохождения. Для этого члены комитета и бюро выходили на потоки и объясняли все это, как могли и умели. В истории демонстраций института это первая политическая акция и инициатива комсомола. Да, плохо брали флаги, многие присоединилось по дороге, не удивили разнообразием предложений и т.п. Но это была колонна людей, пришедших *по собственному волеизъявлению*. Давайте выращивать эти ростки! И будут и лозунги свои, и интересные мысли по проведению.

А из создания нового – это, прежде всего, создание таких структур, в которых бы человек развивался как личность. Здесь несколько способов: можно просто поддержать энтузиастов, которые соберут вокруг себя людей, можно самим спроецировать такие структуры и условия для их формирования.

Так, с участием комитета ВЛКСМ появилась в институте театр-студия «Полимир», так был создан клуб КВН. Это поддержка энтузиастов. А следующий этап – это хороший студенческий клуб

с разнообразной структурой культуры и досуга, создание для этого материально-технической базы. На это направлена программа «Культурное развитие». Создание условий для самовыражения в материальной сфере, для того, чтобы мысли и инициативы не уходили в слова, – создан молодежный центр, на это работает программа «Освобождение труда».

Создан при комитете ВЛКСМ методологический клуб, который занимается проблемами развития региона. И тут не ограничишься экономическим учебником. Приходится и Маркса, и Гегеля изучать.

Итак, цель есть – развитая личность. Средства я попытался изложить. Но это не массовки. Это работа с каждым человеком. Пусть один из ста, но настоящий. Звучит страшно, но я реалист. И мне кажется, в этом смысл работы. Не упустить этого одного.

Насчет обещаний комитета – «цыплят по осени считают». Осенью нам предстоит отчитаться за три года работы. Я думаю, будет что обсудить.»

(Документ из личного архива С. Воронкова)

А что же институт? А институт наблюдал и по-своему участвовал. Так, 19 мая 1989 года между комитетом ВЛКСМ и ректором было заключено и подписано трудовое соглашение на ремонт помещения комитета. Стоимость работ определили в 300 рублей. Работали, как всегда, с энтузиазмом. А в итоге... сделали все сами, почти бесплатно, оставив институту прекрасный кабинет, из которого впоследствии комитет был выселен.

21 апреля 1989 года в «Политехнике» напечатана статья преподавателей кафедры математики **Е. Аксеновой и М. Шлейниковой «Сердцевина всей работы»**. В ней писалось:

«Вы пришли к разумной общей постановке задачи («Необходимо переосмыслить вопросы, которые решает комсомол института») и предлагаете конкретную программу из нескольких частей. Каждый отдельный пункт этой программы можно поддержать, но в целом она вызывает принципиальную неудовлетворенность. Ведь, замышляя программу, необходимо определять доминанту всего дела, стержневую задачу, и четко соотнести с ней (прямо или косвенно) буквально каждый пункт, каким бы мелким или далеким от основной задачи он ни казался. К сожалению, Ваша программа не обладает такой упорядоченностью, не содержит прямо сформулированной сверхзадачи и сводится, по существу, к хозяйственным проблемам.

Комсомол – идеологическая организация. Почему между ним и массами утратилась живая связь? Как возникло равнодушие, а зачастую и явное недоверие?

Причина – в жесткой «заидеологизированности» его работы. Смысл этого термина прост: отрыв от реальной жизни, подмена идеологии демагогией, расцвет страшного племени приспособленцев, оперирующих «окаменевшими лозунгами». Значит, требуется «деидеологизация»!? Но это означает вовсе не отказ от идеологии, а возвращение ей живого, глубокого содержания.

Очень медленно совершается поворот от «валового» выпуска малоинициативных исполнителей к «штучному» производству ценных интеллектуальных единиц. Можно указать множество крупных и мелких недостатков в организации учебного процесса, в структуре. Армия преподавателей напряженно трудится над усовершенствованием планов, программ, принципов обучения, но полная оптимизация – дело очень сложное и долговременное. Значит, надо изыскивать реальные возможности. И вот тут-то приходится высказать крайнее удивление тем, как студенты относятся к своей ос-

новной работе. Ведь обучение – двусторонний процесс. Так где же стремление к сотрудничеству? Где высокая любознательность? Как редко можно услышать вопросы по существу предмета! Гораздо чаще выражаются «прагматические сомнения»: зачем нам это нужно, это нам не пригодится и т.п. Словом, лишь бы поменьше напрягать мысль. Таким образом, прежде чем сильно ругать «структуру образования», надо пересмотреть свое отношение к делу.

Для того, чтобы хорошие замыслы получили всеобщую поддержку, необходимо оперативнее *переходить от составления планов к какой-то первоначальной деятельности*, которая не требует капиталовложений, но при продуманной организации дает быстрый и впечатляющий результат. Например, раздел «Культурная программа» (строительство клуба и театра) просто теряет смысл, если не объявить беспощадную «гражданскую войну» таким явлениям, как непролазная грязь, курение и сквернословие. Такая война должна стать необходимым началом культурной программы и является возможностью продемонстрировать силу самоуправления. Не раз в «Политехнике» раздавались вопросы: как участвовать в самоуправлении, с чего начать? Да с малого. Оглянитесь вокруг и оцените все хозяйским глазом. Вам приятно сидеть за жуткими столами? Вам музыкой кажутся потоки брани? Если вы уважаете себя, то боритесь с этим планомерно и до победы. Не может быть безнравственность атрибутом носителей «интеллектуального потенциала» общества!

Если человек способен выражать себя в достойном деле и испытывать от этого удовлетворение, то у него не возникает потребности в сплетнях, всяческой подлости, пьянстве, матерщине и т. д. Надо, наконец, обратить серьезное внимание на эту проблему! Ведь не пустые же слова – воспитание «человеческого фактора».

Успех перестройки зависит от нравственного рывка. Экономические рычаги? Да, разумеется. Однако: кто и как будет ими управлять? Мы знаем, каковы результаты преступной и тупой деятельности – катастрофы и безумная холостая трата энергии общества. Экономические и прочие рычаги должны быть в умных, компетентных и нравственных руках. Откуда их взять? Откуда же еще, как не из Ваших рядов! На Ваших плечах – огромная ответственность, ибо выпускники вузов – коллективный мозг общества, и от его качества зависит будущее.

Это предназначение и должно быть сквозной идеей задуманной вами программы. Хорошо бы избрать что-то вроде Художественного совета и «Комитета по выработке идей» и поставить перед ними такую задачу: создать новый вариант программы, в основу которой легла бы концепция непрерывного интеллектуального и нравственного совершенствования личности.»

Ну как много в институте умных людей! Преподавательский состав вкупе с деканами, замдеканами и прочими – более 500 человек. Все специалисты и все на зарплате. И вся «армия преподавателей напряженно трудится над усовершенствованием планов, программ, принципов обучения», однако нет! Нет стремления к сотрудничеству, нет высокой любознательности! И это потому, что комитету комсомола не хватает оперативности в возвращении живого, глубокого содержания!

Пять студентов – освобожденных комсомольских работников, конечно же, единственная инстанция ответственности, как и последняя надежда. Но вместо того, чтобы отойти от составления планов, начать самоуправление с малого, оглянувшись вокруг, и планомерно идти до победы в решении всех болезней института и всего общества в целом, эти демагоги, в отрыве от реальной жизни оперирующие ока-

меневшими лозунгами, способствуют расцвету страшного племени приспособленцев! А почему? Да потому, что нет у них сверхзадачи! Есть лишь преступная и тупая деятельность! Отсюда – наставление от доброжелателей: создать Комитет по выработке идей для создания нового варианта программы на основе концепции непрерывного совершенствования личности.

Эх, где оно, «живое, глубокое содержание» в многочисленных наставлениях? Дорогие наставники! Товарищи ученые, доценты с кандидатами, что же у вас самих-то ничего не клеится? И уже много лет! К тому моменту реформа образования идет в стране более 17 лет, а «непрерывное совершенствование личности» совсем утонуло в проблемах. На ком ответственность? – на комитете комсомола! На кого надежды? Так и просится: «Теперь только на господа Бога!» Э, нет! – на комитет комсомола!

Но комитету некогда обращать внимание на великие нравственные потуги «старших товарищей» – думать надо! Думать и действовать! В августе Сергей Воронков пишет очередную статью-размышление о сущности и назначении комсомола. И это уже программная статья. Любопытно наблюдать, как в позиции молодого комсомольского лидера отразилось все – от неудовлетворения всей молодежи своим положением в советском обществе до личного печального опыта работы и борьбы в условиях, описанных выше.

Из неопубликованной статьи Сергея Воронкова:

«Часть первая. Общество, не готовящее себе достойную смену, – общество без будущего.

Цель союза молодежи. Комсомол должен стать *реальной политической силой* в стране. Путем непосредственного участия в управлении общественными и государственными делами стать организацией, готовящей *будущих политиков*, завтрашнюю смену, которая встанет *у руля управ-*

ления государством. Комсомол должен стать по-настоящему политической организацией, способной организовать всех активных сторонников и сочувствующих среди молодежи на борьбу за построение нового общества.

Комсомол в старой системе подготовки кадров. Комсомол изначально был призван выполнять роль резерва партии, ее боевого помощника. Созданный по образу и подобию партии, союз отразил в себе все деформации и изменения, происходившие в партии. Была погублена идея о союзах молодежи. ВЛКСМ стал единственной массовой молодежной организацией. Увеличивающаяся массовость и исключительная партийность руководства ВЛКСМ закончили превращение союза в придаток партийно-государственной машины по делам молодежи. Ограничение комсомольских работников в возможности роста и еще более массовый охват молодежи в ВЛКСМ ужесточили отбор в пользу нечистоплотных карьеристов. Бюрократизм, чинопочитание, коррупция в ВЛКСМ достигли своего апогея. Наверх пробивались только самые «надежные» и «проверенные». Не смотря на все героические и общественно-значимые дела комсомола в истории страны, его историческая миссия состояла в подготовке кадров, которые вписывались в систему, и в отстранении от активной общественной жизни ей неугодных.

Историческая обстановка в стране и кризис в ВЛКСМ. Создание правового государства, передача власти Советам, гласность и плюрализм мнений, мощные формирования и течения – всё это требует от политического руководителя иного политического мышления. Требует новых кадров, нарабатывающих совершенно новый опыт поли-

тической работы. Итак, необходим качественно новый кадровый корпус, новое поколение *руководителей страны*.

Кризисом кадровой базы перестройки объясняется та пробуксовка перестройки, которую мы наблюдаем. Кризис характеризуется несколькими моментами, отражающими расстановку сил на данном этапе.

Первый момент – у прогрессивных, стихийно пробужденных масс не оказывается достаточно подготовленных, развитых и опытных руководителей.

Второй момент – противостоящие консервативные силы – это в большинстве своем руководящий корпус страны. Они имеют такой опыт и знания, обладают реальной административной и политической властью, которую добровольно не отдадут.

Третий момент, самый существенный, – возрастной отрыв руководящего корпуса от молодой смены, нарушение преемственности и омоложения кадров в застойное время приведут к необходимости резкого омоложения кадров. У консервативного корпуса такая смена есть. Это смена, прошедшая застойную школу комсомольской работы, владеющая методами аппаратной и закулисной борьбы. Смена хорошо организованная, с налаженными связями, успешно продвигающаяся по руководящей лестнице. У прогрессивных сил такого корпуса пока нет. И не создано в стране механизма, который позволял бы целенаправленно этот корпус готовить.

Роль ВЛКСМ и кризис организации. Кризис ВЛКСМ обусловлен, прежде всего, тем, что не решен принципиальный вопрос об историческом

месте ВЛКСМ в развитии общества и дальнейшей роли союза как организации. Этот вопрос не только не решен, он еще остро не поставлен. Четыре года ушло на поиск новых форм, на полумеры демократизации союза с недемократичным уставом и структурой. Это не принесло успеха и даже не остановило кризисного процесса.

Шло осмысление происходящего, которое свелось к тому, что:

– союз должен стать союзом молодежных движений;

– союз проводит полумеры демократизации в рамках демократического централизма и т.д.

Первое объединит движения для выражения общих интересов. Само по себе это нужно, но это не будет ни общественная, ни политическая организация. Это будет ассоциация, существующая по мере необходимости для движений. Второе просто доведет кризис до логического конца.

Оба варианта не учитывают развивающихся событий, которые ставят вопрос о создании *принципиально иной* молодежной общественно-политической организации.

Для ее создания на базе ВЛКСМ необходим *переходный период*, сложность которого обуславливается: наличием командно-административной системы, с одной стороны, и бурным развитием событий в экономической и политической жизни,– с другой.

Роль ВЛКСМ в преобразовании страны будет такой, в какую сторону союз изменит расстановку сил в обществе.

Новое содержание ВЛКСМ – требование времени. ВЛКСМ должен стать принципиально новой школой *политических кадров* среди моло-

дежи. Если комсомол не решит этот вопрос, его решит жизнь. Мы должны, *используя* материальную, интеллектуальную и лучшую кадровую базу ВЛКСМ, сделать решающий шаг к управлению критическими ситуациями (как это случилось с Енакиевским ГК ВЛКСМ. – см. «КП», 11 августа, 1989. «Отбой»)

Переход в качественно новое состояние будет болезненным. В принципе, *это будет разрушение старого комсомола.* Но это станет серьезной гарантией необратимых перемен. Это будет создание новой молодежной общественно-политической организации, основанной на следующих принципах:

– Организация должна стать такой структурой, посредством которой молодежь могла бы реально участвовать в управлении государством, в которой могли бы заниматься политикой молодые люди. Для этого для комсомольских работников необходима экономическая самостоятельность, независимость от руководства предприятий и ведомств, где они работают. Необходимо установить взаимоотношения с партией на правах идейного партнера.

– Демократический централизм должен быть таким, чтобы исключить влияние командно–административной системы. Только сама организация, даже самая маленькая, может решить вопрос о своем существовании. Демократический централизм организации должен ставить в непосредственную зависимость выборность лидера от завоевания им авторитета практической работой и теоретическим уровнем. Выборная система должна делать профессионалами самых достойных.

Необходимо пересмотреть содержание понятия «молодежная политика». Молодежная политика

есть политика *выработки молодежной альтернативы* в построении нового общества, развитии государства. Это политика борьбы за свою альтернативу на всех уровнях, политика *завтрашних руководителей страны*.

Комсомол должен взяться за все сферы общественной жизни, решать весь круг проблем молодежи как единого целого. Но решать эти вопросы политическими методами. Необходимо отказаться от попыток исправления последствий от непродуманных и ошибочных решений государственных и партийных органов. Вместо того, чтобы сглаживать своими инициативами полумеры перестройки, необходимо бороться за принятие решительных мер. Вопрос о борьбе за места в Советах становится жизненным вопросом.

Необходима серьезная теоретическая подготовка. Прежде всего, в приложении к практике выработки решений, программ, а также общего культурного, экономического уровня молодого политика. Необходимо, используя имеющийся потенциал, серьезно перестраивать систему обучения комсомольских кадров. Подготовка теоретическая должна быть неотрывной от практической работы.

Часть четвертая. Молодежь.

Союз и молодежь СССР.

– **проблема массовости и самоочищения.** Вопрос об избавлении от балласта является одним из самых болезненных. Если даже союз поставит вопрос о массовом добровольном выходе, объявит перерегистрацию, это не избавит его от балласта. Новый комсомол будет организационно выстроен так, чтобы разрушить *старые догмы о всеобщей политизации молодежи*. Основная масса молодежи живет здоровыми обывательскими интереса-

ми. Политикой должен заниматься тот, кто может и хочет это делать и кому доверяют массы. Но любой молодой человек должен иметь возможность участия в политике:

– соучастием, т.е. просто уплатой взносов;

– уплатой взносов и участием в работе организации.

Это вопрос принципов членства в ВЛКСМ. Они должны быть такими, чтобы:

– выход был совершенно свободным;

– была возможность вновь вступить в ВЛКСМ, чтобы по изменяющейся численности можно было судить об авторитете организации. Необходима ежегодная перерегистрация союза, которая автоматически будет решать вопросы движения в союзе и вопросы балласта. Созданию нового союза не помешает молодежь, не желающая выходить из ВЛКСМ, достаточно ее материальной поддержки.

Рядовые члены ВЛКСМ. Новая организация должна быть такой, чтобы на вопрос: «Что мне дает комсомол?» ответ был однозначным: «Комсомол дает мне возможность политическими методами решить вопросы, которые волнуют, прежде всего, меня и общество; реально участвовать в управлении общественной системы, выбирать молодых политиков, завтрашних руководителей предприятия, района, города, республики, страны».

Молодежь подросткового возраста. Вопрос о подрастающем поколении для ВЛКСМ принципиален. Апатия к политической жизни появляется еще в школе. Система формирования личности в государстве – главное направление всей работы. Необходимо разнообразие форм для самоопределения подростков.

Союз и молодежные движения. ВЛКСМ одной из задач ставит борьбу за создание правовой базы для молодежных движений и организаций, не запрещенных Конституцией. Но ВЛКСМ работает совместно с ними постольку, поскольку они имеют отношение к политике.

Заключение.

Программа носит временный характер, с точки зрения остроты борьбы за власть. После создания правового демократического государства будут созданы необходимые структуры и механизмы для подготовки и продвижения молодежи.»

(Документ из личного архива С. Воронкова)

Итак, позиция главного идеолога была определена. Эти размышления вылились в **Платформу комитета ВЛКСМ**.[78] В ней содержалось следующее:

«Обобщение проделанной работы комитета ВЛКСМ за три года позволяет сделать следующий вывод:

– попытки внедрения новшеств, нетрадиционных форм работы в комсомольской организации института;

– поиск и решение жизненно-важных практических дел;

– попытки противостоять системе административно–бюрократического комсомола, пытаясь придать комсомолу иное качество,

не привели к оздоровлению организации и качественному ее изменению на уровне рядовых членов.

Мы считаем это закономерным, т. к. все попытки предпринимались в рамках организационного строения и предназначения существующего комсомола и носили, скорее, характер косметического ремонта умирающей ор-

[78] «Политехник» № 24 (493) от 22 сентября 1989 года.

ганизации. Поэтому ситуацию определяли больше общие процессы в комсомоле и обществе, нежели наша практическая работа на местах.

Мы считаем, что в то время

– когда, с одной стороны, в политической и экономической жизни страны нарастают кризисные процессы, а с другой, ВЛКСМ, обладающий огромными материальными и юридическими возможностями, продолжает умирать как организация молодежи снизу и тем самым ставит под сомнение завтрашний день перестройки;

– когда процессы в обществе и молодежной среде серьезно опережают движение в ВЛКСМ, с одной стороны, а с другой, мы видим нерешительность и отсутствие собственной позиции у ЦК ВЛКСМ,

– обсуждать теоретические модели комсомола и ждать перемен от XXI съезда ВЛКСМ губительно, мы можем просто остаться в стороне от происходящих процессов, которые на местах развиваются очень бурно и неоднозначно.

Мы считаем, что уже с сегодняшнего дня необходимо начинать снизу практическое экспериментирование различных моделей ВЛКСМ, выходящих за рамки Устава ВЛКСМ, которые на деле покажут свою жизнеспособность или несостоятельность. Начинать практическую работу, которая станет не только социальным экспериментом для обобщающих выводов, а уже сегодня будет влиять на ход событий.

Наша платформа — это попытка начать такую работу в организации ВЛКСМ ОрПтИ.

Цель радикальных изменений ВЛКСМ заключается в том, чтобы участвовать в построении правого общества, в котором:

– в государственном устройстве вся полнота власти принадлежит Советам. Отсутствует огосударствление политических и общественных организаций и партий.

Невозможно непосредственное руководство со стороны партийных организаций жизнью трудовых коллективов. Политические организации и партии должны служить для выработки различных общественных позиций и их организационного оформления;

– в политическом и общественном устройстве необходим плюрализм мнений и действий, финансовое и юридическое равноправие партий и общественных организаций, конституционное закрепление многопартийной системы.

Необходимо создание гарантий для самоопределения личности, равные права на положение в обществе всех граждан вне зависимости от их идейных и политических убеждений.

Развитие молодежного движения в рамках ВЛКСМ – содержание переходного периода.

Вариантам ликвидации комсомола, возникновения независимых молодежных организаций мы противопоставляем вариант развития молодежного движения в стране на базе существующего комсомола по следующим причинам:

– материальная база, статус юридического лица ВЛКСМ не сравнимы с положением других организаций. Нам кажется, осмысленней бороться за то, чтобы имеющиеся возможности могли разумно использоваться с участием рядовых членов, чем создавать новые;

– отсутствие юридических и демократических механизмов для других общественных и политических организаций;

– необходим естественный возврат к нормальному положению вещей. Монополизировав право на все группы молодежи, комсомол был наделен соответствующим положением в государстве и централизовал всю финансовую базу. Любая группа молодежи имеет равное право на это. Кому это не нужно, может безболезненно покинуть союз.

Механизм переходного периода.

Процесс перехода к новому демократическому движению осложнен неравномерностью развития движения по регионам. Необходима разработка механизма переходного периода.

Необходимость структурной и организационной реорганизации:

– только новый принцип построения ВЛКСМ позволит самоопределиться молодежи по организациям идейно и даст возможность самоорганизации, вернет организации рядового члена. У каждой организации будет возможность делать свое дело;

– только новая структура поставит каждого рядового члена перед вопросом самоопределения в его принадлежности к какой-либо организации. Заставить вопрос «Зачем мне нужен комсомол?» задавать себе, а не организации.

Может наступить момент, когда менять структуру будет уже поздно. Изменения необходимы сегодня, чтобы работать на завтрашнюю ситуацию.

Новая модель ВЛКСМ основывается на следующих принципах.

– Комсомол должен превратиться в **движение первичных организаций**, союзов и иных гибких структур. Вся полнота прав и полномочий должна быть сосредоточена в первичных организациях, самостоятельно решающих все без исключения вопросы жизнедеятельности, начиная от соорганизции и заканчивая самороспуском.

Первичная организация должна стать политической и организационной основой ВЛКСМ.

Необходимо **отказаться от монополии** производственно-территориального признака строения организации. Принципами объединения молодежи должны стать социальный, функциональный, идейный.

Член ВЛКСМ должен иметь свободный выбор для вступления в ту или иную первичную организацию. Пер-

вичная организация должна иметь возможность зарегистрироваться в любой вышестоящей организации.

– Самоопределение первичной организации предполагает **четкое разграничение полномочий центра и мест.** Первичные организации решают, какой центр им нужен и нужен ли вообще.

Собственность ВЛКСМ должна состоять из собственности первичных организаций, которые решают, в каком объеме и с какой целью следует финансировать свой выбираемый вышестоящий орган.

– **Порядок финансирования и деятельности выборных органов**. Выборы проходят на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права, не избранием на конференции или съезде, а путем прямого делегирования представителей из входящих организаций.

– Необходимо произвести **разделение властей** на законодательную, исполнительную и контролирующую.

– Организационный принцип демократического централизма должен заменить принцип демократического единства, который, помимо перечисленных принципов, заключается в следующем: решение руководящего органа принимается большинством голосов, но обязательно только для организаций, чьи представители проголосовали за это решение. Интересы меньшинства обеспечиваются его правом на отстаивание собственной позиции и организационное самоопределение вплоть до отделения.

Политическая борьба – средство достижения целей. Только получив реальное представительство в органах власти всех уровней, можно достичь поставленной цели. Или мы остаемся на правах вечных просителей, или реально включаемся в управление государством. Необходима серьезная подготовка и борьба за места в СТК[79], профкомах, Советах народных депутатов. И еще более – работа по выработке и осуществлению своей политики.

[79] Совет трудового коллектива

Необходима политическая молодежная организация, готовящая профессиональных политиков и управленцев через практическую работу. Новая модель ВЛКСМ позволит выкристаллизоваться такой организации. Человек не рождается с политическими целями, он их формирует по мере постановки жизнью и решения политических вопросов.

Итак, в переходный период мы получаем общественную организацию, выращивающую политиков.

Что мы ждем от переходного периода?

– Прежде всего, расслоение организации. Образование жизнеспособных новых первичных организаций. Кристаллизацию работоспособных единомышленников и безболезненный отход тех, кто не найдет единомышленников в союзе. Мы предвидим самороспуски многих первичных организаций, возможное формальное сохранение первичных;

– массу непредвиденных организационных и финансовых вопросов. Наличие неразберихи и растерянности. Но наряду с этим, мы считаем необходимым моделировать ситуации, чтобы потом лихорадочно не искать выхода из безвыходного положения.»

В 1989 году в комсомоле возникло новое явление. Стали проводиться инициативные, не согласовываемые с ЦК, региональные встречи комсомольских работников и активистов. Они прошли в Свердловске, Тольятти, Волгограде, Москве. Наиболее известной и широко освещавшейся в печати была встреча в Сургуте, получившая впоследствии название «Сургутской инициативы». Эта встреча, организованная по инициативе газет «Комсомольская правда» и «Собеседник», и другие предназначались для дискуссий и поиска путей обновления комсомола, углубления перестройки и демократизации Союза.

Как оказалось впоследствии, эти дискуссии были не совсем искренними в поисках вывода комсомола из кризиса, о чем позднее написал **В. Мироненко**, первый секретарь ЦК ВЛКСМ:

> «Один из инициаторов и участников Сургутской встречи В. Пурин говорил: «Ошибаются те, кто думает, будто в Сургуте была сделана попытка раскола комсомола. Да, встреча – это альтернатива. Но альтернатива не пленумам ЦК ВЛКСМ, а тем застойным явлениям, что еще живут в комсомоле». К сожалению, участникам встречи не удалось удержаться на этой верной политической позиции. Через десять лет некоторые из них признаются в том, что их действительной целью было «вредить» системе везде, где это можно. Себя они назвали «поколением вредителей». Это было саморазоблачение. Но тогда, в 1989 году, многие, включая ЦК ВЛКСМ, верили в искренность их намерений.»[80]

В Оренбурге, определенно, вредителей не было. Тем не менее, в сентябре 1989 года Сергей Воронков вместе с секретарем городского комитета ВЛКСМ Сергеем Попцовым стали участниками Волжской встречи, которая была продолжением региональных встреч, начатых «Сургутской инициативой». По приезду с Волжской встречи в рубрике «XXI съезд. Свободная трибуна» газеты «Комсомольское племя» **Сергей Воронков** публикует статью **«Волжская встреча глазами участника»**[81], где он писал:

> «Сургут – это процесс изменений в ВЛКСМ снизу и его организационное оформление. Процесс от Сур-

[80] Мироненко В. Комсомол в период перестройки советского общества: в поиске новой модели союза и новой молодежной политики.(1985 – 1990 гг.). Дисс.на соиск....канд.истор.наук.// http://vimironenko.narod.ru/sci/sci0001/sci0001_0.htm

[81] «Комсомольское племя» от 23 сентября 1989 года.

гута к Волжскому – это процесс от всплеска эмоций к выработке программ и Уставов и к практическому экспериментированию на местах. Это выработка тактики движения и политической борьбы.

Противоречия в движении – слабость или сила? Самая серьезная ошибка, на мой взгляд, в следующем. Сойдясь на том, что мы радикалы, и этим все сказано, большинство понимало, что все-таки нужна какая-то идея. И сторонники, и несторонники коммунистической идеи приняли ее. И как только ребята сами себе отказали в возможности поиска других организующих идей, разработка программы отошла на второй план. Началась разработка Уставов. Но, во-первых, массы консолидируются и идут за идеей, а не за Уставом. Без этого все действия напоминают политическую авантюру. Во-вторых, без видения процесса и перспективы невозможно понять, куда механизм (Устав) будет вставлен и на что это будет работать.

Я по-прежнему остаюсь на позициях оппонентов сотниковцам (М. Сотников – секретарь комитета ВЛКСМ МГУ – *авт.*), сторонников программного приоритета. Считаю, что в молодежном движении будет существовать молодежная коммунистическая организация, как одна из многих. Меня самого больше интересует создание молодежной политической организации. Поэтому, когда мы говорим о моделях организаций, которые будут в здоровом молодежном движении, каждый прав, разрабатывая свой Устав и Программу. Но как нам перейти к нормальному состоянию? Пусть это будет программа переходного периода.»

Но эти споры – для лидеров и активистов. Что в это время происходило в комсомоле «на нижних этажах» и на всем пространстве СССР, хорошо иллюстрирует статья Евгения Володина, написанная по случаю встречи Сергея Воронко-

ва и Сергея Попцова с комсомольским активом после приезда с Волжской встречи.

Из статьи Евгения Володина «Реформаторы и “болото”»:[82]

> «Казалось бы, Попцов и Воронков пришли на встречу с комсомольским активом – не иначе как в подготовленную аудиторию. Однако первые же вопросы показали обратное.
>
> На вопросы про себя два Сергея терпеливо объяснили. Во-первых, как сторонники правового государства и гражданского общества, участники Волжской встречи видят выход из кризиса в последовательности реформ. Поэтому, во-вторых, по многим параметрам они близки с межрегиональной депутатской группой (МДГ), выступают за полновластие Советов, демонополизацию экономики, за отмену 6-й статьи Конституции СССР. В-третьих, признают многопартийную систему.
>
> Посыпались вопросы: Как этого достичь? Вы лично что принимаете и что отрицаете в этой платформе? Но дискуссии не получилось. Один из выступающих предложил проголосовать: сначала кто за программу Попцова-Воронкова, потом – за мою.
>
> Результаты голосования многое расставили по своим местам: чуть-чуть за платформу Волжской встречи, еще несколько голосов за оратора на трибуне, и много-много «воздержавшихся». Вряд ли такой расклад можно назвать неожиданным. Скорее, он – отражение реальной действительности: никто не возражает, что комсомол переживает глубокий кризис, зато мало кто желает пальцем шевельнуть, чтобы ситуацию изменить. Предпочтительнее лягнуть исподтишка, «критикнуть», – что модно, и ничего не делать.

[82] Там же.

Одна из причин того, почему так происходит, была контурно вычерчена в этой самой неразвитой дискуссии между Попцовым и Воронковым, с одной стороны, и комсомольским активом – с другой. Когда все сошлись на том, что власть брать надо самим и делиться ею никто не будет, равно как и деньги надо зарабатывать по-новому, прежде чем самостоятельно распоряжаться теми же взносами, – стоило так заявить, как появилось другое заявление. Секретарь большой комсомольской организации рассказала, чем закончилась идея их «первички» тратить взносы по своему усмотрению или хотя бы иметь с них скромный процент. Вето на их резолюцию наложил инструктор обкома комсомола: это нарушение Устава!

С тех пор распоряжаться деньгами в той организации расхотели. И вот эта черта, почти толстовское непротивление, только старым изжитым схемам, – характерный штрих, увы, нашего современника. Многие смелы, да задним числом. Это в конце 70-х верхом отважности было критиковать комсомол и говорить, что он далек от молодежи и бюрократизировался. Тогда это был гражданский подвиг. Сегодня — голое критиканство, от которого никому не легче, а требуется как раз едва ли не гражданский подвиг – не непротивление, а активное сопротивление командно-административной системе и альтернативные поиски выхода, чем и заняты такие люди, как Сергей Попцов и Сергей Воронков. И не в ревизорах они нуждаются, не в критике, хотя и она не помешает.

Как это ни парадоксально, но именно комсомольский актив города дал понять двум комсомольским реформаторам: пока они, «активисты», предпочитают сдавать взносы и вести учет выбывших.»

Очень показательная статья, и это – сентябрь 1989 года!

Но комсомол политеха уже идет дальше – от слов и намерений, от размышлений и деклараций – к делу.

Из воспоминаний Сергея Воронкова, секретаря комитета ВЛКСМ ОрПтИ (1988–1990 гг.):

«Все те попытки реформирования, которые мы предпринимали в рамках комсомольской организации еще тогда, когда существовала партийно-комсомольская система, были ничем иным, как переходом комсомольской организации на ассоциативную форму объединений по интересам. Но понимая, что старой системы уже не будет, а новая еще не выстроена, этот эксперимент мы запустили первыми, в политехническом институте.»

Из воспоминаний Дмитрия Кулагина, будущего секретаря комитета ВЛКСМ ОрПтИ (1990–1991 гг.):

«Летом 89-го года Сергей предложил мне перейти на освобожденную комсомольскую работу. На этом студенческая жизнь отчасти закончилась, а с другой стороны, она начала блистать новыми гранями. Мне по-прежнему было очень интересно.

Я стал заместителем секретаря комитета. Все ждали Вакушкина из армии. Мне сказали, вот он вернется, и мы будем все вместе делать интересные дела. Осенью 1989 года собралась вся команда под руководством Сергея – я, Вакушкин, Котовщиков, Юля Зборовская, Саша Павлов и много других хороших ребят, которые поддержали идею Сергея о проведении эксперимента в комсомольской организации. Идея была по тем временам достаточно революционная, но тогда и время было такое. В закостеневшей структуре жить уже было невозможно, и надо было что-то предлагать. Поэтому начался тот эксперимент. Засучив рукава, с энтузиазмом мы взялись за это безумство, и эксперимент пошел.»

Из воспоминаний Игоря Вакушкина, будущего секретаря комитета ВКЛСМ ОрПтИ (1991–1992 гг.):

«Дальше хотелось бы отметить одно – этот просто энергетически, темпово сжатый отрезок времени. Для меня это с сентября 89-го по апрель 92-го. Этот кратчайший промежуток времени, в который произошло ну просто неимоверное количество событий! Это просто кусок жизни, наполненный ежедневно чем-то интересным, знаковым, любопытным, спорным, волнующим. Очень сжатый период, и многое, действительно, удавалось делать.

Все произошло сразу в сентябре, как только я вернулся из армии. Спасибо М.С. Горбачеву, который на съезде партии предложил дать студентам возможность доучиться, и я вернулся, фактически пропустив только один год. Замечательной была встреча с Сергеем Воронковым, который меня нашел и сказал: "Я – секретарь, и предлагаю тебе работать у нас в комитете." Я думал, что мне надо для начала поработать на факультете, в бюро комсомола, только потом в институтском комитете. Но Сергей сказал: «Вот у нас новая модель, мы отрабатываем сейчас такие-то вещи, нужны люди увлеченные и интересные.» Я сразу согласился. С 3 октября по инициативе Сергея Воронкова я был назначен заместителем секретаря комитета комсомола политеха. Конечно, это поменяло всю мою жизнь.»

11 ноября состоялась X отчетно-выборная комсомольская конференция ОрПтИ, на которой был осуществлен «подсчет цыплят» – комитет отчитывался за 3 года работы. И не только. На этой конференции и произошло то самое «эпохальное событие» в жизни комсомола Оренбургского политехнического института – был запущен «эксперимент». Но обо все по порядку.

Что этому предшествовало, сопровождало и продолжало, отражено в **Справке «О проделанной комитетом ВЛКСМ**

работе по осуществлению эксперимента в комсомольской организации ОрПтИ»:

«На заседании комитета ВЛКСМ 8 сентября был утвержден текст Платформы комитета комсомола, в которой был отражен взгляд на процессы, происходящие в ВЛКСМ, и изложено свое видение организационного и идейного строения комсомола. Текст Платформы был опубликован в газете «Политехник» от 22 сентября 1989 года. Партийный комитет института – без предварительного обсуждения Платформы – выносит на свое заседание от 27 сентября 1989 года вопрос о неправильной позиции редактора газеты «Политехник», коммуниста В.В. Шестова, опубликовавшего этот документ.

Комитет ВЛКСМ развернул среди комсомольцев обсуждение Платформы. Работа должна была завершиться отчетно-выборной комсомольской конференцией ОрПтИ. В газете «Политехник» была открыта дискуссионная трибуна, в которой свое мнение по поводу позиции комитета ВЛКСМ высказывали представители парткома, администрации, студенчества и общественных организаций. (В связи с редкой периодичностью выхода газеты, рубрика публиковалась только в одном номере). Материалы дискуссии освещались в стенной печати – за период с 11 ноября 1989 года вышли 2 стенные газеты. По результатам опроса, 38% опрашиваемых ознакомились с платформой из «Политехника» и из стенной печати.

4 октября 1989 года комитет ВЛКСМ вышел на заседание парткома с предложением о совместной работе по обсуждению Платформы и проведению с этой целью собраний в группах на занятиях по общественным наукам. В период с 9 октября по 5 ноября 1989 года было проведено 151 собрание. Члены парткома присутствовали на 7 собраниях, на 4-х из них – как ведущие преподаватели. Собрания проходили в форме дискуссий, на этих собраниях ро-

дилась и укрепилась идея эксперимента в комсомольской организации ОрПтИ. Попутно на этих собраниях комсомольцами выбирались делегаты на отчетно-выборную комсомольскую конференцию института – комсомольцы со своей жизненной позицией, неординарно подходящие к происходящим событиям. Делегаты были выбраны в 131 группе, 25 групп их выбирать отказались.

Одновременно проводилось анкетирование студентов по выяснению отношения студентов к положению в комсомоле и к Платформе комитета ВЛКСМ. В нем приняло участие 164 человека.

11 ноября 1989 года состоялась отчетно-выборная комсомольская конференция ОрПтИ. Прошла она организованно. На 1-м заседании нового состава комитета были намечены направления деятельности комитета. Была развернута пропаганда идей эксперимента через стенную печать, средства массовой информации, встречи со студентами. Выпущена стенная газета с развернутой информацией об эксперименте. Выпуск «Политехника» от 29 ноября 1989 года был полностью посвящен отчетно-выборной конференции и эксперименту. Вышли материалы в газетах «Комсомольское племя», «Южный Урал», информационном вестнике «Terra incognita», 30-ти минутная передача по областному радио. Выступление секретаря комитета по областному телевидению.

[Между тем,] 30 ноября по инициативе администрации на АДФ прошло собрание студентов, на котором была принята резолюция, постановляющая создание на факультете комсомольской организации и призывающая к роспуску комитета комсомола института. Подобное собрание планировалось провести за 2 дня на всех факультетах. Собрания на ФПП, ЭТФ и ИСФ собирались по 2 раза, так как администрация не могла обеспечить явку студентов на собрания, на ЭТФ и ИСФ для проведения собраний студенты были сняты с занятий. На всех собра-

ниях проходило обсуждение эксперимента, который комсомольцы полностью поддержали.

Комитетом ВЛКСМ была проделана большая работа по разъяснению ситуации, выпущена листовка, осуществлен выход на 16 потоков. С целью разъяснения условий эксперимента, были организованы выходы членов комитета ВЛКСМ на потоки. До 30 декабря осуществлен выход на 26 потоков, на 16 потоках такие встречи не состоялись. В настоящее время организованы встречи членов комитета комсомола с представителями, где оговаривается вопрос дальнейшей работы.»

Упомянутый номер газеты «Политехник» от 29 ноября 1989 года в 4 страницы почти полностью посвящен конференции и ее материалам. Хотя упомянут там и год А.А. Ахматовой. Нет, Ахматова, конечно, это хорошо, это очень талантливо. Но «Хорошо здесь: и шелест, и хруст; с каждым утром сильнее мороз» или «Что ты бродишь, неприкаянный, что глядишь ты, не дыша?» как-то не совпали с общим комсомольским настроением. И Ахматова оказалась где-то сбоку.

А в **информации о состоявшейся комсомольской конференции** сообщалось:

«Из 214 избранных делегатов на конференции зарегистрировалось 187. Из 24 приглашенных представителей администрации и парткома присутствовало …8 человек. Кроме того, в работе конференции приняли участие представители райкома, горкома и обкома ВЛКСМ, райкома, горкома и обкома КПСС, корреспондент областной молодежной газеты.

Делегатам было предоставлено право самим решить, в какой из рабочих групп, составленных по основным направлениям Отчетного доклада комитета ВЛКСМ, им работать. Затем группы разошлись по ра-

бочим кабинетам, где развернулись жаркие дискуссии по обсуждению доклада, проектов Устава и Программы комсомольской организации ОрПтИ.

На пленарном заседании после обеда присутствовало 183 делегата, 2 члена парткома и ни одного представителя администрации. Были доведены итоги деятельности групп, обсуждена целесообразность принятия эксперимента в рамках комсомола ОрПтИ. Подавляющим большинством голосов при 16 против и 4 воздержавшихся делегаты проголосовали за эксперимент.

Следующим вопросом повестки дня – выборами нового состава комитета – единогласно были избраны: секретарем – Воронков Сергей, заместителем секретаря – Кулагин Дмитрий, членами комитета – Котовщиков Олег, Вакушкин Игорь, Зборовская Юля и др.

Не смотря на то, что конференция затянулась до позднего вечера, комсомольцы до конца ее работы принимали живое участие в обсуждении поднятых вопросов.»[83]

Обсуждение на конференции проходило по группам «Социально-бытовые проблемы молодежи», «Трудовая деятельность студентов», «Комсомол и политическая борьба», «Культурное развитие и организация досуга», «Внутрисоюзная работа».

Работа в группах проходила по-разному. (далее текст приводится в сокращении.[84])

Группа «Социально-бытовых проблем молодежи» (модератор Олег Котовщиков) начала разговор с вопроса, поставившего членов группы (добровольно записавшихся в нее!) ... в тупик: «Насколько каждый из присутствующих

[83] «Политехник» № 29–30 (498–499) от 29 ноября 1989 года.

[84] Там же.

понимает суть эксперимента и как представляет себе дальнейшую работу или существование в организации в случае его принятия?» Пришлось провести разъяснительную работу. Обсуждения проектов Устава и Программы не получилось, по причине согласия с предлагаемыми комитетом или слабого знакомства с ними. Разговор постепенно сошел к изложению «болячек», обвинениям и поиску виноватых. Опять потребовалось разъяснение о необходимости самому «ударить палец о палец» при решении своей же проблемы. Затем группа попыталась очертить круг наиболее острых проблем, а логическим завершением работы группы стало создание первичной комсомольской организации по решению социально-бытовых вопросов. Уже через день после конференции состоялось первое организационное заседание этой первички.

Группа «Трудовой деятельности студентов» (модератор Дмитрий Кулагин) начала свою работу, как водится, с излияния всех бед и обид. Перевод обсуждения в конструктивное русло увенчался решением группы о борьбе за создание в институте совета трудового коллектива как первостепенной задаче. На пленарное заседание группа вышла с предложением создать при комитете ВЛКСМ экспериментальную группу для участия в разработке Положения об СТК и о проведении референдума (!) с целью изучения общественного мнения и разработки конкретных предложений.

В группе «Комсомол и политическая борьба» (модераторы Юлия Зборовская и др.) развернулись жаркие дискуссии. В старой системе всю политику студентов делал комитет комсомола, руководствуясь «ценными указаниями» райкома комсомола и парткома института. Помпезная и напыщенная игра в демократию всем порядком надоела. Иные возможности дает эксперимент. Большие споры вызвали вопросы о политическом статусе новой первичной организации, высказывались сомнения в возможности со-

существования в рамках одной организации групп с различной политической направленностью, о защите прав меньшинства. Эксперимент дает возможность возрождения комсомола как общественно-политической организации, но оправдает ли он наши надежды? Это зависит не только от формы и методов проведения эксперимента, но и от личной заинтересованности его участников.

В группу «Культурного развития и организации досуга» (модератор А.В. Сидоров) записалось 42 человека. Но желание что-то сделать для повышения культурного уровня студентов показали... очень немногие. Тем не менее, разговор состоялся. Если ранее самодеятельностью студенты занимались в добровольно-принудительном порядке, а организацию досуга возлагали на членов комитета ВЛКСМ и культоргов, то на конференции разговор шел на уровне рядовых комсомольцев. Главный обсуждаемый вопрос был «С чего начать?» С чего начать повышение общего культурного уровня студентов? Как привлечь студентов к организации своего личного досуга? Что сделать, чтобы в институте было больше интересных вечеров, праздников? В результате пришли к единому мнению, что начинать надо с личного примера. Была создана инициативная группа из 20 человек, которая попытается своим примером показать, как можно интересно отдыхать, организовав несколько больших и интересных мероприятий.

Группа «Подготовки высококачественных специалистов» (модератор Юлия Исаева) начала свою работу с... всеобщего молчания. Такая форма работы была непривычна, никто не знал, с чего начать. Выручила преподаватель философии А.Ж. Кусжанова, обрисовавшая положение дел. Первые несмелые реплики вылились затем в бурную дискуссию, на которую потом даже не хватило времени, отведенного по регламенту.

Главным вопросом был «Нужен ли эксперимент?» Одни говорили, что эксперимент ни к чему хорошему не

приведет, первички распустятся, комсомольцы разойдутся, «развалится то последнее, что у нас было, хотя, говоря по правде, все итак давно развалилось». Другие считали, что эксперимент внесет в жизнь много нового, и возможно, разбудит крепко спящую инициативу студентов. Равнодушных не было. Было высказано много предложений: о практике, о соучастии преподавателей и студентов в научно-исследовательской работе, о введении новых предметов – логики, психологии и спецкурсов по выбору студентов.

В группе «Внутрисоюзная работа» (модератор Игорь Вакушкин) горячее обсуждение вызвал вопрос о принципах создания первичных организаций. Принцип «по интересам» настолько сильно расходился с существующим территориально-производственным принципом, что многие не могли представить, что новый принцип можно закрепить документально. Единодушно было принято, что создание первичек по интересам предоставляет всем комсомольцам возможность окончательного самоопределения и ответа на вопрос «Нужна ли мне организация молодежи?» Некоторыми делегатами высказывалось мнение, что первички будут создаваться только «по интересам», а все другие принципы при этом отвергаться. Высказывалась уверенность, что эксперимент ничего не изменит, а цепочка первичка – комитет – руководящий орган будет работать по старой модели. В дальнейшем группа работала по проектам Устава и Программы, было внесено много предложений.

В завершение конференция приняла **Постановление**, в котором содержалось следующее: (приводится в сокращении).

> «Исходя из сложившейся кризисной ситуации в ВЛКСМ и из того, что ныне существующий Устав комсомола не отвечает требованиям сегодняшнего дня,

учитывая всю проделанную за 3 года работу в комсомольской организации ОрПтИ и ее анализ, сделанный комитетом комсомола, конференция постановляет:

Начать эксперимент на базе комсомольской организации ОрПтИ, принимая за основу эксперимента Платформу комитета ВЛКСМ.

Принять на время действия эксперимента Устав и Программу комсомола института, разработанные комитетом ВЛКСМ ОрПтИ.

В течение шести месяцев провести перерегистрацию членов комсомольской организации ОрПтИ. Для этого необходимо:

а) координационным центром считать комитет ВЛКСМ;

б) распустить все комсомольские организации групп, потоков, факультетов и преподавателей;

в) начать регистрацию новых первичных организаций;

г) первичной организации зарегистрироваться в координационном центре;

д) по истечении вышеуказанного срока не зарегистрировавшиеся ни в одной из первичных комсомольских организаций комсомольцы снимаются с учета как утратившие связь с комсомолом.

6. Очередную отчетно-выборную комсомольскую конференцию провести в 1990 году, учитывая итоги XXI съезда ВЛКСМ, на ней решить дальнейшую судьбу эксперимента и комсомольской организации в целом.»[85]

В **Программе комсомольской организации ОрПтИ**, принятой на конференции, в преамбуле значилось:

«Комсомол как организация в существующем виде этих вопросов [отсутствие структур по подготовке руководящих кадров нового поколения] не решит. Большую часть

[85] Там же.

организации составляет молодежь, искусственно затянутая в ВЛКСМ, которой чуждо понятие об общественных и политических организациях. Меньшую часть составляет молодежь с таким различным спектром убеждений, взглядов и интересов, которые одна организация отразить не в состоянии. Все эти группы объединены по территориально-производственному принципу, закрепощены жестким принципом демократического централизма и зацентрализованным управлением.

Поэтому необходим выбор цели с учетом реальной обстановки, которая характеризуется спросом на развитую личность и отсутствием условий для свободного развития. В изменении этой реальности комсомольская организация и видит свою задачу. В этом мы видим свое участие в строительстве правового, гражданского, развитого общества.

По направлению «Участие в подготовке высококлассного специалиста как гармонично развитой личности – главная задача комсомольской организации» были определены следующие задачи:

– необходимо ориентировать учебный процесс на работу со способными и трудолюбивыми студентами. Создавать для этого отдельные студенческие группы, изменить учебные планы, вплоть до введения новых учебных дисциплин или спецкурсов. Необходимо работать на студента, который стремится стать хорошим специалистом;

– принцип модульной подготовки и распределения специалиста. Группы («модули») должны формироваться из студентов и специалистов с различными специальностями и специализацией, способных целиком взять на себя решение комплексной проблемы модернизации объекта или изменения технологии производства. Это неизбежно приведет к кооперации с другими учебными и научными заведениями, что сделает возможным под-

готовку студентов не только в ведущих ВУЗах страны, но и за рубежом;

– кроме модулей, вводить специализацию студентов после 1-го курса. Договорам по целевой интенсивной подготовке студентов (ЦИПС) необходимо придать не только денежное выражение. Под каждый договор необходим паспорт на специалиста, разработанный выпускающей кафедрой совместно с предприятием, отражающий уровень его компетенции, с которым должен быть знаком студент со 2-го курса;

– процесс обучения необходимо выстраивать так, чтобы весь процесс обучения от курса к курсу работал на конечный результат договора по ЦИПС;

– прохождение производственной практики должно быть направлено на получение практических навыков в работе по специальности, на практическое исследование, внедрение научно-технических разработок, рацпредложений по конкретной проблеме и тематике подготовки студента. В связи с этим, необходимо развивать форму научно-производственных и др. студенческих отрядов, придав им новое содержание с точки зрения специализации и профессиональной подготовки;

– научно-исследовательская работа должна, кроме функции развития народного хозяйства, выполнять функцию повышения качества подготовки специалиста. Для этого НИРС должна стать неотъемлемой частью учебного процесса, с активным участием как преподавателей, так и студентов. Необходимо создание хозрасчетных студенческих КБ и производственных участков, где бы студент, кроме профессиональной подготовки, имел возможность подзаработать;

– изменить систему аттестации «Преподаватель глазами студента», чтобы она учитывала уровень аттестующих и давала объективную информацию по аттестуемым. Система аттестации преподавателя должна непосредственно

учитывать не только уровень самого преподавателя, но участие и уровень студентов, работающих с ним по одной тематике, чтобы преподаватель был заинтересован в поиске способных студентов;

– в преподавании общественных наук необходимо введение в программу новых дисциплин, дающих навыки мышления, таких, как логика, психология, спецкурсы по выбору студентов.

В области культурного и духовного развития мы будем добиваться:

– развития клубных форм организации досуга. Создания условий для их возникновения и существования. Решения вопросов с их финансированием и выделением помещений. Взять под защиту от административного произвола существующие клубы;

– развития индустрии культуры в институте, с созданием студенческого клуба, различных художественных коллективов с профессиональными руководителями;

– пропаганды культурных и духовных ценностей через средства массовой информации, организацию встреч, бесед, концертов;

– развития культуры в масштабе района, города, области.

В области защиты социальных интересов:

– создание нормальных бытовых условий проживания студентов в общежитии;

– изменить систему бесправия студента в вопросах привлечения его к различным работам, мероприятиям;

– создать систему информации для поиска студентами возможности подработки путем создания при Центре новых коллективов – для возможности работы внутри института, для решения социальных вопросов в районе, городе, области;

– улучшение бытового, медицинского обслуживания, и др.

Средства решения перечисленных вопросов:

Вся система работы должна строиться на том, чтобы предоставить возможности организации самому молодому человеку для решения своих вопросов и при необходимости помочь, но только с его участием.

– Решение вопросов должно осуществляться посредством привлечения студентов к управлению вузом, районом, городом, областью;

– необходимо непосредственное участие комсомольской организации в обсуждении и принятии Устава ВУЗа, в котором должны быть записаны не только права студентов, но и механизм их реализации;

– необходимо добиться того, чтобы в Ученые советы ВУЗа и факультетов были избраны те, кто хочет и может там решать поставленные вопросы учебного процесса;

– необходимо избрание двухпалатного Совета трудового коллектива ВУЗа с палатой студентов и палатой преподавателей и сотрудников. Любое решение, касающееся жизненных интересов студентов, в том числе и статьи бюджета института, должны быть утверждены обеими палатами;

– необходимо серьезное участие комсомольской организации в выборах в местные Советы народных депутатов районного, городского, областного, республиканского уровней, выдвигая и отстаивая своих представителей, через них реализуя поставленные вопросы культуры, соцкультбыта и перестройки образования;

– работа через представителей в СТК, местных Советах должна строиться не от выборов к выборам, а стать настоящей школой управления государством, как для депутатов, так и для избирателей;

– необходимо построение системы выявления и формирования общественного мнения. Для чего наладить работу социологической службы и средств массовой информации.

Для реализации задуманного необходима реорганизация внутри всего ВЛКСМ, поэтому комсомольская организация ОрПтИ считает необходимым:

– развивать и пропагандировать ход эксперимента в комсомольской организации ОрПтИ. С обобщенным анализом полученного опыта выйти на XXI съезд ВЛКСМ;

– использовать ход эксперимента для возможности практической работы, как комитета ВЛКСМ, так и первичных организаций.»

В пояснение планировавшихся новшеств секретарь комитета ВЛКСМ **Сергей Воронков пишет статью «Эксперимент приняли – что дальше?»**[86] В ней значилось:

«Каков же выбор форм отношений с ВЛКСМ у комсомольцев ОрПтИ?

Первый вариант. Любая группа студентов количеством не менее 3 человек может создать свою первичную организацию по любому из указанных во временном Уставе принципов. Члены первичной организации будут сами определять, в какой организации им регистрироваться, чем заниматься и т.д. (см.Устав).

Второй вариант. Любой член ВЛКСМ до апреля 1990 года имеет возможность выбирать первичные организации, в которые он хотел бы вступить. Можно встать на учет и по месту жительства. При этом не обязательно дожидаться окончания перерегистрации.

Третий вариант. Кто принципиально решил не состоять в комсомоле, могут выйти из него без каких-либо последствий, вернув комсомольский билет и написав заявление. Те, кто не определил для себя первичную организацию и не зарегистрировался ни в одной из них до апреля 1990 года, будут сняты с учета как утратившие связь с ВЛКСМ.

[86] «Политехник» № 29–30 от 29 ноября 1989 года

Четвертый вариант. Для тех, кто не смог сделать выбор, но хочет состоять в ВЛКСМ, – они могут создать свои первичные организации по формальному принципу, для уплаты членских взносов и членства в ВЛКСМ. Такие первичные организации составят институт пассивных членов в организации.

«А что мне будет, или что такое перерегистрация?» Те, кто выберет первый или второй вариант, найдет круг единомышленников, где он сможет выразить себя как личность, организация для них приобретет качественно новый смысл. Для тех, кто выберет третий вариант, ничего не изменится. Но и у человека, и у организации отпадет тупиковый вопрос, зачем они нужны друг другу. Для снятых с учета вступление не закрыто навсегда. Если человек почувствует необходимость в организации, он сможет снова вступить в ВЛКСМ. Перерегистрация ставит человека перед выбором и организационно его оформляет.

«А что мне даст новый (экспериментальный) комсомол?» Для комсомола это вопрос «быть или не быть?» Мы пытаемся ответить на него без тумана. В эксперименте мы пытаемся моделировать нормальную организацию, которая должна служить только механизмом, чтобы человек сам проводил в жизнь свои интересы. А ответ должен звучать просто: «Организация дает мне то, что **я сам** захочу от нее получить, и в соответствии со своими желаниями, я выбираю организацию».

«Не поступиться принципами» или нежелание видеть реальность. Точка зрения, что эксперимент – это развал комсомола, разброд по клубам и кружкам, потеря неиспользованных возможностей могучей организации, присутствовала и на конференции. Сторонники эксперимента очень ждали конструктивной критики. Но вместо этого, – демагогические заявления и призывы.

Новая модель позволяет не разрушать полезных институтов в комсомоле, не теряя его возможностей, выявить новые силы в молодежной среде и создать возможности для их развития. Сам же комсомол ни в коем случае не теряет своей политической направленности. Те, кто захочет заниматься политикой серьезно, например, через местные Советы, сможет создать действительно действующую организацию. Это и будет авангард молодежного движения.

«…Здесь столько непродуманного.» Недоговоренностей и условностей, действительно, много. По простым причинам. Во-первых, ограниченность эксперимента временем (в апреле XXI съезд ВЛКСМ), во-вторых, – ограниченность и специфичность условий (одна организация, только учащаяся молодежь). Конечно, что-то не досмотрели. Но что самое главное: в новых условиях это будут додумывать сами рядовые члены. На мой взгляд, самый важный итог конференции – это то, что красной нитью прошла мысль: пока мы **сами** не начнем организационно решать свои вопросы, ничего не тронется. Поживем – увидим!»

В принятом **Постановлении бюро комитета ВЛКСМ ОрПтИ**:

1. была определена необходимость развития молодежных СМИ, для чего решить вопрос о ставке для редактора молодежных газет (радио, стенной, многотиражной).

2. Переизбрание членов Советов вуза, подготовка выборов в Совет трудового коллектива.

3. Подготовка к выборам в местные Советы.

4. Развитие материальной базы студенческого театра «Полимир» и студенческого клуба.[87]

[87] Там же.

А что же институт? Партийная организация? А партийная организация тоже не дремала. Она действовала! По времени ее поджимало то обстоятельство, что после проведения отчетно-выборной конференции секретарь комитета С. Воронков и его заместитель Д. Кулагин уехали в Самородово. Поэтому действовали очень оперативно!

Из воспоминаний Дмитрия Кулагина, будущего секретаря комитета ВЛКСМ ОрПтИ (1990–1991 гг.):

«Партийная организация, как мне кажется, сначала немного растерялась, недооценив размеров того «буйства», которое задумала комсомольская организация. А потом начала активно этому противодействовать. Помню, ноябрь 1989 года. Я и Сергей находимся в Самородово. Одна из первых ОДИ, которую организовал обком КПСС. Вдруг прилетает Лена Цыпкина, наша завсектором учета, с выпученными глазами: «Ребята, революция!! Бондаренко собирает конференцию, вас будут свергать! Эксперимент надо сворачивать, и комсомольская организация должна жить, как все нормальные комсомольские организации!»

Мы бросаем это интересное дело под названием «игра» и прямиком мчимся, минуя дом, в родные стены политехнического. Там действительно, уже полный зал бурлит. Выходит на трибуну секретарь парткома И.И. Лисицкий, который попытался донести информацию до молодежи. Некоторые понимают, некоторые вообще не поняли, что за эксперимент, зачем их здесь собрали, оторвав от дел? Задора со стороны парткома им увидеть не удалось, но зато заведенные были мы. Вышел Сергей, все обстоятельно рассказал, потом поднялся я и спросил: «А зачем вас сюда собрали? Причем, вы не сами собрались, а вас собрали!», подчеркнув, что людей здесь используют как «пушечное мясо». В итоге мы вроде как отбились. Так эксперимент продолжился, а команда начала сплачиваться и формироваться.»

И хотя собранную «конференцию» «спустили на тормозах», она была нелегитимна, на ней не было кворума, и дискутировать на ней никто даже не пытался, тем не менее, надежды на то, что буря улеглась, и их оставят в покое, не было. Однако комитету не впервой, у него уже имеется опыт борьбы с «контрреволюцией». А опыт, как известно, дело не только наживное, но и неистребимое. Комитет в считанные часы выпускает листовку, обращенную к комсомольцам, и за 1–2 дня распространяет ее по институту. Главное оружие здесь – правда, и та, что говорят, и та, в которую верят.

> «Внимание! Информационная листовка!
>
> В результате нижеизложенных действий администрации, комитет ВЛКСМ вынужден был избрать такую форму обращения к студентам, преподавателям и сотрудникам. Мы уверены, что данная информация не может быть обнародована другим образом.
>
> 11 ноября на X комсомольской конференции делегатами было принято решение о проведении эксперимента в комсомольской организации ВУЗа. Конференции предшествовало серьезное обсуждение. Члены комитета ВЛКСМ провели во всех группах собрания. Ход обсуждения освещался в стенной печати и на страницах «Политехника». На собраниях выбирались делегаты от групп, имеющие свою точку зрения и заинтересованные в обсуждении. Обсуждение эксперимента на конференции шло 11 часов. Ни на стадии обсуждения, ни на конференции администрация не проявила интереса к предполагаемому эксперименту. Представители администрации не были ни на одном собрании в группах, на которые они приглашались, не высказали свою точку зрения ни в печати, ни на конференции.
>
> 27 ноября произошло событие, которое, на наш взгляд, послужило поводом для дальнейших действий админи-

страции. Готовясь к выборной кампании в местные Советы, комитет ВЛКСМ выяснил тот факт, что студент гр. 88 Э–1 Давыдов попал в избирательную комиссию Центрального района якобы по протоколу собрания студентов ЭТФ, которого на самом деле не было. Давыдова просто вызвали в деканат и направили в райисполком. Комитет ВЛКСМ поднял этот факт.

27 ноября администрация принимает решение о проведении факультетских студенческих собраний с повесткой дня «О текущем моменте». Деканаты обязывают провести факультетские собрания за 2 дня (в то время, когда секретарь и зам.секретаря комитета ВЛКСМ находились в командировке). Деканатами дается одинаковый проект резолюции для всех факультетских собраний, который сводится к восстановлению старой структуры комсомола и одновременно – к ликвидации комитета ВЛКСМ как органа и всех освобожденных работников.

Комитет считает, что администрацию не волнует ни эксперимент, ни судьба комсомольской организации. Подтверждение этому – то, что ни один представитель администрации не знаком с содержанием принятых на конференции решений, т.к. при принятии решений они отсутствовали, а принятые документы еще не вышли в «Политехнике».

Комитет ВЛКСМ считает, что администрацию просто не устраивает орган, готовый отстаивать свою точку зрения. Но ликвидировать комитет можно только руками студентов. Используется то, что информация о конференции не опубликована в «Политехнике», то, что многие студенты не разобрались в сути эксперимента.

Комитет ВЛКСМ считает, что это обычная политическая борьба, и призывает всех студентов, преподавателей и сотрудников определить свое место в ней, а не быть послушным инструментом.

Комитет ВЛКСМ ОрПтИ.»

Словом, комитет «проехал на бронепоезде», показав свою готовность к боевым действиям. И его оставили в покое! Навсегда! Ректор В.А. Бондаренко пригласил дерзких вожаков заключить мировое соглашение. Далее начиналась эра выстраивания взрослых партнерских отношений.

Из воспоминаний Игоря Вакушкина, будущего секретаря комитета ВЛКСМ ОрПтИ (1990–1991 гг.):

«Я был ответственным за информационный сектор, у нас была сформирована первичная организация молодых информаторов. Мы активно начали работать с «Политехником». Сначала – активно готовить и подавать туда статьи, заметки, информацию, потом запросили целую полосу, чтобы она была наша, самими по-новому оформленная. У нас появилась самиздатовская газета «Terra incognita». Помню, как в третьем корпусе на ксероксе мы все это делали, и даже вряд ли это был ксерокс, а то ли ротатор, то ли ротапринт, в общем, технологически это было непросто. В первый номер ребята рисовали картинки вручную и набирали текст на печатной машинке. Потом из кусочков, из полосок это вырезалось, накладывалось на листы формата А4, сгибалось пополам, получалось 4 странички. Они выкладывались в третьем корпусе или осуществлялась их свободная раздача. По сути дела, информационный стенд заменился вот такой самораздачей. И студенты с удовольствием разбирали. Некоторые экземпляры, спустя много лет, я видел даже в интернете. Как старший товарищ, помогал Андрей Саблин, советовал, даже, по-моему, название он предложил.

Но если говорить про этот насыщенный период, то главная волна – это, конечно, перерегистрация. Перерегистрация пошла не просто и не легко. И давление со стороны партийных структур: «Вы разваливаете комсомол!», и давление со стороны руководства вуза и преподавателей: «Вы распустили комсомол, развалили его! Какая саморегистрация?» Мы же давили на то, что в организации должны быть те

люди, которые хотят в ней находиться добровольно. И была двойная возможность – либо просто пройти перерегистрацию, либо войти в новую организацию не по территориально-производственному принципу, т.е. не просто в первичную организацию учебной группы.»

Из статьи **Петра Новохатского «Самоопределение в трех действиях, или К истории появления у нас…»**[88]:

> «Прошлой зимой институтский комсомол «переходит на эксперимент», то есть, фактически самораспускается. Ленин в свое время писал о необходимости слома старой государственной машины, а тут и ломать ничего было не надо. Самораспустились и все, началась перерегистрация. Из 3000 комсомольцев осталось 600, из них около 500 по формальному признаку. Перерегистрировались 46 первичных организаций института. Из них 7 определились, остальные вошли в комсомол по привычке, для карьеры или еще не знаю почему. 7 определившихся организаций для политехников весьма своеобразны: группа информации, любителей музыки, приверженцев шведской модели общества, союз молодой технической интеллигенции и пр. Сюда входят люди, которые знают, что им нужно.»

И хотя позднее ход эксперимента приведет его авторов к малоутешительному итогу, касающемуся не только численности организации, но и тогда они не отойдут от вывода, что решение о его проведении и полученные результаты были правильными.

Из воспоминаний Игоря Вакушкина, секретаря комитета ВЛКСМ ОрПтИ (1990–1991 гг.):

«Итоги, которые мы подводили потом, на первый взгляд, нерадостные. От 3000 человек списочного состава осталось

[88] Областная молодежная газета «Новое поколение» № 32 от 11 августа 1990 года.

600 с небольшим. Но с другой стороны, для нас это был успех, потому что 600 – это не 50–60 человек, и это 600 осознанных, интересных ребят! К тому же никто не запрещал вернуться.»

Между тем, «нерадостная картина» царила не только в институтском комсомоле.

Из материала «Распад ВЛКСМ: спустя 20 лет»: [89]

> «ВЛКСМ был в числе первых организаций и хозяйственных субъектов, перешедших на принципы полного хозяйственного расчета и самофинансирования. Можно сказать, что комсомол стал полем обкатки рыночного механизма в стране. В городах стали создаваться «инновационные», как сказали бы сегодня, площадки для работы с молодёжью – Дома молодёжи. В это же время комсомолу предоставили право выдвигать своих делегатов в Верховный Совет СССР.
>
> Казалось бы, вот она – демократическая «перестройка» комсомола, идёт полным ходом. Но кризис она не остановила. Наглядным доказательством этому стало неумолимое на всех уровнях сокращение численности комсомольской организации. С 1989 по 1990 год Союз сократился почти на 4 миллиона человек, в 1989 году 58 тысяч организаций не приняли в комсомол ни одного человека.
>
> Ситуация резко ухудшилась после того, как комсомольский актив России выступил в июне 1989 года за создание самостоятельного Российского Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. 3–4 октября 1989 года Бюро ЦК приняло решение о создании российского комсомола.
>
> Первой «ласточкой» непосредственного распада

[89] Распад ВЛКСМ: спустя 20 лет»: //Музей истории молодежного движения Смоленской области//http://www.molmuseum.ru/articles%20raspad%20vlksm.html

ВЛКСМ стал Коммунистический Союз молодежи Литвы, который в 1989 году заявил о своей самостоятельности. В этом же году отделился комсомол Эстонии.

Таким образом, к концу 1989 года процесс эволюции комсомола подошел к такому рубежу, когда недостаточно было менять формы, методы, стиль работы. Требовалось изменение сути и содержания деятельности комсомола. Стало очевидным, что его внутренняя структура не отвечает запросам членов союза.

Кроме того, эволюция комсомола затронула сферу отношений с неформальными юношескими объединениями, число которых резко возросло. Создание и деятельность самодеятельных молодежных групп свидетельствовали о том, что комсомол перестал быть монополистом молодежного движения в стране.

Эти процессы должны были учитываться при разработке новой модели комсомола. В начале 1990 года из коллективных усилий в ЦК ВЛКСМ сложилось четкое представление о том, каким должен быть обновленный всесоюзный коммунистический союз молодежи. Суть новой модели виделась такой: ВЛКСМ является федерацией, объединяющей самостоятельные ЛКСМ союзных республик, которые имеют свои уставы и программы.

Задачу коренного поворота в деятельности комсомола должен был решить внеочередной съезд ВЛКСМ.»

1990 – 1992 ГОДЫ

Начало 1990 года ознаменовалось обострением социально-политической обстановки в стране. 5–7 февраля Пленум ЦК КПСС принял решение об исключении из Конституции СССР статьи о руководящей роли КПСС и о введении президентского правления.

Комсомол страны готовился к XXI съезду.

> «Предполагалось попытаться провести на предстоящем съезде следующую концепцию союза. Сохранить индивидуальное членство в новом его понимании: член ЛКСМ союзной республики – член ВЛКСМ. Всесоюзная организация становилась, по сути, федерацией организаций и, возможно, меняет свое название на новое – Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи – Федерация за демократический социализм (ВЛКСМ – ФДС). Предложенная концепция должна была стать концепцией, переходной к новой форме союза, более точные и детальные черты которого пока не представлялось возможным определить.
>
> Было предложено не принимать Программу, которую все обязаны выполнять, а дать проект новой ориентации деятельности союза на суд самих членов организации. В том числе и для их самоопределения в связи с уже начавшимся образованием иных политических молодежных союзов.»[90]

5 января в газете «Южный Урал» выходит статья **Сергея Воронкова «Кому нужен комсомол?»** В ней он писал:

---

[90] Мироненко В. Комсомол в период перестройки советского общества: в поиске новой модели союза и новой молодежной политики. (1985–1990 гг.). Дисс.на соиск....канд.истор.наук.// http://vimironenko.narod.ru/sci/sci0001/sci0001_0.htm

«Не о реанимации комсомола как такового я хочу здесь поговорить, а о том, как и что нужно сделать, чтобы вся система ВЛКСМ заработала на молодежное движение в стране. Все реальные инициативы комсомола были направлены на реализацию социальных интересов молодежи. Выполнили ли они свою миссию? Система НТТМ так и не заработала, МЖК все больше превращается в помощь быстрейшему вводу квадратных метров. Комсомольские предприятия имеют отношение к комсомолу лишь при отчислении процентов. Причины?

Во-первых, реализация инициатив происходила с позиций, не выходящих за рамки организации. Во-вторых, реализация их происходила лишь с помощью аппарата. Никто не думал о том, как включить в это комсомольца, ради которого все это делается.

Изменения структур власти дали еще одно конкретное дело комсомолу – выборы молодежи в местные Советы. Но комсомол может «проиграть» сами выборы. Серьезность в том, что комсомол может вообще не найти своего места в этих процессах.

Любая организация сильна той социальной группой, интересы которой выражает. Интересы какой социальной группы выражает комсомол? Сейчас мы хотим вложить новое содержание в старую организацию, совершенно для этого неприспособленную. Имея внутри ВЛКСМ аморфную массу, мы придумываем новые дела, которые якобы должны что-то в кого-то вдохнуть. Вряд ли это получится.

Человек должен вступать комсомол, чтобы самому посредством организации реализовать свои интересы. Ненужные образования отпадут сами собой. Итак, главным приоритетом должно стать создание механизма включения в решение вопросов самого человека.»

Вопрос об участии в Советах к этому времени уже практически не обсуждался. Именно они наделялись всей политической (административной, хозяйственной и т.д.) властью в стране. И совсем не случайно «хождение во власть» становится одним из важнейших направлений деятельности комитета ВЛКСМ.

Из воспоминаний Ильи Писаревского, будущего секретаря комитета ВЛКСМ ОрПтИ (1992 г.):

«Осень 1989 года. Первый курс «Политеха» после года учебы в столичном техническом ВУЗе казался легким повторением пройденного. Свободного времени было в избытке.

В зале администрации Центрального района Оренбурга идет собрание комсомольской организации института. Посещать такие мероприятия уже давно никто не заставлял, и те, кто там находились, делали это либо по советской привычке, либо от скуки, либо с какими-то прагматичными целями. Не то чтобы я попадал в первую категорию или имел какие-то «корыстные» цели. Скорее, наоборот. Время было бурное, родители с сознательного возраста прививали «бунтарский дух», и к тому времени я не был лишен достаточной степени свободы в принятии самостоятельных решений. К тому же комсомол представлялся мне в гораздо меньшей степени скованным идеологическими догмами, а главное, – там были почти ровесники! Веселые, молодые, а часто и весьма симпатичные.

Вдобавок лидером политеховского комсомола в тот момент оказался человек с харизмой и обаянием. Говоривший без штампов и без бумажки. Производивший впечатление легкого на подъем и общение. Сергей Воронков – человек, благодаря которому жизнь моя сложилась именно так, а не иначе.

Осенью 89-го набирала темпы избирательная кампания в местные советы разного уровня. И кандидат в депутаты облсовета, Сергей Воронков искал себе команду. Теперь бы

сказали – формировал избирательный штаб. И я решился. После собрания подошел и сказал: хочу, могу, буду.

Подъезды, квартиры, встречи на площадках. Плакаты на ватмане по ночам. Это сейчас смешно. А тогда выборы были выборами. И за голоса избирателей боролись именно так даже те, кто был практически у власти. Может, поэтому после победы мне не стало скучно и не захотелось сбежать. Может, поэтому те, кто имел отношение к политеховскому комсомолу, стали командой единомышленников. Пусть даже всего лишь на время.»

Из воспоминаний Дмитрия Кулагина, секретаря комитета ВЛКСМ (1990–1991 гг.):

«Как обычно, Воронкову пришла мысль, а не пора ли нам собраться во власть? Ведь комсомол комсомолом, а надо нарабатывать опыт. В плане нарабатывания опыта ему действительно надо сказать большое спасибо, потому что он периодически придумывал весьма интересные формы работы, которые, может, кто-то из нас сразу не оценил, но потом они нам очень здорово помогли.

4 марта 1990 года должны были пройти тотальные выборы во все уровни власти, в представительные органы от Верховного совета до самого низового сельсовета. И комсомольская организация принимает решение активно включиться в избирательную кампанию. Мы пошли на выборы. Пошли, абсолютно не умея это делать. Избирком выпустил только листки с биографией кандидатов, никакой агитации, даже фотографий не было. И мы сами писали плакаты плакатным пером, Боря Ярцев в каком-то подполье нас фотографировал, эти плакаты я вешал в МПИ – «магазине против института», стараясь повесить так, чтобы не сорвали или усы не пририсовали. Воронков дал установку: «Кампанию проводить в режиме живого контакта с избирателями!» И мы пошли в народ.

27-го января 1990-го все гуляли у меня на свадьбе, а 30-го Воронков сказал: «Надо идти в округ!». И я добросовестно топтал округ, благо там у меня еще были общаги, готовые меня поддержать, но они на выборы ходили плохо, поэтому массовую неявку студентов пришлось компенсировать работой с бабушками в частном секторе.

В самый первый раз собирали подписи за Сергея. У него был самый ответственный участок – он баллотировался в областной совет. Я шел в городской совет, были наши кандидаты в райсоветы – Володя Хвацкин, Толик Кудрявцев, и такой системный подход к избирательной кампании позволил нам победить.

Если честно, я не очень верил в победу на выборах, тем более что у меня в округе был соперник на 10 лет старше меня, начальник цеха завода сверл, Никулин. Но к моему великому удивлению, я набрал 54% и стал депутатом горсовета. Сергей прошел в областной совет, что абсолютно закономерно, потому что он четко, системно работал, а наши ребята стали депутатами райсоветов. Тогда представительство ОрПтИ было потрясающим! Прошли и преподаватели. Так мы попали в депутатский корпус.

Мы получили депутатские мандаты. И, к слову, и в областном, и в городском советах было достаточно большое молодежное лобби, потому что на волне этой перестроечной активности очень многие ребята себя показали. Правда, у каждого по-разному сложилась судьба, но это были искренние люди и неординарные. Таким образом, молодежная политика начала коваться с представительных органов, что само по себе абсолютно правильно.»

Из воспоминаний Олега Котовщикова, зам. секретаря комитета ВЛКСМ ОрПтИ по орг. работе (1988–1990 гг.)

«Отдельной темой вспоминаются выборы в горсовет и райсовет, в которых мы принимали участие. Был создан штаб, составлен список желающих и способных пойти на

выборы. Писали программы, планировали встречи с избирателями, проговаривали вопросы, на которые на этих встречах нужно делать акценты, изучали конкурентов.

Я и еще несколько человек были доверенными лицами Кулагина. Вели полноценную работу с планами, графиками, отчетами. Нашим конкурентом в горсовет по Центральному району был начальник цеха завода сверл. Дима – студент 3-го курса – и чуть ли не директор завода! Сейчас такая конкуренция похожа на безумие, но тогда, во времена перестройки, гласности и демократии, было возможно все. Мы были бесстрашными, наглыми и нацеленными на победу.

Каждый вечер после 18:00 с нашим кандидатом мы обходили весь округ, стучались в каждый дом, знакомились с людьми, общались, отвечали на вопросы, когда они были. Короче, пахали! И каково было, по крайней мере, мое удивление, когда Дима выиграл выборы и стал депутатом горсовета, победив сильного и опытного соперника.»

Перефразируя уже упомянутую выше фразу, Советы – Советами, а комсомол еще никто не отменял, продолжалась работа и в институте. Соответственно, помимо «завоевания власти в Советах», накануне XXI съезда ВЛКСМ комитет комсомола принимает **резолюцию «О ходе эксперимента в комсомоле ОрПтИ и о предложениях XXI съезду ВЛКСМ»**. В ней отмечалось:

> «Процессы, начавшиеся в комсомольской организации после начала эксперимента, носят естественный характер:
>
> – начался процесс формирования первичек по интересам. Определяющими являются интересы, характеризующие студенчество как социальную молодежную группу. И работа их носит политический характер («Защита социально-бытовых интересов», «Молодые информаторы»);

– начался процесс образования нормальных общественных структур («Клуб любителей музыки», «Шведская модель» и т.д.);

– значительная часть комсомольцев объединяется по формальному принципу, показывая свое подвешенное состояние и неопределенные отношения с ВЛКСМ;

– после окончания перерегистрации явно прослеживается отток из рядов ВЛКСМ тех, кто без перерегистрации не скоро решился бы на такой шаг;

– наряду с этим, происходит политизация организации (активное участие в выборах в Советы вуза и в местные Советы);

– для всего происходящего общим является то, что образование новых первичек, жизнь самой организации определяет реальный социальный интерес, а не мифическая «идея», т.к. нет традиций и носителей идеи;

– вместе с тем, Программа, принятая на X конференции, *не стала программой действий для всей организации*, явившись таковой лишь для той инициативной группы в комитете ВЛКСМ, которая ее составляла.

Все перечисленное свидетельствует о том, что ВЛКСМ представляет собой разнородную молодежную массу и в существующем виде *не способен* объединить её в действующую организацию. Все попытки оформить ВЛКСМ как нечто единое, со своей программой и идеологией, не имеют сегодня под собой никакого основания.

Необходим период времени для того, чтобы произошло расслоение молодежных групп, объединенных жизненными интересами. Только в этом случае можно надеяться на то, что в молодежной среде обозначатся новые социальные силы, которые оживят и ВЛКСМ, и молодежное движение в стране.

Такой переходный период в организации ОрПтИ начался экспериментом. Чем бы он ни закончился, какие бы количественные результаты ни дала перерегистра-

ция, это не будет означать удачу или неудачу эксперимента, это лишь покажет реальную ситуацию в студенческой среде ОрПтИ.

Все, что показывает этот эксперимент, характерно для ВЛКСМ в целом. А неравномерность развития ситуации в стране лишь подтверждает необходимость переходного периода.

Исходя из вышесказанного, актив считает, что логически правильным, отражающим реальность, было бы следующее решение на XXI съезде ВЛКСМ:

– программу ВЛКСМ как единой организации не принимать, т.к. не понятно, интересы каких молодежных групп она будет отражать;

– принять официальную программу переходного периода в ВЛКСМ, раскрывающую все его содержание и значение для молодежного движения в стране;

– принять Устав и нормативные акты как способствующие выявлению новых сил в ВЛКСМ;

– через год созвать XXII съезд ВЛКСМ для анализа ситуации и принятия дальнейших решений.»

Из диссертации Владимира Мироненко, первого секретаря ЦК ВЛКСМ (1987–1990 гг.):

«Первый секретарь ЦК ВЛКСМ сказал: «Я не вижу другого выхода кроме принятия «Декларации», в том виде или в другом, и самоопределения, самоорганизации снизу вверх, от человека до союзного центра.

Наша позиция сейчас ясна – мы за союз единомышленников, который строится в соответствии с нашим опытом, нашими правовыми и политическими реальностями.

Уже на X Пленуме проявились две тенденции, которые должны были реализоваться впоследствии: тенденция дальнейшей перестройки и тенденция ликвидации ВЛКСМ.

> Главный редактор газеты «Комсомольская правда» Владислав Фронин и член ЦК Адилджан Якубов отстаивали известную «идею полновластной первичной организации, являющейся единственным источником властных полномочий».
>
> Будучи правильным по существу, это предложение в общественно-политической ситуации того времени вело к неизбежному распаду единого союза на самостоятельные организации.
>
> На X пленуме ЦК ВЛКСМ отмечалось, что нужна «не политика для молодежи, а политика, предполагающая участие молодежи и поощряющая ее активность».[91]

Сергей Воронков участвовал в работе XXI съезда. К этому времени он был уже признанным в Оренбурге, авторитетным комсомольским лидером. По приезду со съезда, он пишет в «Политехнике» большую **статью-впечатление «На съезде и вокруг него»**.[92] В ней говорилось следующее: (приводится в сокращении)

> «<u>«Направо пойдешь…налево пойдешь…?»</u>
>
> Президент и Генеральный секретарь ЦК КПСС, говоря о перспективе ВЛКСМ, дал однозначно понять, что партия хочет видеть в ВЛКСМ свой резерв, стоящий на одной платформе и проводящий в жизнь общие решения, и только такую организацию будет поддерживать. Но комсомол заявил о самостоятельности в выборе платформ и предоставил свою базу для различных молодежных движений. К тому же висит про-

[91] Мироненко В. Комсомол в период перестройки советского общества: в поиске новой модели союза и новой молодежной политики. (1985–1990 гг.). Дисс.на соиск....канд.истор.наук.// http://vimironenko.narod.ru/sci/sci0001/sci0001_0.htm

[92] «Политехник» № 15 от 18 мая 1990 года.

ект закона о налогообложении, грозящий похоронить все молодежные предприятия. Поэтому такая позиция КПСС к ВЛКСМ прозвучала условием: если вы с нами во всем заодно – у вас, как у резерва, проблем нет, а если хотите выбирать – выкручивайтесь сами.

«Скажи мне, кто делегат…»

Контингент делегатов определял многое: 60% в возрасте старше 25 лет, больше половины – освобожденные комсомольские работники, более 70% – с высшим образованием. Это не результат аппаратных игр – выборы проходили очень демократично. Это – наше чересчур позднее созревание и вступление в самостоятельную жизнь, а следовательно, позднее появление проблем и интересов, которые необходимо решать. Это – наш низкий уровень политической культуры, когда за судьбу организации переживает ее оплачиваемый корпус, а рядовые члены ограничиваются в лучше случае бесконструктивной критикой. Такой состав давал как плюсы, так и минусы. Большинство приехало со своим мнением по всем вопросам, подкрепленным жизненным опытом. Я бы это назвал самостоятельностью делегатов. Попытки навязать съезду что-то, манипулировать выступающими были затруднительны.

Уровень образования делегатов показал, что мы на этапе усложнения, но не смысла, а слов и предложений. Бешеная информация – с одной стороны, и отсутствие представлений и знаний – с другой. Сложно было понять, что говорится, – первое слово оратора противоречило последнему.

Колорит съезду придавало различие республиканских организаций. Делегации Средней Азии голосовали исключительно единогласно, только так, как сигналил первый секретарь ЦК республики. Делегации

Украины, Прибалтики и Кавказа тоже выступали единогласно по принципиальным вопросам, определившись по ним еще дома. Делегация РСФСР, пожалуй, была единственной, не имеющей своей политики на съезде.

Тем не менее, никаких сомнений в том, что XXI съезд – это новая веха в демократии молодежного движения, как по форме, так и по содержанию.

«Принципиальные моменты съезда»

Самостоятельность и взаимоотношения с партией. То, что ВЛКСМ должен стать организацией самостоятельной, сомнений не вызывало. Что с партией сотрудничать надо, если мы принципиально не расходимся в программных позициях, тоже было ясно. Что ВЛКСМ должен высказывать свою политическую оценку событий в стране, поддержано всеми. Продекларировали, а как это будет реально?

Таким первым шагом стало обсуждение открытого письма ЦК КПСС, опубликованного во время съезда. Впервые за всю историю комсомольский форум высказал принципиальное несогласие с позицией ЦК КПСС. А дальше было выкручивание рук, пошли ультиматумы. Ведущий Мироненко начал ставить вопросы на переголосование. Обстановка на съезде стала неуправляемой. После чего предложили создать согласительную комиссию, и заседание съезда закрыли, даже не голосуя.

Много копий было сломано по вопросу модели союза. Большинство сошлось на том, что союз должен быть федерацией союзов, а каких союзов – вызвало много дебатов. Принципиально обсуждался и вопрос о собственности ВЛКСМ.

«Оправдались ли наши ожидания, или что дал съезд…»

Ожидание чудес от разного рода собраний у нас прошло. Большинство понимало, что какое бы удиви-

тельное решение съезд ни принял – никаких резких изменений не произойдет. О роспуске ВЛКСМ вопрос не ставился и не рассматривался. Шла речь о том, как лучше использовать то, что ВЛКСМ имеет (финансы, юридические возможности и т.д.), для того, чтобы включить молодежь в управление страной через решение своих проблем. Принцип демократического централизма отменен, его отменяет сама децентрализация власти.

На мой взгляд, ВЛКСМ сделал исторический шаг для своей реабилитации перед всей молодежью, предоставив ей то, что годами на ней заработал.

Съезд принял нашу модель, и это подтверждает правильность наших идей.

«В кулуарах съезда»

Затраты на съезд составили 2,5 млн.руб. за 2 недели, на XX съезд было затрачено 19,5 млн.руб. за 5 дней. На заседаниях, кроме первого дня, отсутствовало по 400 человек, это правда. Не знаю, как это объяснить. То ли делегаты бродили по Москве в поисках чего-нибудь поесть, то ли отсыпались после знакомств до утра, – сказать сложно. Даже гимн вначале не исполнили. Только после записки прибалтийской делегации после первого перерыва ритуал был соблюден. А в общем, считаю, все было нормально.»

О том, как завершалась история огромной молодежной организации под названием ВЛКСМ, сегодня написано довольно много. Если вкратце, то это выглядело так.

Из диссертации Владимира Мироненко, первого секретаря ЦК ВЛКСМ (1987–1990 гг.):[93]

[93] Мироненко В. Комсомол в период перестройки советского общества: в поиске новой модели союза и новой молодежной политики. (1985–1990 гг.). Дисс.на соиск....канд.истор.наук.// http://vimironenko.narod.ru/sci/sci0001/sci0001_0.htm

«И все же съезд выполнил свою главную задачу. Совет представителей делегаций рекомендовал принять проект документа «Программные цели ВЛКСМ». Три раздела первой программы комсомола – участие, развитие, мир, – воспроизводящие три ключевые идеи Международного года молодежи ООН в 1985 году, итожили пройденный комсомолом путь и четко обозначали направление его дальнейшего развития.

Всего за три года, прошедшие между XX и XXI съездами, ВЛКСМ был пройден большой путь. В результате комсомол в начале перестройки и в 1990 году – это, по существу, две разные организации, две уже различные модели молодежного движения.

Проведя за несколько дней до съезда в Верховном Совете СССР в первом чтении закон «Об основах молодежной политики в СССР», ЦК ВЛКСМ «застраховал» молодежь от реальной и сознававшейся опасности разрушения ее организации.

Фактически был принят и «запущен» проект государственной системы социальной поддержки молодежи и молодежных организаций.

При благоприятном развитии событий все это привело бы к формированию совершенно иной структуры демократического молодежного движения, способного стать опорой для проведения действительных демократических преобразований.

Организация полна жизни и сил, формирует далеко идущие планы обновления и развития. Можно ли только на основании некоторого сокращения численности организации и сокращения приема новых членов, что стало следствием последовательного и сознательного восстановления демократических норм членства внутри комсомола, делать вывод об агонии союза?

У автора не осталось никаких сомнений, что за спиной так называемой «демократической оппозиции в ВЛКСМ» стояли мощные политические силы, которые, не считаясь с затратами, вели дело к разрушению союза.

Частично под давлением объективных обстоятельств, частично из-за субъективного недопонимания возможностей, заложенных в новую модель организации и молодежного движения вообще, он пошел по пути самоликвидации союза.

Самороспуск союза, происшедший через полтора года после XXI съезда ВЛКСМ, не был единственным возможным исходом его перестройки. Он был предопределен не столько внутренними, сколько внешними по отношению к нему процессами.»

Из материала «Распад ВЛКСМ: спустя 20 лет»:[94]

«В период подготовки XXI съезда ВЛКСМ Центральный Комитет еще считал, что существуют альтернативные идеи развития комсомола в виде движения политклубов, научно-технического творчества молодежи, молодежных жилищных комплексов, студенческих строительных отрядов, экологического движения и др. Но после августовских событий 1991 года ЦК резко взял курс на ликвидацию молодежного комсомола как Всесоюзной организации.

Все решилось на XXII чрезвычайном съезде ВЛКСМ, созванном в Москве в сентябре 1991 года.

В своем докладе В. М. Зюкин заявил: «Старая система разрушена, и вместе с ней из политического бытия должна уйти и организация, которая была элементом системы. Существование комсомола даже в

[94] Распад ВЛКСМ: спустя 20 лет//Музей истории молодежного движения Смоленской области//http://www.molmuseum.ru/articles%20raspad%20vlksm.html

новых одеждах объективно невозможно». Участь комсомола была предрешена

Единственным вопросом, который активно обсуждался на съезде, была дальнейшая судьба комсомольской собственности.

Последнюю попытку сохранить комсомол предприняли российские делегаты съезда, собравшиеся в Москве в октябре 1991 года на первой конференции комсомола России. Здесь было принято решение о создании на базе ЛКСМ РСФСР новой, теперь уже неполитической, негосударственной и некоммерческой организации, а именно, Российского Союза Молодежи. Он стал юридическим правопреемником комсомола на территории России.

Так закончилась история Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, организации, с именем которой была связана молодость многих поколений, начиная с 1918 года.»

Тем временем, в 1990 году комсомол политеха еще продолжал жить и работать. Три года поиска и строительства базы для деятельности молодежной организации уже были представлены в виде зримых и ощутимых результатов. В виде тех самых материально-технических, организационных, финансовых, правовых, идеологических условий «для свободного развития и самореализации личности», ставшей в эти годы главной ценностью и целью существования комсомольской организации института. Поэтому у комитета была программа действий, было видение перспектив, понимание, куда идти и за счет каких ресурсов добиваться своего самоопределения. У него был процесс, запущенный экспериментом. И была работа, интересная и очень разнообразная, в которой каждому рядовому комсомольцу предоставлялась возможность выбрать себе дело по душе. Если только эта душа к чему-нибудь стремилась.

Из статьи **Петра Новохатского «Самоопределение в трех действиях, или К истории появления у нас…»:**[95]

«Основываться просто на членской базе нельзя, – утверждает Сергей, – это позволительно разве для профсоюзов. А смысл нашей работы – обеспечить возможности роста в разных сферах деятельности. Точнее, пока в трех: политике, коммерции и углубленном изучении своей специальности.

Смотрите, какая здесь механика. Первое действие комсомола – информирование вновь поступивших о своей работе и поиск среди них нужных людей. Это делается через институтских социологов, опросы и психологическое тестирование.

Второе действие – включение человека в конкретную деятельность. Если он желает стать хорошим спецом – работай с центром интенсивной теоретической подготовки. Это дополнительные занятия, спецкурсы, наука. Если хочешь зарабатывать, есть МЦ «Политехник», который работает по договорам от института и заодно делает комсомол ОрПтИ богатенькой организацией, в отличие от большинства райкомов. На очереди создание социально-экономического отдела, который будет так же заниматься коммерцией, но уже не в свободном режиме, как «Политехник», а с ориентацией исключительно на возможности и специфику студентов. И, наконец, политика. От института трудятся четыре молодых народных депутата разных уровней. Можно работать с ними, можно тренироваться на Совете вуза, где от комсомола 16 «заднескамеечников».

Но это только на 5 учебных лет, а дальше.? А дальше действие третье, – говорит Сергей, – мы как бы ставим человеку планку и строим ему схему дальнейшей

[95] Областная молодежная газета «Новое поколение» № 32 от 11 августа 1990 года.

деятельности. Подыскиваем место работы, сводим заинтересованных лиц. Кто заинтересован? Ну, например, совместное (СССР – Панама) предприятие «Интерметод».

Они надеются не терять связей и в дальнейшем (кто бы где ни работал), чтобы осуществлять совместные проекты, чтобы везде были свои люди.

Воронков, посчитав, что он сделал свое дело, собрался уходить. Остаются пока его единоверцы. Но вот, говорю я ему, уйдут и они, а организация рухнет, т.к. в нее придут другие люди, у которых другие цели, головы работают по-другому.

– Не рухнет. Потому что сама ее структура предполагает набор особых людей. Чужие сюда не попадут.

Ответ хороший, но дерзкий. Я бы сказал осторожнее: вроде не должна рухнуть, вроде все продумали.

А особость людей, о которых говорит Воронков, заключается в том, что они не испорчены. Те, кто хочет просто перекантоваться в этой жизни, в систему попасть не должны. Ибо она задумана как противоположная существующей, ибо в ней заложены схемы деятельности, рассчитанные на труд и изменение, – не на приспособление. Здесь есть что-то от заговора, когда люди не подстраиваются к общественным механизмам, но намерены идти против них.

Схема политехнического института никуда один к одному не приложится, надо самому плевать против ветра. Ребята-политехники в данном случае проявили себя как социальные инженеры, то есть, в конкретном месте построили конкретную социальную конструкцию для конкретных людей. Социальное творчество, в принципе, тиражируется, но, как и в искусстве, результатом будут копии – бледные и дешевые. Поэтому следует пробовать творить самому, если есть талант – вполне может получиться.»

Из воспоминаний Игоря Вакушкина, секретаря комитета ВЛКСМ ОрПтИ (1991–1992 гг.):

«Комсомольская организация политехнического института могла просто развалиться по схеме «дверь захлопнули и все ушли на фронт» или же по приказу ректора или проректора. У нас происходил процесс перерождения на базе старого, да, но это было сделано красиво! Мы боролись, и впоследствии было больно понимать, что мы делали безобидные вещи, и не было бы борьбы, если бы «старшие товарищи» в руководстве могли нас поддержать или хотя бы не мешать, и мы бы спокойно работали и развивали бы внутрисоюзную деятельность.

В этот период мы реально учились на ходу. Я как ответственный за информационную работу сообщал о событиях и мероприятиях, вступал в перепалку с Шестовым и т.д. Но параллельно, еще на первом курсе, самостоятельно прошел школу рационального чтения, и когда в школу инновационных процессов (ШИП) вдруг потребовался специалист по рациональному чтению, я там тоже участвовал.

Но во всех этих процессах, при подведении итогов крупного комсомольского мероприятия, мы делили уже четкие направления не просто по интересам, а в нашей информации были разделы «Перестройка учебного процесса», «Культурное и духовное развитие студентов», «Социально-бытовые вопросы и трудоустройство студентов», «Управление вузом». Это очень, как мне казалось тогда и кажется сейчас, серьезный замах с системным подходом.»

Из воспоминаний Дмитрия Кулагина, секретаря комитета ВЛКСМ ОрПтИ (1990–1991 гг.):

«В частности, в это время я вспоминаю ШИП – школу инновационных процессов. Вакушкин там отвечал за школу скорочтения, а мне доверили читать ораторское искусство. Говорить мне приходилось со школьной скамьи, но думаю, во многом моя сегодняшняя словоохотливость сложилась в ре-

зультате изучения курса ораторского искусства, который я потом нес дальше, обучая этому искусству школьников. По крайней мере, для меня школа была хорошая.

Помню, как финал «На Николаевской» превратился в битву команд КВН вузов. Мы с Вакушкиным, как секретарь и зам.секретаря комитета ВЛКСМ, выступали на сцене в простынях в стиле придуманной мной древнегреческой сценки, посвященной антиалкогольной кампании. Всю программу придумывали сами. И танцы, и тексты, и постановки. И 3-е место, которое мы заняли, было потрясающим успехом! В институте после этого вышла газета со словами: «Сердцу нашему утеха – третье место политеха!» Нас обыграл только мединститут и лётка. Но для нас это третье место было чем-то потрясающим.»

Однако события в стране уже развивались так, как не было предусмотрено ни одним сценарием авторов перестройки. Это не могло не отразиться на социально-политической обстановке Оренбурга. Не могло не побуждать к новым размышлениям, оценкам, поискам уже повзрослевших комсомольских лидеров. К их новому самоопределению.

Из воспоминаний Сергея Воронкова, секретаря комитета ВЛКСМ ОрПтИ (1988–1990 гг.):

«Весь этот путь, который мы прошли с 1986 по 90-й год, я бы назвал путем от революционной романтики к становлению профессиональной партийно-общественной организации. Со своей программой, со своей концепцией и с пониманием стратегии того, как надо строить работу, вписываться в общий контекст развития страны со своей миссией и значением того, что мы делаем. В процессе все это было не только осмыслено, но и оформлено в документах, реализовано в тех проектах, которые мы пытались сделать. Это и стипендии по КТУ и много другого, фактически придя на финише к

пониманию не только того, куда развивается страна, но и того, что должно произойти что-то глобальное и серьезное, с потерей статуса и роли той управляющей системы, которая была в стране.

Это в общем уже было понятно в 1989 году, когда начинались первые альтернативные выборы. Уже тогда коммунистическую партию на митингах затыкали за пояс новые демократические силы, и уже было понятно, что ситуация выходит из-под контроля. Тогда мы и начали осмысливать концепцию реализации государственной молодежной политики.

А в 1990-м году эту идею мы начали реализовывать на уровне горкома комсомола, фактически одними из первых в стране. И к моменту, когда партийно-государственная система рухнула, а партия и комсомол потеряли статус главных скреп и управляющих систем, первый комитет по государственной молодежной политике в рамках оренбургского горисполкома уже был создан! А мы уже обсуждали первые программы государственной молодежной политики с депутатами в рамках городской Думы.

И если бы не окончательное разрушение всей общественно-экономической формации, существовавшей в то время, то возможно, из этого бы и получилось то, что пытаются выстраивать сегодня, а именно объединение из множества молодежных организаций, военно-патриотических, волонтерских и прочих, которые могли бы предоставить молодежи возможность для самореализации. Собственно, на этом базировалась и модель государственной молодежной политики как модель социализации молодежи, т.е. с одной стороны, попытка выстроить новые формы социализации в виде различных институтов социальной поддержки инициатив самой молодежи и в виде попыток реформировать существующие институты социализации молодежи, внося в них новые формы.»

Из воспоминаний Дмитрия Кулагина, секретаря комитета ВЛКСМ ОрПтИ (1990–1991 гг.):

«Хочу вспомнить страшный для нас день, когда Воронков, периодически пропадавший то в городе, то в области, пришел и сказал: «Ребята, создается городской комитет по делам молодежи, я ухожу туда работать.[96] А вас оставляю, давайте, вы тут определяйтесь. Секретарем я буду предлагать Диму, а замами Олега и Игоря.»

Конечно, для нас это был шок! Потому что мы привыкли под его крыльями спокойно работать и знали, что если ошибемся, то нас всегда поправят и помогут. Но все равно нас бросили на самостоятельную работу.

В октябре состоялась конференция, меня избрали секретарем. Никаких кардинальных изменений, ломки подходов, потому что там эксперимент, и ничего другого мы не мыслили, продолжили эту линию. Единственно, появилось много интересных молодых людей, совсем юных и очень активных. Это был следующий набор в комсомольскую организацию, потому что старшие выросли и разлетелись. Сергей перешел на новую работу, а мы продолжили работать. Вспоминаю Илью Писаревского, Юру Гарбузова, Анатолия Голика, Витальку Гейнишера, т.е. команда была новая.

Между тем, все равно ходили к Воронкову за советом, он к нам приходил, общались. Дружба не прервалась, попрежнему были рядом, помогали друг другу. Сергей опирался в становлении ГКДМ именно на комсомольскую организацию политеха, это естественно, это была база, команда. И я потихоньку понимал – шел 90-й год – что все катилось к не самому лучшему завершению. Поэтому когда мне было предложено перейти в Дзержинский район, в отдел по делам молодежи, я согласился. Вообще-то, я прикипаю к старому, к старой команде, но горком сказал – и я пошел. Началась

[96] Сергей Воронков стал председателем Оренбургского городского комитета по делам молодежи, где проработал до 1994 года.

новая страница нашей совместной работы и дружбы в стенах структур государственной молодежной политики.»

Из воспоминаний Игоря Вакушкина, секретаря комитета ВЛКСМ ОрПтИ (1991–1992 гг.):

«Когда в 1990 году из комитета ушел Сергей Воронков – пошел создавать молодежную структуру в городе, это было очень тяжело и сложно. Я переживал, мне казалось, что политех – это все в этой жизни, его еще надо довести до ума. Не понимая еще, что так или иначе комсомольские организации прикажут долго жить, и на смену им придет большое количество других организаций. Я не мог этого предположить и увидеть издалека.

Очень жаль, что у нас пошел калейдоскоп смен руководителей. Дмитрия Кулагина в декабре формально утвердили секретарем комитета комсомола института, а в апреле 1991 года он уже работал в комитете по делам молодежи Дзержинского района г.Оренбурга, и это произошло так же молниеносно. Маленький отрезок времени – и столько событий, столько смен! В июне 1991 года меня поставили на эту должность, в сентябре мы еще сделали специальный выпуск «Политехника» с информацией о тех первичных организациях, которые есть, а уже в апреле 1992 года я работал специалистом отдела по делам молодежи администрации Промышленного района.

Помню наш разговор с Ильей Писаревским. Он учился на автоматизации машиностроения, великолепный, творческий парень, отлично играл в КВН, был активным членом комсомола. Когда я рассказал ему, что меня позвали на работу в отдел по делам молодежи, он не удивился. При мне, секретаре, он был заместителем, и я, соответственно, как положено, передал ему печать, бланки, реквизиты. Он стал следующим секретарем комитета комсомола. Как там все сложилось с комитетом комсомола после 1992-го года, мы с Ильей не обсуждали, но так или иначе, по крайней мере, было кому отдать.»

Еще один районный отдел по делам молодежи г. Оренбурга, Ленинский, возглавил тоже выходец из политехнического института – бессменный руководитель студенческого театра «Полимир» А.В. Сидоров.

Таким образом, весь боевой костяк комитета ВЛКСМ Оренбургского политехнического института вслед за Сергеем Воронковым встал во главе формирования в городе новых молодежных структур – комитетов и отделов по делам молодежи.

Из воспоминаний Ильи Писаревского, секретаря комитета ВЛКСМ ОрПтИ (1992 г.):

«Зимой 1990-го я попал в комитет комсомола, став его членом. Делая мне предложение войти в его состав, Сергей спросил меня: «А чем тебе было бы интересно заниматься?» Этот вопрос поставил меня поначалу в тупик. Воспитательная функция комсомола казалась мне столь архаичным рудиментом, что представить себя в такой роли я не мог в принципе. Однако был у первички один проект, который шел со скрипом, но был завораживающе интересным, – КВН. Цель – выиграть у «медиков», признанных фаворитов в то время. За медиками – Ефим Давыдович Цимберг, «Горицвет», «Летучка». В политехе – все с нуля! Амбициозная цель. Но разве интересны другие?

Тот год прошел уже без Сереги Воронкова, он ушел в комитет по делам молодежи. А мы начали поиски решений. Все вместе. Кулагин, Вакушкин, Юрка Гарбузов, Наташка Костина, Виталик Генишер – мой одноклассник, и другие. Первый «пробный шар» бросили на Дне первокурсника. Получилось! Зрителю понравилось.

Через год были уже третьими на городском финале. А потом «Геша» (Виталик Генишер) позвал в команду Серегу Герасименко со своими парнями со строительного. Это была бомба! Все придумывалось на одном дыхании. А талант Сереги превращал придуманное в настоящее шоу! И мы выигра-

ли. Впервые за все годы существования КВН в Оренбурге политех оказался первым! Полный зал ДК «Дружба» (помните, тогда ДКиС «Газовик» назывался так?) благодарил смехом и аплодисментами. Мы выиграли «ГранПри»!

Дима Кулагин и Игорь Вакушкин (уже покинувшие политех) тоже «хохмили» на сцене, вместе с нами. Отмечали победу тоже вместе, как и положено в таких случаях. Строили планы, мечтали о студенческом театре, гадали, где взять на это деньги. И во всем этом не было ни капли того унылого комсомола, каким он представлялся мне всего пятилетие тому назад. В моей комсомольской карьере наступило самое яркое и бурное время. Калейдоскопы выступлений, какие-то праздники, сцены, концерты. Море хорошего настроения и позитива!

К тому моменту уже ушел из политеха и Дима Кулагин. Впрочем, связи с бывшими коллегами мы не теряли, продолжали общаться. Только теперь они стали заказчиками, а мы – комитет комсомола политеха – исполнителями культурных проектов 2-х молодежных комитетов – областного и городского. Свободный от всякой идеологии, он, по сути, превратился в развлекательный молодежный центр института. И знаете, я не могу сказать, что кто-то воспринимал тогда такую ситуацию с сожалением.

В 1992-м ушел Игорь Вакушкин. Я оставался последним секретарем комитета комсомола ОрПтИ. В организации к тому моменту состояло не более 70-ти человек, половина которых были участниками команды КВН. В политехе вовсю кипела стройка – плод деятельности ректора В.А. Бондаренко. Приоритеты вузовского ректората менялись вместе со страной, а комсомол постепенно отодвигался от институтской жизни все дальше и дальше. В том числе и территориально. Сначала сократились площади, потом переселились в другой корпус. В конце концов, переехали в общагу. Единственный плюс, который был в этом переезде, – в подвале был клуб, который нам обещали отдать под студенческий театр. Слава «Горицвета» все еще не давала нам покоя, и мы

грезили мечтой зародить театральную традицию в стенах родного ВУЗа. Не случилось...

Но многочисленные победы и выступления на площадках города ожидаемо не прошли даром, став, по сути, почти для всех участников толчком к будущей карьере – работе на телевидении. Зимой нас позвали в эфир «Региона». И его силами, на его оборудовании мы сняли свои первые развлекательные передачи. Еще в статусе политеховской команды и политеховского комсомола.

А в конце весны Вадим Никулин, мой коллега, многолетний секретарь комитета комсомола мединститута, позвал нас на «Планету». «Планета» отдавала нам целый день своего эфира. Лучший день! Пятницу! Уже в августе 92-го вышли в эфир наши первые передачи. Курсив, Фильм-Лидер, Аэроплан – эти названия еще долгие годы были и на слуху, и на виду в городе Оренбурге. А в виде отдельных эпизодов и на общероссийском уровне. И это тоже был комсомол политеха. Успешный и прогрессивный, каким и должна была быть, по моему (а может быть, и по нашему общему) мнению, студенческая молодежная организация ВУЗа.

* * *

А где-то в подвале общежития № 3, в так и не построенном театре КВН, остался сейф с книгой учета последних членов комсомольской ячейки Оренбургского политехнического института. В стране вовсю кипела новая, бурная жизнь молодого российского капитализма.»

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Из воспоминаний Сергея Воронкова, секретаря комитета ВЛКСМ ОрПтИ (1988–1990 гг.):

«Эти четыре года – это был такой хороший старт-ап проекта под названием «государственная молодежная политика в новых условиях», который вырос от идеи до целого пакета оформленных инноваций, которые впоследствии реализовались не только в Оренбургской области, но и в Санкт-Петербурге, а потом и в форме Доктрины, предложенной Госсовету Российской Федерации. Вот так можно обозначить тот путь, который в эти годы мы прошли.»

Из воспоминаний Олега Котовщикова, зам. секретаря комитета ВЛКСМ ОрПтИ по орг.работе (1988–1990 гг.):

«Комсомол для меня не был ни школой, ни институтом – это была настоящая АКАДЕМИЯ жизни. Он учил ставить цели и их достигать, брать на себя ответственность за конечный результат, формировать себя как личность, раскрывать свой потенциал и развивать его. Он учил быть неравнодушным к тому, кто и что тебя окружает, учил создавать реальность, в которой тебе хотелось жить, учил настоящей дружбе и товариществу. Учил не бояться трудностей, а видеть в них ступени своего развития! Учил честности, порядочности и справедливости. В конце концов, – он учил учиться.

Этого комсомольского задора, который нам был присущ, было недостаточно для побед. Нужна была работа с целеопределением каждого, формированием команды единомышленников, формированием сознания успешных людей. И это делали Сергей Петрович Иваненков и Ажар Жалелевна Кусжанова. Забегая вперед, можно сказать, что они справились с этой задачей на «отлично». Все те, из узкого комсомольско-

го круга, с кем они работали, состоялись как успешные личности. Их умение увидеть потенциал человека и правильно, системно его развивать, наверное, и есть их главная заслуга, а может быть, и миссия в жизни.»

Из воспоминаний Дмитрия Кулагина, секретаря комитета ВЛКСМ ОрПтИ (1990–1991 гг.):

«Славная первичная организация Оренбургского политехнического института! Очень благодарен судьбе за то, что она свела меня с замечательной организацией, с замечательными людьми, которые посвятили себя комсомолу. Искренне благодарен комитету комсомола за то, что он дал мне все – он дал мне друзей, путевку в жизнь, семью. Потому что именно благодаря комсомольской работе, я познакомился со своей будущей женой Ларисой, которая работала в Центральном райкоме ВЛКСМ и оформляла меня на работу в комитет комсомола политехнического института.»

Из воспоминаний Игоря Вакушкина, секретаря комитета ВЛКСМ ОрПтИ (1991–1992 гг.):

«Много разного происходило в эти годы. Мы реально росли, взрослели, делали добрые дела и действительно двигались вперед. Благодаря этой работе, я впервые начал отличать людей не по возрасту, а по психологическим, идеологическим, смысловым различиям. Например, Сергей Петрович Иваненков, Ажар Жалелевна Кусжанова, Юля Зборовская – преподаватели и старшие товарищи, которые просто помогали, подсказывали, как посмотреть на этот мир совершенно другими глазами и по-взрослому относиться к происходящим процессам. Заставляли трудиться, объясняли, что без учебы невозможно какое-нибудь собственное развитие.

Так или иначе, ничто в жизни не проходит бесследно, я в этом убедился на хороших примерах. С комсомола политеха

на всю жизнь я связан с моими товарищами – Сергеем Воронковым, Дмитрием Кулагиным, Олегом Котовщиковым, впоследствии мы также активно пересеклись и работали с Ириной Останиной.

Великолепная связь, надеюсь не только флюидная, но и духовная и мысленная, с Сергеем Петровичем Иваненковым, Ажар Жалелевной Кусжановой, а также со многими ребятами, с которыми мы встречаемся и вспоминаем комсомол политеха. И действительно, то время, те встречи, встречи молодости – это на всю жизнь, и для меня это большой подарок судьбы, и благодарность от меня будет пожизненной.»

«Бойцы вспоминают минувшие дни и битвы, где вместе рубились они...»

А в завершение – послесловие от рядового студента.

Из воспоминаний Дмитрия Печерского, студента ОрПтИ (1990–1996 гг.):

«В 90-е годы всеобщая «бизнесизация» стала каким-то «нашествием обезьян», и люди, связанные с комитетом, казались островком разумности, который неумолимо уходил под воду. И было не понятно, как вообще они все выживали. Задачи комитета казались какой-то интеллектуальной роскошью на фоне необходимости зарабатывать на хлеб. Видимо, я чего-то не понимал, да и сейчас не понимаю. Не был активистом, не хватило ... сил, веры в нужность этого дела ... все мое взаимодействие строилось исключительно на уважительном отношении к людям (С.П. Иваненков, А.Ж. Кусжанова, Д. Кулагин, С. Воронков), а не на идеях и задачах комитета.

Но как теперь уже понимаю, именно такие люди, в масштабе страны, стали основой ее возрождения. Это я говорю не ради «красного словца», возможно, жестоко заблуж-

даюсь, но я так вижу. Что бы ни говорили, но действующая власть – а это целая команда, не растеряла самобытность мышления и какой-то компас разумности в масштабе мироздания. Не опустилась до уровня пирамиды Маслоу. Не пошла на поводу у всяких там Карнеги и пр. Я не идеализирую власть, там тоже много «бизнесменов» ... но дело в носителях «искры разума».... Конечно, возможно, все вообще не так, и эти уважаемые люди случайно оказались рядом с комитетом, тем не менее, мне так видится.»

2018 год.

POST SCRIPTUM

Как сложились судьбы главных героев с окончания повествования на момент выхода книги.

Сергей Воронков

После комитета ВЛКСМ политеха создавал систему государственной молодежной политики в горисполкоме Оренбурга, работал в областном Совете народных депутатов, организовывал общественно-политическое объединение и предвыборный блок «Преодоление».

Защитил кандидатскую диссертацию по экономике в Москве.

Переехал в Санкт-Петербург, где создавал систему государственной молодежной политики в Администрации г. Санкт-Петербурга. Работал в Комитете по печати и СМИ.

Занимался бизнесом. Сейчас управляет крупнейшими в России конгрессно-выставочными комплексами «ЭкспоФорум» и «ЛенЭкспо».

Вырастил двух взрослых сыновей, души не чает в своей супруге Жанне и восьмилетней дочке Милане.

Считает себя абсолютно счастливым человеком.

Олег Котовщиков

После окончания работы в комитете ВЛКСМ ОрПтИ все последующие годы занимался бизнесом. Возглавлял МЦ «Политехник».

Параллельно получил второе высшее образование (финансово-экономическое).

Руководил первой в Оренбургской области лизинговой компанией, созданной при поддержке «ВнешторгРегионБанка». Вместе с партнёрами учредил и возглавлял компанию по производству и реализации хлебобулочных изделий.

С 1998 года по настоящее время является владельцем и Генеральным директором крупнейшей в Оренбургской области рекламно-производственной компании «Дизайн-

Проект». В 2007 году учредил и возглавил компанию «Спорт-Проект» по производству спортивной одежды.

Вырастил и поставил на ноги двух дочерей, Марию и Екатерину. Сейчас воспитывает девятимесячного сына Александра и двоих внуков, Артёма и Кирилла. Убеждён, что ему по жизни везёт на хороших людей.

Дмитрий Кулагин

С уходом из комитета ВЛКСМ политехнического института, почти 10 лет посвятил развитию системы государственной молодежной политики в Оренбуржье – заведующий отделом по делам молодежи Администрации Дзержинского района г. Оренбурга, заместитель председателя, а затем Председатель комитета по делам молодежи Администрации Оренбургской области.

В 1996 году окончил Оренбургский институт Московской юридической академии им. О.Е. Кутафина.

С 2000 года работал начальником отдела в Администрации Оренбургской области, заместителем мэра г. Оренбурга, заместителем Губернатора Оренбургской области – руководителем аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области. Избирался депутатом и Председателем Законодательного Собрания Оренбургской области, Председателем избирательной комиссии Оренбургской области. Ныне вице-губернатор – заместитель Председателя Правительства – руководитель аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области.

С супругой Ларисой вырастили двух сыновей. Бесконечно счастлив от общения со своей внучкой. Очень рад, что в жизни все было по-настоящему – семья, работа, друзья.

Игорь Вакушкин

После комитета ВЛКСМ политехнического института и районного отдела по делам молодежи, в так называемой «второй волне молодежки города» стал первым началь-

ником отдела, а затем Управления молодежной политики Администрации г. Оренбурга. В 2001–2007 годах смог на практике начать реализацию молодежной политики города на системной основе, заложенной в 1991–1994 годах, в том числе через развитие работы с активом молодежи и поддержку молодежных инициатив.

В 1998 году получил высшее юридическое образование. Работал заместителем Главы города по общим вопросам, возглавлял отдел в Аппарате Законодательного Собрания Оренбургской области. Ныне руководитель аппарата Главы города Оренбурга и Оренбургского городского Совета. Обладатель званий «Почетный работник сферы молодежной политики Российской Федерации» и «Заслуженный юрист города Оренбурга».

Во времена «комсомола политеха» встретил свою любовь и судьбу, и сейчас с супругой Оксаной воспитывают двух замечательных дочерей.

Илья Писаревский

Летом 1992 года вместе с другими членами команды КВН пришел на областной телеканал «Планета», где создавали первое в области молодежное телевидение.

В 1997 году возглавил рекламное агентство «Автор» – первое телевизионное агентство по производству и продаже рекламы на телевидении. На пике популярности вместе со своими единомышленниками становился многократным лауреатом ММФР (Московского Международного Фестиваля Рекламы). 27 лет трудовой жизни отданы региональному телевидению и телевизионной рекламе.

В настоящее время занимается бизнесом. Планы такие же амбициозные, как и в начале 90-х.

А в команде поддержки – семья, двое детей. Сыну – 22, дочке – 11. Отличная команда!

К 100-летию ВЛКСМ

Иваненков Сергей Петрович
Кусжанова Ажар Жалелевна

ТАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ

История одной первички в эпоху Перестройки

Подписано к печати 01.07.2018.
Формат 60x84 1/16.
Объем 19,75 п.л.
Печать цифровая.
Тираж 200 экз.
Зак 268

Издательство ООО «НПО ПБ АС»
196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149

Отпечатано в Полиграфическом центре
типографического комплекса
ФГБОУ ВО Санкт-Петербургский университет
ГПС МЧС России
196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149